

ДМИТРИЙ
МИРОПОЛЬСКИЙ

1916

ВОЙНА И МИР

От автора бестселлера
«Тайна трех государей»

Петербургский Дюма

Дмитрий Миропольский

1916. Война и Мир

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миропольский Д. В.

1916. Война и Мир / Д. В. Миропольский — «АСТ»,
2018 — (Петербургский Дюма)

ISBN 978-5-17-108058-7

Невероятно жаркое лето 1912 года. Начинающий поэт Владимир Маяковский впервые приезжает в Петербург и окунается в жизнь богемы. Столичное общество строит козни против сибирского крестьянина Григория Распутина, которого приблизил к себе император Николай Второй. Европейские разведки плетут интриги и готовятся к большой войне, близость которой понимают немногие. Светская публика увлеченно наблюдает за первым выступлением спортсменов сборной России на Олимпийских играх. Адольф Гитлер пишет картины, Владимир Ульянов – стихи... Небывало холодная зима 1916 года. Разгар мировой бойни. Пролиты реки крови, рушатся огромные империи. Владимира Маяковского призывают в армию. Его судьба причудливо переплетается с судьбами великого князя Дмитрия Павловича, князя Феликса Юсупова, думского депутата Владимира Пуришкевича и других участников убийства Распутина.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108058-7

© Миропольский Д. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая. Мир	10
Глава I. Санкт-Петербург. Утро	10
Глава II. Стокгольм. День	15
Глава III. Ялта, Ливадия. Вечер	17
Глава IV. Лондон. Ночь	20
Глава V. Стокгольм. Печаль кавалериста	24
Глава VI. Санкт-Петербург. Про рок	26
Глава VII. Футбол 1912 года. Немецкий день победы	29
Глава VIII. Санкт-Петербург. Драка драке рознь	31
Глава IX. Стокгольм. Война как спорт	34
Глава X. Вена. Русские немцы	39
Глава XI. Ялта, Ливадия. До первых выстрелов	42
Глава XII. Санкт-Петербург. Язык улицы на проспекте	45
Глава XIII. Вена. Ловушка для шпиона	48
Глава XIV. Ялта, Ливадия. Императорская боль	50
Глава XV. Село Покровское – Царское Село. Черeda чародеев	54
Глава XVI. Вена. Русская рулетка с пистолетом	56
Глава XVII. Санкт-Петербург. Пощёчина в «Пале-Рояль»	60
Глава XVIII. Ялта, Ливадия. Ярость бессилия	66
Глава XIX. Оксфорд. Прощание с Альбионом	71
Глава XX. От любви до ненависти. Шаг первый	78
Глава XXI. Вена – Прага. Футбольная трагедия	80
Глава XXII. От любви до ненависти. Шаг второй	84
Глава XXIII. Санкт-Петербург. Садик в Коломне	87
Глава XXIV. Ялта, Ливадия. Не мир, но меч...та о мире	91
Глава XXV. Лондон. Бомба для «Титаника»	95
Глава XXVI. От любви до ненависти. Шаг третий	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дмитрий Миропольский

1916. Война и Мир

© Д.В. Миропольский, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Я – поэт. Этим и интересен.
Владимир Маяковский

Посмотрите кругом – сколько неправды есть!
Григорий Распутин

Историю побеждённых пишут победители.
Уинстон Черчилль

Вместо предисловия

Истекающая кровью Европа надеялась.

В Лондоне и Берлине, в Париже и Вене по календарю римского папы Григория настал уже тысяча девятьсот семнадцатый год, который сулил скорый конец мировой войны.

Петроград отставал от прочих европейских столиц на две недели. Россия жила по календарю другого римлянина – Юлия Цезаря. И здесь продолжался ещё декабрь года шестнадцатого. Лютый декабрь, студёный...

Свою фамилию – Перебейнос – этот немолодой жандармский офицер будто получил в подарок от Гоголя. Сейчас он притулился за ободраным канцелярским столом в полицейском участке, не расстёгивая шинели и не разматывая башлыка. В углу гудела рифлёными боками печь, и кто-то сердобольный заново набивал топку поленьями.

Сочились каплями сосульки на усах и стриженной бороде; оттаивали погоны, обмёрзший эфес пашки-селёдки... Перебейнос неуверенно держал стакан с горячим чаем обеими руками. Они застыли настолько, что почти не чувствовали обжигающего металла подстаканника. Попытка пошевелить пальцами ног в валенках тоже не порадовала: икры напряглись, дрогнули лодыжки, но дальше... Худо дело.

В ночь на семнадцатое декабря Перебейнос сдал дежурство и уже собирался отправиться домой. Тут-то всё и завертелось. Который теперь пошёл день – второй, третий? На улице стояла обычная зимняя питерская дрянь: не поймёшь, утро или вечер. Перебейнос кемарил понемногу в участке, сидя на стуле и привалившись к стене. Время от времени приходила весть: нашли, мол! И это значило, что надо снова выбираться из натопленной комнаты и в открытом возле плестись в очередной адрес, тщетно укрываясь от пронизывающего ледяного ветра.

Слабо утешало то, что незавидную участь Перебейноса нынче разделяли многие. Приказано было обшарить все помойки и свалки, обойти все тупики и закоулки – и самым тщательным образом осмотреть все до единой реки, речки и каналы столицы, намертво скованные ледяным панцирем. Поначалу Перебейнос мотался вместе с подчинёнными: в случае чего ему надлежало оказаться на месте и командовать. Но долго в таком режиме не протянешь. Когда поиски пошли по очередному кругу, он стал хотя бы на время прятаться в участке... Чёрт возьми, почему у него нет фляжки?!

Перебейнос поставил стакан с чаем на стол. Бесполезно звякнула ложечка. В уплывающем сознании бубнил монотонный голос: надо обязательно сказать жене, чтобы купила фляжку. Даже не фляжку – флягу! Плоскую металлическую флягу с винтовой крышкой. И чтобы в эту флягу входила целая бутылка коньяку. Какого угодно, пускай паршивого, но коньяку. Он станет всегда держать её наполненной – под мундиром, на груди... Нет, лучше на животе, на животе теплее. В самый лютый мороз можно сунуть руку за пазуху, вытащить флягу и сделать долгий-долгий глоток. Нагретый коньяк вышибет слезу, перехватит горло, провалится и хлынет вниз, внутрь; а там взорвётся горячей бомбой и окутает блаженным теплом. И тогда окоченевший Перебейнос начнёт возвращаться к жизни, вытянет поудобнее ноги, расстегнёт прокисшую шинель, размотает башлык, скинет шапку с лысеющей жидковолосой головы – и будет спать, спать, спать...

– Ваше благородие, нашли! Ваше благородие...

Перебейнос разлепил неподъёмные веки. Такой же, как он, закутанный и замёрзший человек, расплываясь, качался перед ним и продолжал повторять:

– Нашли, ваше благородие...

Перебейнос поморгал, энергично потёр уши и начал постепенно приходить в себя.

– Точно нашли, или опять?..

– Точно, ваше благородие! Вроде, нашли...

– Дурак ты, братец.

Нос у посыльного был мертвенно-сизым. В памяти офицера с гоголевской фамилией всплыли «Мёртвые души», читанные давным-давно, в прошлой жизни. Что-то про Фемистоклуса Манилова и препорядочную постороннюю каплю на носу, которая норовила кануть в суп.

Перебейнос тяжело поднялся, опираясь на стол:

– Ладно, едем!

Служебного возка на месте не оказалось. *Шкуру спуцу*, подумал Перебейнос, и они с посыльным отправились пешком со Съезжинской к Большому проспекту ловить извозчика.

Сани с огромным ватным «ванькой» на козлах махнули чуть не через всю Петроградскую сторону и вынесли с Большого на Каменноостровский проспект. Офицер проводил взглядом проплывшую по левую руку заиндевелую бетонную махину «Спортинг-паласа».

Они проехали богатый доходный дом, принадлежавший бухарскому эмиру Сеид-Мир-Алим-хану, и много более скромный домик знаменитого скульптора Опекушина...

Миновали окружённую деревьями, похожую на аккуратный слоёный торт оранжерею Игеля – и знаменитый «колосс» архитектора Щуко, украшенный эркерами и помпезной лепкой...

Оставили позади богадельню купцов первой гильдии Садовникова и Герасимова с церковью во имя святого мученика Фирса и преподобного Саввы Псковского...

– Как-то мы странно едем, – недовольно пробурчал Перебейнос.

Возница и посыльный молчали, а возок проскрипел по мосту через Малую Невку с Аптекарского острова на Каменный – и заскользил по аллеям мимо фешенебельных особняков. Через несколько минут под полозьями пропело стылое дерево моста через небольшую речку Крестовку, на Крестовский остров. Дальше сани скользнули прямым, как стрела, Крестовским проспектом, резко свернули влево, вдоль совсем уже узенькой речушки Чухонки, и остановились перед Большим Петровским мостом – длинной, широкой деревянной переправой через Малую Невку на Петровский остров.

– Покататься решил, скотина? – спросил возницу Перебейнос, выбираясь из саней.

Добраться сюда от Съезжинской можно в два счёта: повернуть на Большом проспекте направо, а налево; проехать вдоль реки Ждановки, свернуть через мостик на Петровский остров; дальше мимо пивоварен «Бавария» и канатной фабрики по Петровскому проспекту, там против пожарной части направо – и вот, пожалуйста, Малая Невка и нужный мост. Выходило много ближе – от силы версты полторы, – быстрее и дешевле, само собой. Знал бы Перебейнос, что они станут так плутать – взял бы финскую *вейку*, сани лёгкие с бубенцами. К зиме в город съезжались финны из окрестных деревень, которые сбивали цены извозчикам: в любой конец города тридцать копеек, и вся недолга.

– Напрямую-то боязно, ваше благородие, – тянул обозванный «ванька». – На Ждановке-то в казармах солдатики пошаливают. Лучше уж крючок исделать. Вашему-то благородию, может, и ничего, а мы – люди простые, нас завсегда кто хошь обидеть может...

Перебейнос простого человека обижать не стал, плюнул и заплатил. Солдаты и вправду нынче пошаливали; в Петрограде дожидались отправки на фронт, почитай, тысяч двести мобилизованных. Непокорно было по всему городу, не только на Ждановке.

У Большого Петровского моста уже толпились зеваки – немного, и всё же Перебейнос подивился. Жилья поблизости, можно сказать, нет. Интересно, откуда они всегда берутся? Как ухитряются заранее узнать, куда идти глазеть? И что заставляет их часами торчать на морозе? С какой радостью сам он, да и любой из его подчинённых поменялся бы с ними местами! Поменялся, и тут же – бегом домой, не чуя ног. А зеваки стоят, переминаются. Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было...

– На мост и на реку никого не пускать, – привычно бросил Перебейнос одному из своих унтеров. Придерживая шашку, он спустился, почти съехал отлогим берегом на лёд и зашагал туда, где маячили караульные.

Как и большинство столичных жителей, раньше Перебейнос часто ездил в этот ближний пригород, на Острова. Особенно летом. На Петровском острове хорошо было сидеть с удочкой где-нибудь за керосиновыми складами и разглядывать проходящие мимо яхты. На Елагином и Каменном – гулять с детьми, на Крестовском – стрелять в тире, любоваться на соревнования по лаун-теннису или следить, как гоняют мяч футболисты лучших питерских команд – «Спорт» и «Унитас». Они играли и друг с другом, и с англичанами, служащими на Сампсониевской ниточной мануфактуре. И с финнами играли, и с немцами, с которыми теперь идёт война...

Перебейнос поскользнулся, но удержался на ногах. Какой толстый лёд! Толстенный. Такой даже возы с дровами выдерживает. Поперёк Невы, вон, трамвай пустили по замороженным прямо в лёд рельсам – ничего, не хрустит... Что же там увидели ребяташки?

Двое городских стояли в сотне шагов от моста и едва смогли откозырять подошедшему офицеру. Замёрзли. *Видать, у них тоже нет фляжек с коньяком*, сам себе пошутил Перебейнос и улыбнулся. Вернее, попытался улыбнуться, но на морозе у него лишь странно дрогнула кожа на скулах.

– Здесь? – спросил он.

– Здесь, ваше благородие, – просипел один, дохнув паром.

То ли днями кому-то в особняках понадобилось обновить ледник – стужа, не стужа... То ли приезжали сюда водовозы... По себе они оставили полыню – майну. Её, конечно, снова затянуло льдом, но сквозь него ещё можно было разглядеть что-то примёрзшее снизу, из чёрной воды.

– Та-ак, – грозно протянул Перебейнос. – Нашли, значит? А раньше куда смотрели, остопопы? Сколько раз уже здесь ходили!

Проштрафившиеся, еле живые от холода и усталости, угрюмо потоптались. Тот, что побойчее, с номером 1876 на бляхе, подал голос:

– Так мы это... Я вон там об лёд запнулся. Гляжу – во льду галоша. Хорошая такая галоша, новая совсем. И майна рядом. Вот мы и смекнули по течению малёхо пошукать...

– Слеподырки, мать вас всех, – сквозь зубы процедил Перебейнос. – Ладно, теперь-то чего ждём? Раньше начали – раньше закончили! Сами себя задерживаем! Ну, живо, живо!

Его люди уже добыли на берегу топоры и пешни со стальными наконечниками, приволокли досок... Все зашевелились, пытаясь согреться хотя бы работой.

Пока они обкалывали лёд и расчищали майну, Перебейнос ждал рядом, растирая руки и ударяя валенком о валенок. В голове крутилась прежняя мысль – о фляге с нагретым на животе коньяком – и ещё одна, которую он старался прогнать подальше. Лучше бы находка оказалась ошибкой, чем угодно, только не тем, что они действительно искали с утра семнадцатого декабря...

...а она оказалась именно тем самым.

На лёд, наконец, выволокли окоченевшее тело.

– Рукавом примёрз, – деловито сообщил один из городских. – Здесь течение сильное, в залив утащило бы – сто лет не найти. А там корюшка съест, она завсегда мертвякам лица гложет...

– А ну тихо мне! – прикрикнул Перебейнос. – И нечего глазеть.

Сам он обречённо разглядывал утопленника, завёрнутого в плотную синюю штору и связанного верёвками по рукам и ногам. Впрочем, связанного не слишком крепко: штора сползла, и руки освободились от пут. Правое запястье обнимал массивный золотой браслет с застёжкой, украшенной императорским вензелем. Сейчас могло показаться, что мертвец боком ползёт по льду и тянется к кому-то скрюченными последней судорогой пальцами.

Утопленник быстро покрывался ледяной коркой. Среднего роста мужчина лет пятидесяти, ширококостный, но шуплый. На плечах – добротная бобровая шуба. Нарядно расшитая колосьями васильковая шёлковая рубаша задралась, под ней – ещё одна, исподняя, в пятнах почерневшей крови из порванного выстрелом живота. Чёрные бархатные штаны заправлены в высокие шевровые сапоги; на левый криво насажена фетровая галоша.

Кровь пропитала всклокоченные пегие волосы на разможжённом затылке, склеила лохматую длинную бороду и усы, залила лицо и рот, оскаленный в дикой ухмылке. Посередине лба зияло входное отверстие от пули, обмётанное пороховой гарью, – *штанц-марка*, верный признак выстрела в упор. Правая скула превратилась в сплошное месиво, глаз вывалился из орбиты, ухо разорвано, и всё же не узнать покойника было нельзя.

– Господи, за что же это... мне? – прошептал Перебейнос.

Он лихорадочно перебирал в уме события и обрывки слухов последних дней, начиная с семнадцатого декабря, и в одно мгновение успел вспомнить...

...о государе императоре, который сейчас так далеко отсюда – на войне, в белорусском Могилёве, в Ставке Верховного главнокомандующего...

...о государыне императрице, что в яростной истерике сыплет незаконными приказами из Александровского дворца в Царском Селе...

...о кузене и любимце государя, великом князе Дмитрие Павловиче, по приказу государыни заключённом под домашний арест...

...об аресте молодого князя Феликса Юсупова и стрельбе в его дворце на набережной Мойки...

...о шальном автомобиле из императорского гаража, метавшемся через Острова в ночь на семнадцатое...

...о болтовне депутата Государственной думы, националиста и паяца Пуришкевича, про немецких шпионов и спасение России...

...и о себе, простом служаке с забавной, будто вычитанной у классика малоросской фамилией Перебейнос, для которого эта страшная находка может обернуться по-разному: или наградой – или так, что лучше даже не думать.

Потому что перед ним в окровавленной вышитой рубаше, в сапогах с одной галошей и с дыркой во лбу обмерзал труп того, о ком за последние четыре года не судачил только ленивый.

Возле полыньи на Малой Невке распласталось изувеченное и простреленное тело человека, которого без сна и отдыха третий день искали по всем закоулкам Петрограда, во всех столичных реках и каналах.

На льду связанным лежал мёртвый персонаж бульварных газет, на все лады склонявших его прозвище – *святой чёрт*.

Странный сибирский мужик, загадочный любимец государевой семьи.

Григорий Распутин.

Часть первая. Мир

Глава I. Санкт-Петербург. Утро

В том, что могучая сборная Германии скорее всего *раскатает* российских футболистов, сомневались немногие, но чтобы шестнадцать-ноль?!

Маяковский разложил газету на столике и уткнулся в спортивную колонку.

Главный недостаток нашей сборной команды – её полная несыгранность... Здесь совершенно запрещены наши толчки. Голькипера вовсе нельзя толкать. У нас же постоянно стараются свалить голькипера, – и получается дикая игра. Запрещение толкать игроков поднимает технику игроков. Сравнение игры русских команд с иностранными, к сожалению, показывает, что мы – ещё дети в футболе, но... уже грубые дети...

Керамическая планка прижимала край газеты, которую шевелил налетавший с Невы ветерок. Маяковский, не глядя, выудил из планки горсть жареных орехов и кинул их в рот. Хорошо было бы чем-нибудь запить, но в карманах – шаром покати, и даже папиросы кончились. Поэтому надо сидеть и ждать Бурлюка, у которого есть деньги. Тот с самого раннего утра бежит по каким-то своим делам...

Летом двенадцатого года в Петербурге установилась необычайная жара. Короткие белые ночи не приносили желанной прохлады. А поутру лучи беспощадного солнца вновь раскаляли не успевшие остынуть мостовые, и огромный каменный город, который прихотью властей выкрасили в красноватые и багровые тона, превращался в плавильную печь, пышущую вязким обжигающим зноем. Искать спасения оставалось в тени парков – или по берегам рек и каналов, рассекающих город на десятки островов и принеших российской столице славу Северной Венеции.

Маяковский облюбовал столик в открытом кафе прямо на гранитном спуске к Неве, против Адмиралтейства. Неподалёку изнурённые зноем рабочие разбирали одряхлевший деревянный Дворцовый мост. Наконец-то в казне нашлись деньги, чтобы связать каменные набережные Адмиралтейской части и Васильевского острова современным разводным красавцем – вместо оскорбительной для взгляда щетины старых брёвен, торчащих во все стороны.

Коротая время ожидания, Маяковский листал заметки репортёров с Пятой Олимпиады в Стокгольме, которые смаковали провал российских футболистов.

Разгром полный, небывалый! Отчего же не получить поражение, отчего не уступить более сильному и готовому противнику... Но сыграть 16:0 в одном матче, как сыграли наши олимпийцы с Германией, – это даже не значит поехать учиться, чтобы учиться, лучше было посмотреть с трибуны зрителей – это просто небрежность – неизвинительная, непростительная небрежность.

Франция, поставленная в неблагоприятные для неё условия, отказалась совсем от игры на Олимпийских играх, – мы же не только блеснули своим убожеством, но и торжественно в нём расписались...

На газетные строчки упала тень, и раскатистый бас произнёс:

– Владимир Владимирович, вы газетку не подвинете?

Маяковский оторвался от чтения, поднял голову и сощурился от нестерпимо яркого света.

Высокий, плечистый Давид Бурлюк, подойдя против солнца, навис над столиком и поставил на него сразу шесть пузатых кружек с пивом. Их ручки, нанизанные на толстые пальцы, никак не хотели отцепляться. Шапки густой пены колыхнулись, и по стеклу, оставляя сияющий след, сбежали янтарные ручейки.

Маяковский отдернул газету, а Бурлюк тяжело опустился на стул напротив, взял кружку и в несколько жадных глотков отпил больше половины.

– Ох, хорошо, – выдохнул он. – Что пишут?

– Наши продули немцам ноль-шестнадцать!

– Во что играли? – вежливо осведомился Бурлюк. – Вы не стесняйтесь, Владимир Владимирович, пейте пиво, пока холодное...

Он залпом прикончил кружку и потянулся за следующей.

Маяковский возмутился:

– Поразительное безразличие... В футбол играли, в футбол! Мы же первый раз на олимпиаде, в клочья надо было всех рвать, а эти... Вот уж точно – убожество... Трудно, что ли, найти в целой стране одиннадцать человек, которые могут нормально мячик пинать?!

– Думаю, по такой жаре охотников на ваш футбол найдётся немного...

Ветерок с Невы не освежал, а лишь лохматил кудри Давида и ронял длинный чуб на глаза Володи. День только начался, но солнце уже палило немилосердно и доставляло грузному Бурлюку страдания, пожар которых он пытался залить пивом.

Маяковский пил оригинально. Он взял кружку левой рукой и прильнул к ней губами возле ручки. Володя был брезглив и полагал любые кружки вымытыми недостаточно тщательно. Однако считал, что изобретённый им способ позволяет не касаться тех мест, которых раньше касались другие.

– Охотников – больше чем достаточно! – категорично заявил он. – Сборные Москвы и Петербурга, вон, чуть не передрались, кому в Швецию ехать. Киевляне тоже хотели... И жара тут ни при чём! Объясните мне, почему, например, борцы могут, а футболисты нет? Слыхали про Клейна?

Не отрываясь от напитка, Бурлюк пожал могучими плечами.

– Вы только представьте, Давид Давидыч! Турнир по греко-римской борьбе, полуфинал. Сорок два градуса в тени, тёмный ковёр...

– Всё, я уже умер, – вставил Бурлюк, опорожнивший вторую кружку.

– ...и на ковре – двое, – продолжал Маяковский. – Наш – Мартин Клейн, из Эстонии, а против него – финн Асикайнен. Трёхкратный чемпион мира, между прочим!

– Между прочим, финны тоже наши, – заметил Бурлюк. – Великое княжество Финляндское, сколько я помню, входит в состав Российской империи...

– Они и выступают под нашим флагом, – нетерпеливо махнул рукой Маяковский, – только Олимпийский комитет у них свой... Так вот, Клейн боролся с Асикайненом десять часов!

Бурлюк посмотрел недоверчиво.

– Сколько?!

– Ну, почти десять. Девять часов сорок минут с двумя короткими перерывами.

– Ага, я прямо это вижу, – подхватил Давид и заговорил, удачно имитируя прибалтийский акцент и неторопливую манеру речи: – Красавец-эстонец и симпатяга-финн, блестя рельефной мускулатурой, медленно-медленно сходятся посреди тёмного ковра под щедрым скандинавским солнцем и до самого вечера медленно-медленно борются друг друга...

Иронии и актёрства Маяковский не оценил.

– Клейн – герой, – сердито буркнул он, бросил в рот горсть орешков и отхлебнул ещё пива. – Он бы и Юханссона в финале победил. Только Олимпиада где? В Швеции. А Юханссон – швед. Сговорились там, кто надо, и судьи потребовали, чтобы финал состоялся немед-

ленно. Клейн был еле живой и отказался, конечно, вот и получил только серебряную медаль. Хотя она золотой стóит!

– М-да... Нет правды на земле, но нет её и выше! Хотя это слабое утешение. Бросьте забивать себе голову всякой ерундой, Владим Владимыч. Вы же не жучок какой-нибудь спортивный, вы – поэт! – Бурлюк поднял свою кружку в приветственном жесте, сделал глоток и повторил: – Поэт, футурист, художник и вообще... великолепный молодой конь!

Дьяконский бас привлёк внимание нескольких пенно-кружевных институток за соседним столиком. Девушки обмахивались веерами и запивали мороженое лимонадом. Они склонились друг к другу, зашептались и захихикали, поглядывая на *великолепного молодого коня* и его колоритного собеседника.

Чего стоила одна только повязка, закрывавшая Давидов левый глаз! Притом она не портила его породистого вида и лишь подталкивала к сравнению с каким-нибудь одноглазым героем. На фоне просторной Невы, усеянной прогулочными катерами, лодками и яхтами, Бурлюк мог бы выглядеть британским адмиралом Нельсоном, но могучей статью скорее походил на русского фельдмаршала Кутузова.

Просторная белая рубаша Бурлюка взмокла на спине и липла к телу. Маяковский был одет в чёрную блузу без пояса, которая подчёркивала его стройность и высокий рост. Похоже, юноша не страдал от жары, разве что расстегнул пару верхних пуговиц. Крупные черты лица дополняли образ южанина.

– Стоило ли тащиться из Москвы, – недовольным тоном произнёс Маяковский, – чтобы сесть посреди Петербурга, развлекать барышень и наливаться пивом?

Бурлюк хмыкнул и взял со столика четвёртую кружку, пена в которой уже осела:

– Вы позволите?

Спрашивал Давид для порядка, поскольку патронировал своего молодого приятеля, везде платил за них обоих и выдавал Володе по пятьдесят копеек в день на карманные расходы.

Год назад, когда Бурлюку стукнуло двадцать девять, он поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. И там познакомился с восемнадцатилетним Маяковским. Оба были талантливы, оба тяготились рамками традиционной школы – так что сблизились легко, хотя продолжали обращаться друг к другу исключительно на *вы* и по имени-отчеству.

К тому времени Давид успел поучиться и в Казанском художественном училище, и в Одесском; объездил чуть не пол-России, занимался в студиях Мюнхена и Парижа, участвовал в бесчисленных выставках и заслуженно числился в лидерах русского авангарда.

Владимир, несмотря на юный возраст, тоже оказался тёртым калачом. Имел за плечами три ареста за связи с террористами, пять месяцев одиночного заключения, чудом избегнутую ссылку то ли в Нарымский край, то ли в Туруханский... Деталей толком никто не знал, но столь бурная биография конечно же произвела неизгладимое впечатление на сокурсников. В их глазах Володя не мог быть бандитом – только узником совести...

...Но Бурлюка привлекло другое. В Бутырской тюрьме Маяковский начал писать стихи, а первые опыты на воле как-то показал Давиду. Ночью посреди Сretenского бульвара Бурлюк заставил стесняющегося, запинаящегося Володю читать. Выслушал, пришёл в восторг и немедленно объявил своего юного приятеля гениальным поэтом. В гениальные художники он определил его ещё раньше.

Вдохновлённый признанием Маяковский немедленно примкнул к Бурлюку с друзьями, которые звали себя кубо-футуристами и утверждали, что занимаются созданием нового национального искусства. В конце концов, это тоже была революционная деятельность. Не менее захватывающая, чем у социал-демократов, но гораздо более безопасная и публичная. А публичности Маяковскому ох как хотелось! К тому же ему льстил живой интерес товарищей – не жаждущих крови люмпенов-подпольщиков, но рвущихся творить художников и поэтов, многие из которых уже издавались...

– Пиво – божественный напиток, – басил тем временем Бурлюк, – вы мне пиво не трогайте! Его ещё древние шумеры пили. И строители египетских пирамид. Хлеб четыре тыщи лет назад не для еды пекли, а чтобы у пивоваров сырьё всегда было под рукой, так-то! Может, боженька для того и придумал пиво, чтобы мы не забывали, как он нас любит! – Бурлюк одолел четвёртую кружку и с блаженной улыбкой откинулся на спинку стула. – А на Петербург и вправду пора посмотреть, и вас ему показать, – сказал он. – Может, от пекла не все разбежались: Лёша Крученных, Вася Каменский – из своих кого-нибудь, да найдём. С Гумилёвым встретиться не мешает, с Кузминым. Глядишь, Блока повидаем... Столица, Владим Владимыч, она столица и есть! Но вообще-то хотел я вас познакомить с Витей Хлебниковым, Велимиром нашим...

Маяковский скривился и продекламировал глуховатым юношеским баском:

*О, рассмешиц надсмеяльных – смех усмейных
смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!..*

– Чёрт его знает, что такое, – сказал он. – Вот я понимаю, Мандельштам:

*Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень –
Мрачней гробовых плит.
Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...*

– Образы мощные, – продолжал Маяковский, – ритм завораживает. Тарá-титата-та... А Хлебников? То ли издевается, то ли просто нездоров. Белиберда какая-то. Смех надсмейных смеячей... О чём это? Для кого написано? Уж точно, не для читателей...

– Я бы сказал – не для всяких читателей, правда ваша! – Бурлюк оживился и посмотрел единственным глазом на последнюю полную кружку с пивом, потом на Маяковского. – Только мозг-то царапает! Ну скажите, царапает? Цепляет? Заставляет слушать?.. Ага! Заставить себя слушать – великое искусство для поэта! Значит, у Вити есть чему поучиться. А про кузнечиков – вы ещё новенького не слышали...

Он приосанился, вдохнул и негромко нараспев произнёс:

*Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер...*

– Каково? – восторгался Бурлюк. – *Кузнечик в кузов пуза...* Потрясающе! Сколько музыки! А образы, образы какие – что, хуже, чем у Мандельштама?!

Действительно, десятком слов, обычных и выдуманных, Хлебников будто акварель нарисовал – красивую, светлую, очень зримую... Маяковский неохотно согласился:

– *Крылышкуя золотописьмом...* Это – да, это ловко.

Бурлюк вдруг заёрзал на месте:

– Фу-ты, совсем из головы вылетело... Вот!

Из заднего кармана брюк он вытащил сложенную вдвое брошюру, расправил и шлёпнул её на столик.

Глава II. Стокгольм. День

Дмитрия Павловича терзал жестокий сплин – хандрил великий князь, двоюродный брат российского императора Николая Второго. Казалось бы, о чём печалиться статному красавцу двадцати одного года от роду? Но в таком настроении и в такую жару лучше было бы Дмитрию Павловичу лежать под электрическим вентилятором во дворце Оук-Хилл. Или, на худой конец, бродить по Стокгольму где-нибудь в районе Гамла Стан...

В сердце старого города великий князь чувствовал себя уютно – здесь многое напоминало российскую столицу. Стокгольм, как и Петербург, раскинулся на островах. Сходство дополняли снующие меж берегов кораблики; огромные строгие дома и широкие мосты, кафе на набережных и множество маленьких баров в мощёных закоулках. Знакомыми казались тучи, мгновенно скрывающие солнце и так же неожиданно расступающиеся вновь; особенная северная зелень с серебристым отливом, внезапные порывы морского ветра – и неповторимое ощущение близости Балтики, до которой что в Петербурге, что в Стокгольме рукой подать...

Дмитрий Павлович стоял на корабельной палубе, облокотившись на леер, и мусолил папиросу. Чёрт его попутал уступить уговорам сестры и с её шумной компанией отправиться на прогулку в шхеры! Солнце пекло, дым лез в глаза, курить не хотелось, но ещё меньше хотелось возвращаться к попутчикам, собравшимся почитать вслух газеты из России.

Для защиты от испепеляющих лучей полуденного солнца матросы растянули над кормой огромный тент. В его тени участники прогулки слушали британского офицера, который спокойным, хорошо поставленным голосом зачитывал очередную статью под броским заголовком. Интересно, где этот англичанин так выучился по-русски?

Мы же не только блеснули своим убожеством, но и торжественно в нём расписались. Некоторых удручает, что русские оказались плохими стрелками – это в их представлении самое ужасное.

Нам же кажется наиболее опасным и неприятным поражение наших футболистов. В этой игре как нигде сказывается железная дисциплина, умение владеть собой, – расчёт, подчас очень тонкий, способность быстро ориентироваться, найтись во всяком положении и из всякого положения выйти...

Складывалось впечатление, что англичанин, подлец, не просто тщательно выговаривает слова, но и смакует издевательский тон репортёра.

Все усилия, все заботы мы должны направить на развитие спорта в нашей стране, – благо к нему проснулась охота и интерес... Быть может, только тогда, когда наше движение станет общим и мощным, мы сумеем выставить таких игроков и такие команды, которые ответят шведам Полтавой за былые поражения...

Если шведы – то Полтава, конечно... будто и вспомнить больше нечего! Со стороны компании, расположившейся на скамьях и в шезлонгах на корме, до Дмитрия Павловича долетало каждое слово. Кораблик малым ходом пробирался в узких проливах между поросших соснами каменистых островков. Фраза о давней победе Петра Первого над Карлом Двенадцатым здесь, в сердце Швеции, да ещё после разгромного проигрыша россиян звучала просто насмешкой.

– Митенька, бросай дуться! – окликнул великого князя мягкий девичий голос. – И хватит курить, у тебя слабые лёгкие!

Дмитрий Павлович раздавил окурок в хромированной пепельнице, подвешенной к лееру, обернулся и сердито посмотрел на подошедшую сестру. Покровительственные нотки в её

голосе великому князю не нравились. Конечно, Мария Павловна имела некоторые основания вести себя как старшая: она и была старше брата на целый год – ей уже исполнилось двадцать два! К тому же сейчас великая княжна исполняла роль гостеприимной хозяйки, и Дмитрий Павлович вынужденно подчинился. Он взял сестру под руку, чтобы вести к шезлонгу, но она негромко сказала:

– Если тебе так уж не хочется с ними сидеть, давай немножко погуляем...

Брат и сестра пошли вдоль борта: высокий широкоплечий Дмитрий в летнем кавалерийском мундире – и прижавшаяся к нему плотная миловидная Мария, одетая амазонкой.

Дети великого князя Павла Александровича были неразлучны с младых ногтей и души друг в друге не чаяли. Они осиротели в тот день, когда родами Дмитрия умерла их матушка, греческая принцесса Александра. И стали сиротами второй раз, когда десятью годами позже отец женился за границей.

Его избранницей оказалась особа более низкого происхождения, да к тому же разведённая. Сочетавшись морганатическим браком, Павел Александрович нарушил закон, по которому великие князья могли родниться лишь с королевскими или владетельными домами. За это государь отлучил его от двора, лишил звания генерал-адъютанта, уволил от всех должностей и вообще запретил появляться в России.

Мария и Дмитрий росли сначала в доме дяди – московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. А после того, как их воспитатель погиб, разорванный бомбой террориста, переехали в Петербург к своему кузену – российскому императору Николаю Второму. Расстаться пришлось, когда Дмитрию Павловичу исполнилось семнадцать: его определили в кавалерийскую школу, а восемнадцатилетняя Мария Павловна стала женой наследного шведского принца Вильгельма.

В Швеции будущей королеве оказали самый радушный приём. Мария получила титул герцогини Сёдерманландской; специально для неё стараниями российского государя построили резиденцию – дворец Оук-Хилл... Но ни самое сердечное расположение новых родственников, ни любимые ею скачки, ни частые поездки на охоту, ни игры в хоккей с мячом, ни самозабвенные занятия живописью, ни даже рождение сына, принца Ленарта – ничто не могло заглушить печаль разлуки с братом.

Так что теперь, несколько лет спустя, появление Дмитрия Павловича на Олимпийских играх в Стокгольме стало самым дорогим подарком для Марии Павловны. Она не отходила от брата ни на шаг.

Глава III. Ялта, Ливадия. Вечер

Что русскому потеха, то немцу смерть – присказка не только про гостей с берегов Рейна: исстари, ещё с допетровских времён, немцами в России называли любых европейцев.

Немкой считалась и гессенская принцесса Алиса Виктория Елена Бригитта Луиза Беатриса. Её родина, великое герцогство Гессен-Дармштадт, – германская земля, а отец, ландграф Людвиг Четвёртый, – немец. Но мать Алисы была британской принцессой, и воспитывали девочку в Лондоне, при дворе великой бабушки – королевы Виктории. Первую бонну, чопорную леди Анну Текстон, сменила такая же чопорная Маргарет Джексон...

...так что дочь ландграфа выросла скорее англичанкой, чем немкой. Английский язык стал для принцессы Алисы родней немецкого, и дома она предпочитала разговаривать по-английски.

Её муж не возражал: блестяще образованный сын датской королевны Марии Софии Фредерики Дагмар, внук немецкой принцессы Максимилианы Вильгельмины Августы Софии Марии, тоже свободно владел пятью языками.

Сын датчанки и внук немки, потомок герцогов Гольштейн-Готторпов, обладатель ласкового домашнего прозвища Ники – Николай Александрович, российский император Николай Второй.

– Вот смотри: здесь мы, здесь Габсбурги, а здесь – Гогенцоллерны, – под внимательным взглядом супруги он блюдцами обозначал на чайном столике Австрию и Германию. – Здесь – мы, а здесь они... и здесь...

Ему пришлось наскоро импровизировать карту Европы из всего, что подвернулось под руку: географию Алиса знала нетвёрдо. Карта была нужна, чтобы объяснить, где сталкиваются интересы трёх империй – Российской, Германской и Австро-Венгерской.

– Вот это Средиземное море, – сказал император, выложил рядом несколько салфеток и продолжил выставлять блюда. – Значит, это – Греция, а рядом – Турция. Южнее – Кипр, туда крейсер «Аврора» отправился. Здесь – остров Родос и ливийская Триполитания...

Императрица покивала:

– Там сейчас турки с итальянцами воюют.

– Я бы сказал – итальянцы с турками. – Николай Александрович вздохнул. – И хорошо воюют, знаешь ли! Мы уже просили их остановиться и назвать условия, на которых Рим готов прекратить войну. Слишком хорошо воюют! – повторил он.

– Отчего же слишком?

– Оттого, что на Балканах теперь думают: если турок так легко побить, чего же мы сидим? И прикидывают: не пора ли тоже крепко взять Турцию за горло и припомнить старые обиды?

Интересы императрицы ограничивались домом и детьми: *Küchen, Kinder, Kirchen*, пресловутое немецкое *правило трёх «К»*. Газет она не читала, книжки – только духовные и мистические, да ещё романы. О событиях в мире узнавала от мужа, который нечасто бывал расположен рассказывать.

Николай Александрович старался оградить семью от внешнего мира: довольно того, что ему приходится каждый день окушаться в дела страны и хитросплетения международной политики. Тяжела ноша государя, утомительна и неблагодарна. А жена с детьми пусть живут спокойно и счастливо.

– Нам тоже нельзя сидеть сложа руки. Ведь там кто? – сказал император и четырежды звякнул остриём серебряного фруктового ножа по фарфору, обозначавшему Балканы. – Сербия, Черногория, Болгария и Греция. Все наши, православные.

Перед замужеством Алисе Гессенской пришлось перейти в русскую православную веру: жене наследника престола недостаточно быть просто христианкой. Тогда же она сменила

имя и превратилась в Александру Фёдоровну. Родные звали её Аликс – домашнее прозвище стало мостиком от Алисы к Александре.

– Будет очень хорошо, – добавил Николай Александрович, – если они перестанут что-то выдумывать сами по себе, а объединятся в Балканский союз. Мы это приветствуем...

– Союз против кузена Вилли?

Так Александра Фёдоровна по привычке называла германского кайзера Вильгельма Второго: их матери были родными сёстрами.

Николай Александрович кайзера не любил – ни как родню, ни как политика. Пару лет назад он даже объехал Берлин стороной, совершая официальный вояж к своему кузену Джорджи – британскому королю Георгу Пятому. У Вилли Гогенцоллерна хватило наглости предъявить ультиматум: либо Россия признает аннексию Боснии и Герцеговины, либо германская армия поддержит австрийское вторжение в Сербию!

– России выгоден союз и против Вилли, и против Франца-Иосифа, – напомнил Николай Александрович про дряхлого Габсбурга, императора Австрии и короля Венгрии. – Турки-то нам не помеха, отзовём оттуда посла – и всё! А вот эти...

Он придвинул к себе блюдо, обозначавшее Турцию, и принялся срезать над ним с яблока кожуру аккуратной длинной спиралью. Императрица продолжала слушать про то, как российские дипломаты подталкивают Сербию, Черногорию, Грецию и Болгарию к созданию союза, а сама Россия тем временем копит силы против Австрии и Германии.

Болгары с греками к австрийцам равнодушны, но жаждут разгромить турок – и спорят, кому из них после победы достанется Македония. Зато для сербов Австрия – враг номер один, и кусок Турции они тоже урвать не прочь. Они согласны на часть Македонии, но за такую сговорчивость хотят получить Албанию и выход к морю...

– Съешь половинку? – Николай Александрович предложил жене очищенное яблоко. – Сербия – морская держава! Можешь это себе представить?.. Старик Франц-Иосиф тоже не может, оттого и распря у него с сербами.

От яблока императрица отказалась, и муж снова указал ножом на карту:

– Австрию поддерживают итальянцы. Но у них эйфория от побед над турками. Италия собирается сама хозяйничать на Адриатике и хочет Албанию, а это не нравится австрийцам... Такой получается пасьянс.

– Не пасьянс, а путаница, – возразила Александра Фёдоровна, знавшая толк в пасьянсах. – Столько названий, голова кругом... Не понимаю, как ты можешь всё упомянуть. И ещё: почему нельзя просто взять – и договориться один раз?

Николай Александрович невесело усмехнулся.

– Милая, милая Аликс... Хотел бы я так! Но политика устроена иначе. Сегодня одни дружат с другими против третьих, потом другие с третьими начинают дружить против первых, а те с четвёртыми – против них. Всё время кто-то дружит против кого-то, чтобы что-нибудь чужое к рукам прибрать...

– Но ведь нам-то чужого не надо! Зачем соваться на Балканы? Турки сейчас слабые. Если сербы с болгарами хотят им отомстить – пусть воюют. А наше дело – сторона!

– Так не выйдет. Если начнётся война, турок сразу же поддержит Австрия, и нам придётся заступаться за братьев-славян. За Францем-Иосифом пойдут германцы с твоим кузеном Вилли, за нами – англичане с моим кузеном Джорджи. Потом французы включатся, и так далее. Помнишь, Григорий детям рассказывал, как репку тянули? Старуха хватается за старика, внучка – за старуху, собака – за внучку... Это будет война всех против всех. Мировая.

В том, что большой войны в любом случае не избежать, сомневались немногие. Скорее всего, первой подготовится Германия – и поспешит нанести удар. В российском Главном штабе генерал Брусилов предлагал пари, что это произойдёт не позже весны пятнадцатого года...

...а Россия успевала перевооружить и обучить армию только году к семнадцатому. Винтовок хватало, но пулемётов на дивизию не набиралось и сорока, хотя полагалось сто шестьдесят. Бомбомётов и миномётов вообще не было, ручных гранат не хватало катастрофически. Сапёрное дело развивалось черепашными темпами, артиллерия тоже; военная авиация делала первые неуверенные шаги... Отставали от Германии и российские союзники по Антанте – Франция и Англия.

– К тому же сербы с болгарами наскребут под ружьё тысяч триста солдат, не больше. Если они ударят по туркам сейчас, то мы окажемся против Австрии и Германии, которые могут сразу выставить два миллиона штыков. И это только для начала. Словом, всё складывается очень и очень скверно. – Николай Александрович встал из-за стола. – Я, пожалуй, пройдуся часок, а потом детям перед сном почитаю. Не будешь скучать?

– Буду, – улыбнулась в ответ Александра Фёдоровна.

Николай Александрович наклонился, чтобы поцеловать жену. На него пахнуло свежим леденцовым запахом «Вербены», её любимых духов.

У императрицы болели ноги – с юности донимал её воспалённый поясничный нерв, и гулять она не ходила. А Николай Александрович наоборот, что ни день, отправлялся по *царской тропе* на несколько вёрст в горы. В этих пеших прогулках его сопровождал только неотлучный телохранитель, двухметрового роста бородатый лейб-казак Тимофей.

Рядом с этим гигантом невысокий император казался ещё меньше. И Александра Фёдоровна в который раз подумала о том, что тяга к людям богатырского сложения – память Ники об отце. Многолетняя память, бесконечная любовь и неизбывная печаль по так рано и внезапно умершему Александру Третьему.

Глава IV. Лондон. Ночь

– Леди...

Ливрейный лакей поклонился и распахнул двери казино.

Несколько красавиц в дорогих платьях и кокетливых шляпках проплыли мимо него на ночную улицу.

Последняя задержалась в дверях.

– Милейший, – в приятном контральто слышался заметный континентальный акцент, – я проигралась в пух. Вы не могли бы одолжить мне двадцать фунтов?

Лакей замешкался.

– Двадцать фунтов – очень большие деньги, миледи. У меня есть пять фунтов...

Он сунул руку в карман, но дама остановила его властным жестом.

– Не трудитесь. Деньги оставьте себе – это вам на чай.

Подруги разместились в просторном автомобиле: прямо напротив дверей казино, как из-под земли, возник похожий на королевскую карету белый *Rolls-Royce Silver Ghost Double Pullman*.

Шофёр затворил дверцу за пассажирками, важно уселся на своё место, и шикарный лимузин мягко и бесшумно покатил прочь, озаряя путь сиянием громадных круглых фар.

– Красотка, – сказал вышедший следом за последней дамой щеголеватый господин и повернулся к лакею. – Знаешь, кто такая?

– Конечно, сэр, – ответил лакей. – Эта леди – русский принц Юсупов. Они с друзьями развлекаются...

Молодой князь Феликс Юсупов, носивший ещё фамильный титул младшего графа Сумарокова-Эльстон, учился в одном из колледжей Оксфордского университета.

Его появление в Оксфорде стало событием: для переезда из Лондона князь нанял целый железнодорожный состав. Такое мог себе позволить только единственный наследник крупнейшего в России состояния.

Юсуповы владели сотнями тысяч десятин земли. Лесопилки, фабрики и рудники, сахарные и кирпичные заводы приносили семье больше пятнадцати миллионов золотых рублей годового дохода. Им принадлежали тридцать семь имений. Четыре дворца в Петербурге и три в Москве были обставлены антикварной мебелью французских королей. Жемчужина «Пелегрина» – любимая драгоценность матушки Феликса, княгини Зинаиды Николаевны, – некогда считалась главным украшением испанской короны Филиппа Второго. Княжеская картинная галерея соперничала с Эрмитажем. Черноморский летний дворец Юсуповых в Кореизе соседствовал с императорским дворцом в Ливадии, и хозяева дворцов нередко навещали друг друга в гости.

Феликс поставил жизнь в Оксфорде на широкую ногу. Успехами в учёбе не блистал, зато быстро совершенствовал английский язык и с головой окунулся в новую для него атмосферу.

Богатый хлебосольный князь, который не жалел денег на развлечения, тут же стал любимцем студенческой братии. Однокашники в подражание его причудам разгуливали по колледжу в женских платьях, спорили за право выгуливать юсуповского бульдога, трепетно ждали приглашений на роскошные ужины, участвовали в бесконечных затеях, розыгрышах, карнавалах – и грустили, когда князь уезжал в Россию, к матушке. Расписание занятий – три недели каникул через каждые два месяца – его частым поездкам весьма способствовало.

Сейчас лимузин Юсупова мчал молодых людей из Лондона в Оксфорд. Весёлая компания устроилась в мягких кожаных диванах, освобождаясь от манерных сумочек, женских туфель и шляпок с приколотыми париками.

– Дорогой мой, – сказал князь и повернулся спиной к одному из приятелей, – распусти мне, пожалуйста, корсет.

Юноша, к которому обратился Юсупов, был англичанином Освальдом Рейнером.

– Ты так ему сказал! – жеманно говорил он, ловко управляясь со шнуровкой и крючками корсета. – Оставьте себе, это на чай! Ой, не могу... Просто умора...

Молодые люди залились смехом.

– Зря мы ушли, – заявил француз Жак де Бестеги. – Я встретил знакомого и вполне мог одолжить у него пару сотен.

– Нет уж, голуби мои! – Теперь Юсупов говорил голосом, нормальным для мужчины двадцати пяти лет. – Договорились, что играем, пока есть наличные. Проигрались – всё.

– А мне тоже обидно, – подал голос Луиджи Франкетти, пластичный студент из Италии. – Феликс, противный, зачем ты нас увёл? Стоило накрывать трауром два стола, чтобы тут же спустить всё на третьем и остановиться...

Этот ритуал англичане позаимствовали у крупнейшего европейского игорного дома – «Дворца казино» в Монте-Карло. Каждый рулеточный стол имел свой банк, свой денежный запас. И если этот запас кончался – банк объявляли сорванным, стол закрывали пологом из чёрного сукна и прекращали за ним игру.

Сначала приятелям невероятно везло. Они дважды сорвали банк, и служащие казино уже чувствовали себя как на иголках, но тут удача отвернулась от весёлых студентов.

– В России говорят: играй, да не отыгрывайся, – назидательно сказал князь. – И ещё говорят: уговор дороже денег. Джентльмены, в конце концов, мы же не за тем шли!

Каждый поход с Феликсом превращался в приключение. Фантазия князя, разгорячённая рассказами Оскара Уайльда и рисунками Обри Бердслея, постоянно рождала всё новые шалости. Приятели могли переодеться женщинами и отправиться в казино, как сегодня, или устроить переполох в каком-нибудь ресторане, или разыгрывать уморительные сценки в поезде, в парке, на улице... Правда, бывали случаи, о которых не очень хотелось вспоминать.

Однажды они забрались в редкостно злочное место – и как только их неугомонный заводила разыскал этот притон?! Сначала просто веселились, пили, пели и танцевали. Но потом на хорошо одетых, благоухающих дорогими духами дамочек обратили внимание крепко подгулявшие моряки, чуть не целая корабельная команда. Князь вовсю флиртовал, играя роль роковой соблазнительницы, хотя приятели почувствовали опасность и умоляли его уйти. Доигрался до того, что предводитель моряков – огромный, покрытый расплывшимися татуировками бородатый детина – возжелал Феликса и поволок его в номера этажом выше. Покусились раззадоренные гуляки и на остальных.

Тут началась потасовка, досталось всем, и растерзанная компания улизнула каким-то чудом: ведь и с полицией в таком виде было встречаться небезопасно. Поклонников однополю любви не жаловали ни полицейские, ни пьяные матросы в грязном притоне. Даже газеты стыдливо называли таких – *джентльменами с грамматическими ошибками*, намекая на то, что благородное слово здесь неуместно...

– Так что же, на сегодня развлечения кончились? – капризно сказал Освальд и поджал губки.

Освобождённый из тисков корсета Юсупов подобрал подол платья, уселся поудобнее, пристально посмотрел на него и проникновенно спросил:

– Освальд, милый, ты помнишь мою фамильную икорницу?

Рейнера передёрнуло, а остальные молодые люди с хохотом принялись изображать приступ тошноты.

До тех пор, пока не появился Феликс, икорниц в Оксфорде не видали. Он же привёз с собою серебряное чудо, размером походившее на ведро, а видом – на византийскую крестильную купель. Не раз довелось княжеским гостям откусывать чёрной икры из этой ведёрной

купели – причём по-астрахански, ложками. А на одной вечеринке Феликс с приехавшими из России приятелями наполнили икорницу водкой. Компания студентов вооружилась небольшими хрустальными лафитниками и честно пыталась одолеть угощение, но даже самый стойкий не увидел ёмкость опорожнённой хотя бы наполовину. Зато потом всем было одинаково плохо, а Освальд болел неделю, клялся, что едва не умер, и зарёкся пить с русскими.

– Так вот, джентльмены, – обратился князь ко всей компании, – вечеринка продолжается, и я приглашаю всех к себе. Девочки, приведите себя в порядок: в гостях будут офицеры!

Последние слова Юсупов произнёс контральто, как в казино, и снова перешёл на обычный тон, через переговорную трубу недовольно прикрикнув на шофёра:

– Анри, мы что, куда-то крадёмся? Это «Роллс-Ройс» или старый «Форд»?

Шофёр покорно придавил акселератор. Машина рванула вперёд, а Франкетти умоляюще посмотрел на князя:

– Феликс, я прошу тебя, не гони!

Годом раньше Юсупов сам водил двухместный *Rolls-Royce Silver Ghost* – легендарный «Серебряный призрак» банкира Роллса и механика Ройса, установивших на модель девятисот шестого года небывалый шестицилиндровый двигатель мощностью десять лошадиных сил. Феликс для пробы совершил пробег из Лондона в Эдинбург и обратно: «Призрак» уверенно разгонялся до восьмидесяти миль в час и всю дорогу шёл только на высшей передаче, расходуя на сто миль четыре галлона бензина.

В тот вечер князь уступил место за рулём приятелю. После ужина в Лондоне надо было успеть вернуться в Оксфорд к положенному времени – не позже полуночи. За три опоздания студенту грозило исключение из университета, а два раза Юсупов уже опаздывал.

Silver Ghost мчался вдоль железной дороги, приятели болтали о всякой ерунде: от Лондона до Оксфорда от силы полста миль, потеха для *Rolls-Royce*...

...который в тумане на полном ходу пробил дорожную ограду, и князь вылетел на рельсы. Каким чудом, каким невероятным рывком он успел вывернуться из-под колёс мчавшегося навстречу поезда – неизвестно. Смерч лондонского скорого оглушил и отбросил Феликса на железнодорожную насыпь, оставив целым и невредимым. Приятелю повезло меньше: он переломал кости и застрял в искорёженном авто.

По счастью, из будки путевого обходчика князь дозвонился до оксфордской больницы и вызвал карету скорой помощи. В колледже он появился с опозданием на два часа, но ввиду извиняющих обстоятельств не был изгнан.

Даже после аварии молодой князь Юсупов сохранил редкий авантюризм, не утратив юношескую веру в собственную неуязвимость. Однако матушка взяла с него слово – беречь себя. Теперь за рулём нового просторного лимузина *Rolls-Royce Silver Ghost Double Pullman* сидел шофёр-француз.

– И то верно, Феликс! Ни к чему искушать судьбу, – согласился с итальянцем де Бестеги. – Хочется пожить подольше.

– Ничего вы не понимаете, – вздохнул Юсупов. – Как это по-английски – какой русский не любит быстрой езды?.. В общем, *every Russian likes to drive fast*. Национальная особенность!

– Я этих ваших особенностей не понимаю, – насупился Франкетти. – И что творится у вас при дворе – тоже особенность? Этот мужик...

Словечко *muzhick* в речи оксфордского студента-итальянца прозвучало неожиданно. «И когда только успел подцепить», – сердито подумал князь.

– Да, – оживился Рейнер, – что это за история? О ней трезвонят все газеты. Какой-то *Rasputin*, его любовь с царицей...

– Полегче, джентльмены! – Феликс повысил голос. – Если повторять всякую дрянь, во рту заводятся жабы!

Де Бестеги не унимался:

– Но кто это? Ты его знаешь?

– Видел как-то раз. Обычный крестьянин. Хам из глубинки. Лохматый, вонючий, ногти чёрные, глазки бегают, рожа корявая, болтает не пойми что... Хитрый, наглый. Шут, в общем.

– Но почему про него столько говорят? – продолжал допытываться Рейнер.

– Милый Освальд, – сказал Юсупов и ласково потрепал приятеля за ушко, украшенное изящной серёжкой, – газетам нужен скандал, иначе кто станет их покупать? Если скандала нет, его придумывают... И ещё: сейчас Россия сильна, как никогда. У нас есть такая басня – про маленькую собачку Моську. Она лаяла на слона и мечтала попасть без драки в забияки. Чтобы все думали, что она очень сильная, и боялись...

– У нас тоже есть похожая басня, – вставил де Бестеги.

– Вот свора таких Мосек и твякают на Россию. Что же, прикажете слону всех передавить?

– Ну, зачем же, – Франкетти придиричиво разглядывал своё отражение в зеркале пудреницы. – Достаточно раздавить этого *Rasputin*. Если он дискредитирует семью императора...

– Не будет этого – найдётся другой. Так пускай уж будет этот, – глубокомысленно заявил Феликс. – Пускай Распутин – сукин сын, но он – наш сукин сын. Прошу прощения, джентльмены. А вреда от него нет. Если её величество находит, что *muzhick* забавен, пусть развлекается! И какое дело остальным? Ну, а если эта муха, этот комар посмеет забиться – раз!

И князь громко хлопнул в ладоши, не оставляя сомнений в судьбе Распутина.

Глава V. Стокгольм. Печаль кавалериста

– Митенька, прошу тебя, не терзайся так, не расстраивайся! – ворковала Мария Павловна, идучи по палубе прогулочного кораблика рядом с братом и стискивая его пальцы. – В конце концов, это ведь только игра. Нельзя каждый день выигрывать. Сегодня тебя побеждают, завтра ты побеждаешь... Игра, Митенька! Экая важность – футбол...

Но Дмитрий Павлович держался другого мнения и по молодости не мог сдержать эмоций:

– Ты не понимаешь! Мы же самих себя выложили, как на ладони! Чёрт возьми, это же надо было – так бездарно пропустить... Слышала, что читал твой англичанин? Репортёршкa, конечно, сволочь, но очень верно всё подметил. И дисциплину безобразную, и обычное наше авось-небось: авось, пронесёт... небось, не забьют... Ты же сама видела, что они вытворяли на поле! Каждый бегаёт, как бог на душу положит, каждый сам по себе. Атаку начинают – не доделывают, и ещё руками разводят: не получилось, мол... И добро, если бы у себя где-нибудь играли. А то – посреди Европы, на глазах у всех!

Прогулочный кораблик с гостями герцогини Сёдерманландской продолжал лавировать в шхерах.

– Знаешь, сколько здесь таких островков? – Мария Павловна попробовала сменить тему и повела миниатюрным биноклем по сторонам. – Целый архипелаг! Говорят, больше двадцати четырёх тысяч, представляешь?!

Она хотела отвлечь Дмитрия Павловича от неприятных воспоминаний: он слишком близко к сердцу принимал то, что случилось на Олимпиаде.

В Стокгольме молодой великий князь появился не как зритель и не как почётный гость от императорской фамилии – Дмитрий Павлович возглавлял сборную российских конников. Офицерам повезло: Мария Павловна поселила их у себя во дворце и неустанно придумывала всё новые и новые развлечения – выезды кавалькадами, шумные застолья, театральные представления, морские прогулки вроде нынешней...

Сейчас она успокаивала брата, как могла. Позорное фиаско футболистов было самым заметным, а потому особо тешило злые языки. Но и кавалеристы, увы, оказались не на высоте.

Они ехали в Стокгольм уверенными в себе. Ежегодные скачки для офицеров в Красном Селе под Петербургом проводились уж лет сорок. *Русский стиль-чез* – заезд на четыре версты с десятью препятствиями – давно стал неофициальным первенством армии. При стечении публики здесь соревновались лучшие наездники со всей империи. Верховые офицеры в военной форме и при оружии выглядели грозными и прекрасными; холёные лошади тщательно отбирались из тех только, что уже участвовали в смотрах и учениях...

Самоуверенность помешала Дмитрию Павловичу и его товарищам по команде не меньше, чем чиновничья бестолочь в Российском олимпийском комитете. Вот и получилось, что в первенстве по выездке лучший из русских стал девятым среди двадцати участников. В преодолении препятствий великий князь показал седьмой результат, но остальные застряли в середине турнирной таблицы. А в командном зачёте России досталось пятое место из шести: Дмитрий Павлович отказался от соревнований по троеборью. Посчитал, что позора и без того уже достаточно.

Конечно, попасть в число лучших конников мира для кого-то – огромное счастье и несбыточная мечта. Для кого-то, но не для молодых русских офицеров, ехавших только за победой. И тут ещё этот футбольный кошмар!

– Так что с того? Проиграли и проиграли, – продолжала увещевать Мария Павловна. – Не знал бы нас никто – может, и удивились бы. А так чему удивляться? Россию и без твоего футбола знают как облупленную. Нас пока всерьёз не обижают, сидим себе тихо. Запрягаем долго – зато ездим быстро... Ты вспомни, русские с кем только не воевали! И что, не били

французов, англичан или тех же немцев? Всегда били. Правда, обычно сперва они нас, но уж потом обязательно мы их... Характер такой национальный. Всегда так было!

– Да, французы, немцы, – саркастически усмехнулся Дмитрий Павлович, – ты ещё шведов с финнами забыла. Кого мы только шапками не закидывали!

Он потянул из портсигара новую папиросу, но сестра мягко удержала его руку:

– Митенька, береги лёгкие... Ты же совсем как маленький Ленарт, он у нас часто кашляет... А команду всё равно надо было отправить. Чтобы увидели здесь настоящую игру и взяли её примером. И чтобы обратили на себя внимание в спортивном мире!

– Обратили, не то слово, – кивнул Дмитрий Павлович. – Дюперрона послушали, и вот результат!

Спортивный журналист Георгий Дюперрон был родоначальником российского футбола. Именно он пятнадцать лет назад устроил первый в России футбольный матч и стал капитаном первой футбольной команды Петербурга.

– Ему бы сейчас локти кусать, – сердито продолжал великий князь, – только ведь Георгий Александрович сюда не с футболистами приехал, а лёгкую атлетику судить... Мы даже в четвертьфинал попали стыдно!

– Ничего стыдного, – возразила Мария Павловна, – так жребий решил. И потом, датчане тоже в отборочных не играли...

Кто сказал, что женщины безразличны к спорту? Кто придумал, что состязания вызывают у них лишь зевоту и мигрени? Ничуть не бывало! Мария Павловна, молодая энергичная женщина, интересовалась спортом живейшим образом, и при случае сама любила посоревноваться, давая фору многим мужчинам.

Очень кстати появился стюард с холодным лимонадом. Дмитрий Павлович залпом осушил один бокал; взял второй, сделал глоток и принялся разглядывать проплывавшие мимо гранитные скалы, высящиеся из ярко-синей воды. Но мысли его против воли возвращались к футболу, к сокрушительной победе Германии. От воспоминаний к горлу подкатил комок. Дмитрий Павлович сглотнул, и Мария Павловна ещё крепче прижалась к его локтю.

– Всё позади, – по-матерински ласково приговаривала она, – всё уже позади, Митенька. Пойдём, а то перед гостями неудобно: я их пригласила и бросила...

– Ты же их не одних бросила, – попытался улыбнуться Дмитрий Павлович. – Вон их сколько! И потом, все взрослые люди, пусть придумают что-нибудь. В фанты, что ли, поиграют...

– Пойдём, пойдём, болтун милый...

Мария Павловна потянула брата обратно на корму прогулочного кораблика, где под тен-том пряталась от зноя светская компания.

Глава VI. Санкт-Петербург. Про рок

Бурлюк продолжал потеть и пить пиво, а Маяковский разглядывал брошюру.

Издание было дешёвое. Грубая бумага за время путешествия в давидовом кармане потёрлась и намокла. Рисунок на обложке изображал двух гладиаторов: один, выронив щит, лежал навзничь; второй припал на колено и наносил *удар милосердия*, пронзая копьём грудь поверженного.

– Учитель и ученик. Разговор. Сочинение Велимира Хлебникова, – прочёл Маяковский под рисунком. – Херсон, тысяча девятьсот двенадцатый год. Свеженькая...

– Первая Витина книженция. Всего месяц как вышла, – сообщил Бурлюк. – А рисовал Володька, брат мой... Уж не обессудьте, что в таком виде: жарница, с меня льёт, как в бане.

Маяковский брезгливо перевернул несколько слипшихся от пота страниц.

– А где стихи? – спросил он. – Текста кот наплакал, цифры, таблицы...

– В том-то и дело! – Бурлюк сверкнул глазом. – Стихи для Виты – это слишком просто. Частный случай, как говорят математики. Есть художники слова, есть художники карандаша или красок... А Велимир Хлебников – художник вообще! Вот у кого поучиться глобальности мышления... Знаете, что у вас в руках? Бомба! Настоящая бомба, доложу я вам!

Маяковский восторгов Бурлюка не разделил и усмехнулся:

– Ну, уж бомбу-то мне в руках держать доводилось. И это на неё похоже мало, – он разглядел влажную страницу и начал монотонно читать наугад, прыгая через строки. – *Бег* бывает вызван боязнью, а *бог* – существо, к которому должна быть обращена боязнь... Также слова *лес* и *лысый*, или ещё более одинаковые слова *лысина* и *лесина*... *Лес* есть дательный падеж, *лысый* – родительный... Место, где исчезнул *лес*, зовется *лысиной*... Также *бык* есть то, откуда следует ждать удара, а *бок* – то место, куда следует направить удар...

Он поднял глаза на Бурлюка:

– И это вы называете бомбой? Смешно! Лес и лысина – одно и то же слово в разных падежах? Что за... Нет, интересно, конечно. Интересно. Неожиданный такой эксперимент, вполне футуристичный...

Теперь уже пришёл черёд Бурлюку возмутиться:

– Вы говорите, интересно?! Смешно, говорите?! Вот вся эта чушь – футбол и прочее перетягивание каната, всё это – действительно смешно. А вы только что прочли гениальные строки! Велимир нащупал путь к началу начал... Представьте наш мир давным-давно, миллионы лет назад. Всё есть, а человека ещё нет. Нет носителя сознания, понимаете? И некому понять, что это такое вокруг и зачем оно возникло. Пока людей, пока нас с вами нет – нет и смыслов того, что уже есть...

– Вам голову напекло, Давид Давидыч, – участливо сказал Маяковский, – выпейте ещё пива. Может, отпустит...

Но Бурлюк только отмахнулся:

– Вы послушайте! Изначально у всего сущего смысла нет. Никакого смысла ни у деревьев, ни у реки... И у солнца этого, будь оно неладно, тоже сначала никакого смысла нет! Вернее, смыслы есть, но они схлопнуты, спрессованы вот так... – Давид сложил свои большие розовые ладони. – А потом появляется человек, и начинает их открывать, один за другим, всё шире и шире, и пытается выразить словами смысл реки и солнца, бега и бога...

Подперев щёку кулаком, Маяковский проследил за ладонями Бурлюка, которые медленно двинулись в стороны, и насмешливо закончил:

– ...а как только смыслы раскроются и потеряют бдительность – сразу появляется Хлебников и путает их так, что уже и леса от лысины не отличишь.

– Эх, Владим Владимыч, – вздохнул в сердцах Бурлюк и, схватив со столика кружку, прервал речь добрым глотком пива. – Вы видите и слышите только то, что здесь и сейчас. А надо стремиться увидеть и услышать всё, от начала времён, и до сих пор, и дальше...

– ...и ныне, и присно, и во веки веков, – опять продолжил Маяковский, по-церковному напирая на «о». – Аминь!

Бурлюк с сожалением глянул на молодого товарища.

– Вы ещё не раз вспомните этот разговор, – пообещал он. – Велимир открыл несколько правил, которым подчиняются судьбы народов и государств. Все эти цифры в книжке – законы рока! Понимаете, история раз за разом повторяется...

– Тоже мне, новость! – фыркнул Маяковский. – Что история повторяется, это ещё Гегель сказал. Мне товарищи после второго ареста почитать давали.

– Да погодите вы со своим Гегелем! Одно дело – просто сказать, а другое – найти закон, по которому это происходит. Например, Витя рассчитал, что периоды между началами государств делятся на четыреста тринадцать лет. Великие походы, потерпевшие неудачу, разделяет девятьсот пятьдесят один год. А падения империй и гибель свобод происходят через тысячу триста восемьдесят три года...

– Так-таки и происходят?

– Вы не поленитесь, почитайте, в книжке все даты перечислены! И про войны арабов с китайцами почитайте, и про Петра Первого со шведским Карлом, и про то, как японцы нагостыляли нам в Порт-Артуре и Цусиме... Если сложить годы, которые главные православные страны существовали до первой утраты свободы, то получится ровно столько, сколько существовала их мать – Византия. Скажете, случайно? Или вот: через четыреста тринадцать лет после объединения Англии немецкие города создали Ганзейский союз, а через ещё четыреста тринадцать лет к России присоединилась Украина. Это было в тысяча шестьсот пятьдесят третьем году – значит, в две тысячи шестьдесят шестом случится ещё какое-то великое слияние народов.

Маяковского рассказ не впечатлил:

– Через сто пятьдесят лет... Поди, проверь! Эдак что угодно связать можно. Дат в истории много. Тут сложил, там поделил – что-нибудь обязательно сойдётся.

– У Велимира не что-нибудь, а всё сходится! И особенно в российской истории, – заявил Бурлюк и поднялся. – Давайте-ка пойдём отсюда. И вот ещё что... По Витиным расчётам в семнадцатом году случится крах великой империи. Говорит, семнадцатый год – роковой. Правда, работу он пока не закончил, а потому не может сказать наверняка – Англия падёт или Россия развалится... Скорее, всё же Англия. Книгу я вам дарю. Найдите время спокойно почитать, не пожалеете...

Уже стоя друзья сделали по последнему глотку пива, синхронно стукнули донцами пустых кружек о столик – и двинулись по набережной в сторону Зимнего дворца, полыхающего пурпуром стен. Смешливые институтки провожали их взглядами, а встречные расступались перед этой странной парой: одноглазым белым богатырём – и одетым в чёрное худым юношей, на голову возвышающимся над светлыми ажурными зонтиками фланирующих дам.

На Дворцовом мосту, падая, тяжело ухали брёвна, трещали и шлёпали доски, визжали выдираемые гвозди, стучали топоры...

Из сияющих граммофонных раструбов на прогулочных судёнышках над Невой перекликались голоса Анастасии Вяльцевой, Михаила Савоярова и Юрия Морфесси:

– Когда эвакуируюсь с пирушки я домой, всегда полемизирую с дурацкою луной... как хороши те очи! Как звёзды среди ночи... Я мила друга знаю по походке, он носит серые штаны...

С пластинок надрывали душу цыганские хоры Николая Шишкина и Егора Полякова:

– Нанэ цо-оха, нанэ га-а-ад! Мэ кинэл мангэ ё да-ад...

Сочный бас Фёдора Шаляпина вплетал в эту какофонию песню о русской дубине, и всех вместе заглушал духовой оркестр из пяти музыкантов, игравших на большом паровом катере у причала.

По мостовой вдоль фасада Адмиралтейства цокотали подковами кони и катили скрипящие рессорами пролётки. Оставляя за собою шлейф едкого бензинового перегара, протарахтел маленький ярко-голубой *Ford-T*, и следом тут же скользнул ещё один точно такой же.

– Жуть, – кивнул на них Маяковский.

– Здесь так заведено, – пояснил Бурлюк. – У каждой таксомоторной компании свой цвет.

– Фантазии маловато. Я б им такого намалевал... Заказец не организуете, Давид Давидович? Десять процентов ваши!

Друзья перебежали через дорогу к Адмиралтейству прямо перед большим белым автомобилем. Лязгнул тормоз, шины скрипнули по брусчатке; шофёр в светлом форменном френче и тёмной фуражке яростно потыкал кулаком резиновую грушу сиплого клаксона. Из салона выглянул патлатый пассажир с мужицкой бородой.

Маяковский проводил автомобиль взглядом и сказал восхищённо:

– Вот это я понимаю, моторище! Франция, «Панар-Левассор», кузов «ландоле»...

– Компания РТО. «Белые таксомоторы», как нетрудно догадаться, – пояснил Бурлюк и с интересом взглянул на юного спутника. – А с каких это пор вы в автомобилях разбираетесь? «Панар-Левассор», понимаете ли...

Они повернули на Дворцовый проезд к Невскому проспекту, и тут в раскалённом воздухе звонко бабахнуло. Маяковский вздрогнул и недоумённо поглядел на Бурлюка.

– Пушка, – с превосходством знатока сообщил тот, утирая лоб и шею большим пёстрым платком. – В Петропавловской крепости есть такой Нарышкин бастион. Оттуда ровно в двенадцать стреляет пушка.

– Что, каждый день?

– Каждый день. Отличная мысль, правда? К ней вообще целая история прикручена. Вот бы нам что-нибудь такое на футуристический вечер. Всё тихо, покойно... Вдруг – бабах! И блёстки из-под потолка, – мечтательно сказал Бурлюк и вернулся к прежней теме. – Нейдёт у меня из головы этот крах империи в семнадцатом году. Лучше бы, конечно, рухнула Англия. Как говорится, не приведи господи жить в эпоху перемен. А с другой стороны, почему нет? Если бы у нас началось, я бы тоже хотел взглянуть...

– Не *если бы началось*, а *когда начнётся*, – перебил его Маяковский. – Англия или Россия – прогнило всё давно! Германия, Франция... На свалку пора! Это же диалектика! Вы бы ещё вспомнили шумеров своих с пивом. А до семнадцатого года всего ничего осталось. Не бог весть, какое будущее. Поживём – увидим!

– Вот здесь я с вами согласен. Скоро увидим, – Бурлюк снова заблестел глазами, переключаясь на новую мысль. – Знаете, Хлебникову не нравится наше название – футуристы. Правильно говорит: не русское оно! Предлагает называться *будетлянами*, ещё одно слово придумал. Будетляне – это люди, которые будут. В том смысле, что мы – накануне!

Глава VII. Футбол 1912 года. Немецкий день победы

Сборные России и Германии встретились в утешительных матчах.

Отборочную игру россияне проиграли финнам 1:2. Финляндия выступала под российским флагом, но спортсменов прислала на Олимпиаду отдельно. И вот одна команда империи выбила из турнира другую.

Германцам тоже не повезло. В матче против Австрии, пытаясь в прыжке перехватить угловой удар, их голкипер крепко столкнулся лоб в лоб с австрийским форвардом. В сознание он пришёл только через полчаса и дальше играть уже не мог. Ах, если бы правила разрешали замену! Но пострадавшего просто пришлось унести с поля. Сборная Германии осталась вдесятером – и пропустила пять мячей в ответ на свой единственный гол.

Утешительная игра уже ничего не решала, и всё же заинтригованная публика переполнила стадион.

Германцы были уверены в себе настолько, что выпустили на поле даже не самый сильный состав. Правда, все нападающие великолепно сыгрались, поскольку выступали за клуб *Karlsruhe*. Сборная Германии решила напоследок выплеснуть силы, накопленные для целого турнира, и вдобавок отыграться за обидное поражение от австрийцев.

С первых же минут на вратаря сборной России обрушился шквал ударов. Казалось, после бросков он даже не успевает подниматься и снова занимать своё место: сложенная машина германского нападения методично таранила и перемалывала русскую оборону. Форварды быстро пристрелялись, и в ворота начали влетать мяч за мячом.

Ужас, царивший на поле, постепенно передался трибунам. Цепенеющая публика безмолвно взидала на то, как германцы легко расправляются с защитниками сборной России – и пушечными ударами беспощадно расстреливают вратаря. Чуть не плакал юный Михаил Сумароков-Эльстон, восходящая звезда российского и европейского тенниса. Угрюмо молчали стрелки Николай Мельницкий, Павел Войлошников и Георгий Пантелеймонов. Хрустел пальцами Николай Панин-Коломенкин, чемпион прошлой Олимпиады. Избегали смотреть друг другу в глаза яхтсмены – Иосиф Шомакер, Александр Вышеградский и Эспер Белосельский с Эрнестом Браше. Свирепели от бессильной ярости конники – подпоручик Шарль фон Румель, капитан Алексей Шиков и ротмистр фон Эксе...

Мертвенно-бледный Дмитрий Павлович сидел в королевской ложе, вцепившись зубами в перчатку. Мария Павловна боялась взглянуть на брата, хотя смотреть на поле было тоже невыносимо. Она незаметно дала слугам знак – убрать ведёрко с шампанским, которым собирались отметить окончание игры: такого избиения младенцев не ожидал увидеть никто.

Офицеры из команды конников и большинство участников российской делегации покинули стадион через двадцать минут позора, после четвёртого гола в ворота сборной России. А потому не увидели следующих четырёх, вколотенных с минутными интервалами...

На вторую половину матча обе команды вышли, как на эшафот, – с той лишь разницей, что одни полны были решимости казнить, другие же приготовились к неизбежному. И казнь состоялась.

Игроки сборной Германии продолжали уверенно давить физической мощью и сыгранностью. Индивидуальная техника российских форвардов была бессильна против несокрушимого монолита германской защиты. Измочаленный вратарь в перепачканной и мокрой насквозь оранжевой рубашке уже не мог прыгать: верховые мячи стали для него недостижимыми.

Дмитрий Павлович едва сдерживался, не позволяя себе подняться, отшвырнуть кресло... Его удерживала мысль о том, что уйти сейчас, когда судьба матча уже решена, – это подлость. Великий князь представил себя на месте футболистов сборной России, которые попали в германскую мясорубку и отчаянно пытались сохранить лицо в безнадёжной ситуации...

...и понял, что уйти невозможно. Он остался и вместе с командой оранжевых испил чашу позора до дна. Всё это время Дмитрию Павловичу казалось, что зрители смотрят уже не на поле, а только на него – молодого красивого офицера, сидящего в ложе для почётных гостей; великого князя российского императорского дома, двоюродного брата Николая Второго и родного брата будущей королевы Швеции. А он бессилен был хоть как-то помочь своей команде, как-то изменить ход игры. Дмитрий просто сидел истуканом и ждал конца, и каждый гулкий удар по воротам вонзался в него, как чёрная пуля, и рвал на части его тело и мозг...

Свирепые германцы вколотили России ещё восемь мячей, не позволив ответить даже голом престижа. В момент, когда свисток рефери прекратил, наконец, этот позор, на табло красовался шокирующий, совсем не футбольный счёт – 16:0.

Глава VIII. Санкт-Петербург. Драка драке рознь

Сколько раз он видал это по молодости!

Бывать-то случалось и в сёлах окрест родного Покровского, когда отец по делам крестьянским посылал; и в Тюмени, и в Тобольске, когда сам промышлял извозом...

Как затеются гулянья – народ весёлый шатается по улицам туда-сюда. Шелуха от семечек летит веером, гармони заливаются вперебор. И каждый каждому друг, а как не налить другу? Как не угостить, не проявить широту души?!

Но вот не поделят двое ерунду какую-нибудь. Из-за девки вертлявой поспорят, из-за места на завалинке, или забрызганных хромовых сапог, или случаем задетого локтя. И вот уже слышится первая плюха, вторая...

Вдвоём дерутся недолго. Набегают ещё и ещё удалые бойцы, компания на компанию, глядь – и под бабий визг и мужицкий рык кулаками машет уже целая улица. Все бьются со всеми. Жестоко, истово, как против самого страшного врага бьются с теми, кого только что угощали, или наоборот – в глаза не выдывали до тех пор, пока разок-другой не съездили в рыло, не врезали по морде, не закатали в чуху...

Появляется, знамо дело, и полиция. Только не враги они себе: дураков-то нету – соваться раньше времени. Не ровён час, залетишь под горячую руку какому-нибудь кузнецу, или плотгону, или просто крестьянину поздоровее – покалечит ведь, не разобравши! Нет, лучше уж постоять, подождать, пока мужички малость натешатся.

В грязь под ногами выплюнуты первые выбитые зубы, туда же летят картузы и сброшенные поддёвки... Потом начинает народ звереть и выдыхаться. Тогда один тянет ножик из-за голенища, второй стискивает в кулаке подкову, третий рвёт от забора дырн – и тут затевается совсем уже нешуточная потеха. Дольше ждать полиции невозможно, приходится пальнуть в воздух. Народ, хрипя и утирая юшку из разбитых носов, расступается...

...а кто-то остаётся на земле. Только недавно был такой весёлый, молодой, щеголеватый; шутками сыпал направо и налево, табачком оделял – и вот лежит, неловко подвернув ногу, посреди улицы, среди окурков и подсолнечной шелухи. Праздничная одежда изодрана, полбашки нету – или брюхо распорото, а в углу рта пена кровавая запеклась. И глаза стекленеющие в небо глядят.

Баба какая-нибудь непременно голосить начнёт, за ней ещё одна, ещё... И ведь народу кругом – тьма, но спроси кого угодно – за что дрались-то? за что мужичок этот жизнь отдал? – никто не ответит. Потому как ни за что.

Дерутся двое – так и пусть себе дерутся. Отведут душу, отдубасят друг друга, а потом спросят в соседнем кабаке штоф смирновской, напьются в обнимку, да задружат снова. Синяки заживут, и главное – все останутся целы. Нет, нельзя никогда в чужую драку ввязываться. Нельзя, нельзя, нельзя...

Большой таксомотор с блестящими белыми бортами подскочил на крутом горбатом мостике через Лебяжью канавку, и прыжок этот прервал мысли бородатого ездока. Ну что ж за народ такой – шофёры?! Говори, не говори, а когда едут по невской набережной мимо Летнего сада, непременно придавят акселератор и прыгнут на мосту через Лебяжью канавку... Э-эх!.. Потом с ветерком вдоль садовой решётки – и ещё один прыжок, через реку Фонтанку. Там тоже крутой горбатый мостик есть, Прачечным называется.

Довольный своей удалью шофёр в светлом форменном френче и тёмной фуражке обернулся и глянул через плечо на пассажира. Белый *Panhard-Levassor*, которым возле Адмиралтейства восторгался Маковский, теперь пересчитывал узкими шинами брусчатку Французской набережной. Слева на версту расстилалась ослепительная гладь Невы, справа тянулся сплошной фасад раскалённых на солнце архитектурных красот.

Дом Баура, который построил тот же архитектор Фельтен, что придумал волшебную решётку Летнего сада...

Дом дочери Кутузова, откуда ровно сто лет назад отправился полководец на Отечественную войну – навстречу Бородинской битве, пожару Москвы и победе над Наполеоном...

Дом мецената и государственного мужа, графа Кушелева-Безбородко...

Дом Оленина, где не раз доводилось гостевать Пушкину, Вяземскому и Мицкевичу и где помещалось теперь французское посольство, давшее имя набережной...

Автомобиль вырулил направо, на Литейный проспект, потом свернул налево, в Кирочную улицу, и там, эффектно развернувшись, остановился у двенадцатого дома.

Шофёр спрыгнул наземь с мягкой скамеечки, служившей ему сиденьем; подтянул на рукавах кожаные краги и распахнул пассажирскую дверь.

– Прошу, Григорий Ефимович! Ещё поедem куда? Подождать?

– Господь с тобой, милой, – прокряхтел ездок, выбираясь с заднего сиденья. – Укатал ты меня...

Выглядел он как обычный зажиточный крестьянин лет сорока с небольшим. Довольно длинная тёмно-русовая борода; стриженные в скобку волосы – немного светлее, с небрежным пробором посередине. На морщинистом загорелом лице крупный нос в оспинах и глубоко сидящие светлые глаза. Одет хорошо, в вышитую лиловую шёлковую рубашку с малиновым поясом и полосатые английские брюки; на ногах – лёгкие туфли в клеточку. Коренастый, плечистый, только руки какие-то не крестьянские. Нервные, беспокойные...

– Сейчас, сейчас, милой. – Пассажир пошарил по карманам и выудил горсть монет. Глянул, прищурившись, на таксометр. Аккуратно отсчитал, сколько надо, и вручил шофёру: – Езжай себе с богом.

Шофёр укатил в сторону Литейного, намереваясь оттуда через Фонтанку попасть в *стойло* – так шофёры и механики Российского Таксомоторного Общества называли меж собой огромный гараж на Конюшенной площади, рядом с открытым недавно храмом Спаса-на-Крови. Самая большая компания столицы держала в бывших конюшнях сотню с лишним новеньких, белым крашенных автомобилей – владельцы предпочитали французские моторы, вроде *Panhard-Levassor*, что заметил Маяковский, или *Charron*.

В январе или начале февраля в *стойло* РТО доставили распоряжение министра внутренних дел Макарова: установить вторичное наблюдение за Григорием Ефимовичем Распутиным. Так что теперь каждому, кто возил особого пассажира, следовало об этом сообщать. И неспроста в переулке напротив дома на Кирочной прятался от солнцепёка неприметный мужчина. Этого агента охранного отделения шофёр видел не в первый раз...

Распутин толкнул тяжёлую резную дверь парадного входа и нырнул в прохладный вестибюль. Всё-таки в поездках на автомобиле есть своя прелесть. Дорого, конечно, зато быстро. Григорий Ефимович не раз хаживал на богомолье по три тысячи вёрст из Тобольска в Киев и столько же обратно. Ему, который пешком добирался аж до самого Иерусалима, неспешно пройти из центра Петербурга на дальний конец Васильевского острова – развлечение. Но туда, обратно – вёрст двадцать; почитай, целый день убил бы! А тут и проснулся не слишком рано, и когда пушка бабахнула полуденным выстрелом – большой белый таксомотор уже вёз его домой мимо Адмиралтейства. Хорошо! Кабы не прыжки через мостики, от которых нутро переворачивалось...

В большом и, кроме лепного фасада, ничем особо не примечательном доходном доме Распутин жил в квартире Георгия Петровича Сазонова, издателя журнала «Экономист России». Так уж повелось, что после приезда в Петербург приют ему давали неподалёку от Николаевского вокзала: сперва у Лохтиных на Греческом проспекте, теперь вот – здесь, на Кирочной.

В просторной издательской квартире Григорий Ефимович выбрал себе комнатку поменьше, разве что не чулан. Помещалась там только простая кровать с металлическими спинками, комод и крашенный деревянный стол-буфет.

Георгий Петрович спрашивал Распутина, к чему такая скромность; предлагал не стесняться себя, но в ответ слышал только благодарность за предоставленный угол:

– Сам господь не избрал царские чертоги, а выбрал себе ясли убогие! В Покровском пришло мне в голову, недостойному: взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обедами и заутренями молиться. В тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил...

Сейчас в своей комнатке Распутин растворил настежь окно, глядевшее во двор, и вернулся к тому, о чём думал в автомобиле – о чём последнее время толковали не только они с Сазоновым, и не только в Петербурге, а по всей России.

Нельзя ввязываться в чужую драку, рассуждал Григорий Ефимович. Никак нельзя. Двое дерутся – третий не лезь! В Европе ждут, что мы станем сербами больше, чем сами сербы. А то как же, ведь Россия – это новая Византия, оплот православия... Но разве ж так можно?! И зачем, главное? Нет, не должна Россия воевать за чужие земли! Своей земли столько – рабочих рук не хватает. Любого крестьянина спроси...

– Воевать вообще нельзя: жизни лишать друг друга, отнимать блага земные, душу собственную прежде времени убивать, – уверял Распутин в спорах с хозяином квартиры. – Грех это страшный! Пусть забирают друг друга немцы и турки – это их несчастье и ослепление, а мы любовно и тихо, смотря в самих себя, выше всех станем...

Свой дом блюсти надо, говорил Григорий Ефимович. А болгар, черногорцев, сербов и остальных – господь не оставит. И пускай сами за себя порадеют: не всё за них русской кровушкой платить! Довольно уже того, что снабжает их государь оружием и прочим, чего и в России не в избытке.

Хозяин квартиры держался совсем другого мнения, как большинство интеллигентных господ, думских депутатов, членов правительства – и, конечно, военных.

– Защита братских славянских народов – наш священный долг, – уверял Георгий Петрович своего постояльца. – Вообще давно пора навести в Европе порядок и показать, кто здесь настоящий хозяин!

Можно было понять военных, которым только волю дай – губили бы друг друга, не переставая. Можно было понять правительство и Думу, а с ними Сазонова и остальных, что горели желанием восстановить европейскую справедливость по своему разумению. Не этим господам, случись что, иди навстречу пулям и шрапнели; не им вместо павших лошадей таскать по горам неподъёмные пушки, кормить вшей собственным мясом, хлебать в слякоти окопов вонючую баланду со скрипящим на зубах песком, наматывать на штыки кишки врагов – и умирать самим в месиве из крови, дерьма и земли. Чужой земли.

Сторонники войны красиво говорили о политике, особом пути и высоком предназначении России – не забывая о собственной карьере, наградах, прибыльных военных заказах... И молчок о том, что на самом деле война – тяжкий труд, кровь и горе многих миллионов безымянных, маленьких людей, которым на роду написано не гнить за тысячи вёрст от родного дома, а пахать и сеять, пасти скотину, строить дороги, растить детей...

Одним из миллионов и был Распутин, рождённый в далёком от Петербурга сибирском селе Покровское. До недавних пор – простой крестьянин Григорий сын Ефимов, ставший нынче божьим старцем для светской публики, излюбленным персонажем – для газет, объектом слежки – для министерства внутренних дел и помехой – для слишком многих.

Глава IX. Стокгольм. Война как спорт

Мария Павловна привела Дмитрия Павловича под тент на корме кораблика, чмокнула его в щёку и вернулась к гостям. Великий князь устроился в свободном шезлонге, стоявшем с краю, чуть поодаль от остальных. Соседний – рукой подать – занимал англичанин, прежде читавший вслух футбольные репортажи из московской газеты.

По виду – типичный британский офицер. Среднего роста, поджарый. Мужественное, волевое лицо сорокалетнего кадрового военного. Высокий лоб, короткая причёска с пробором, тщательно подстриженные усы щёткой. Спокойный, внимательный взгляд глубоко посаженных серых глаз...

...которые смотрели прямо на великого князя.

– Для меня большая честь оказаться рядом с вами, ваше императорское высочество, – произнёс англичанин. Он прекрасно говорил по-русски, хотя и с выраженным акцентом. – Я заметил, что вам было неприятно слушать, как я читал, и готов принести глубочайшие извинения. Я сожалею...

Дмитрий Павлович прервал его нарочито небрежным жестом:

– Не сто́ит. Мне понравилось, как вы читали. Не понравилось только – *что* читали. Но ведь это была не ваша статья. Зачем же извиняться?

– Благодарю, ваше императорское высочество.

– Оставьте церемонии, господин?..

– Келл. Вёрнон Келл. Я буду признателен, если вы станете называть меня Вернон.

Внимание остальной компании отвлекла Мария Павловна, предложившая недавнее местное изобретение – шведский стол. С рыбачьей шхуны герцогине на корабль переправили несколько корзин свежельвовленных креветок. Гости успели проголодаться и, несмотря на жару, оживлённо воздавали должное искусству поваров. Два офицера могли спокойно говорить особняком от всех.

– Честно говоря, – сказал великий князь, – как бы ни было неприятно это признавать, почти все упрёки в газете справедливы. Пассажи про разгильдяйство, неспособность быстро ориентироваться в ситуации, дилетантство, боязнь принятия решения – это, к сожалению, правда. Но то, что мы оказались хуже всех – конечно, полная чушь.

– Бей своих, чтобы чужие боялись? О да, это очень по-русски. Простите бедному репортеру издержки профессии...

– ...ибо в поте лица своего добывает он хлеб свой, – кивнул Дмитрий Павлович. – Это вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что при внешней агрессивности статья затрагивает очень интересные и глубокие... э-э... аспекты. Если смотреть на игру как на просто игру – вам удалось убедить Европу в том, что у русских, в сущности, нет футбола в современном понимании этого слова. Небольшая беда: сегодня в России футбола нет, завтра или через сто лет он будет. Но если задуматься, то – позвольте цитату...

Англичанин поднял газету, лежащую на палубе между их шезлонгами, и быстро нашёл нужное место.

Команда на команду – это маленькая армия на армию. Это народ на народ. Каждая команда – это воплощение государства, сконцентрированная народная мощь и сила, яркая живая характеристика всей нации... Темп игры, стремительность и методичность, план игры, тактика защиты и нападения – всё это разное у всех, всё это говорит о стране, в которой выросли, воспитывались и призваны к решительному бою участники команд...

– Военный подход, военная терминология, – заметил Дмитрий Павлович.

– Можно смотреть на войну, как на игру, а можно – на игру, как на войну, – сказал Келл, и газета аккуратно легла обратно на палубу. – И так, и так будет правильно. Анализ игры спортивной команды, анализ крупных соревнований... Любой анализ иногда может привести к неожиданным заключениям. Мы с вами военные. Для нас тактика защиты и нападения, о которой пишет этот штатский, – не пустые слова... Например, австрийцы вооружены револьверами Гассера и пистолетами «штейр», американцы – пистолетами Кольта и автоматическими «сэвиджами». Я – британский офицер, и мне положен «уэбли-скотт». А вы каким оружием пользуетесь?

Рука Дмитрия Павловича привычно потянулась к боку, где положено висеть кобуре.

– Револьвером Нагана.

– Вот. Между тем, насколько мне известно, приказом по вашему военному ведомству офицерам разрешено иметь пистолеты Браунинга, Маузера, Борхарда-Люгтера, или те же «штейр» и «сэвидж»...

Дмитрий Павлович удивлённо взглянул на собеседника.

– Вы прекрасно осведомлены.

– Невеликий секрет. Оружие надо приобретать на собственные деньги, но вы, конечно же, можете себе это позволить. Требуется разрешение командира части, но для великого князя это пустяк. Патроны на практическую стрельбу выдаются только для трёхлинейных револьверов, то есть калибра семь шестьдесят две, – тоже не проблема, купить можно любые. И всё же вы сделали выбор в пользу револьвера Нагана. Почему?

Дмитрий Павлович не понимал, куда клонит англичанин. К тому же вопрос застал его врасплох.

– Даже не знаю... Револьвер прост и очень надёжен, у него нет предохранителя. Курок взводится, когда нажимаешь спуск. Вынул из кобуры – и выстрелил.

– Револьвер долго перезаряжать, – тут же возразил Келл. – Пистолет намного удобнее. Расстреляли магазин, меняете его, передёргиваете затвор – и снова стреляете. К тому же в магазине восемь патронов или даже десять. А из вашего револьвера можно выстрелить только семь раз, потом надо вытряхнуть из барабана гильзы и снова зарядить каждое гнездо.

– Зато в револьвере, если патрон даёт осечку, вы просто снова нажимаете спуск, барабан поворачивается – и подставляет следующий патрон. А в пистолете от перекоса или осечки может заклинить затвор – и всё.

Великий князь постепенно втягивался в игру. Разговор начинал напоминать футбол: они перебрасывались словами, как мячом; сперва ведёт один, потом пасует другому. Вернон продолжал:

– Заклинить гильзу может и в револьвере, если после выстрела её слишком сильно раздует или если она... э-э... пригорит к плохо стёртой смазке. Тогда придётся выталкивать гильзу шомполом.

– Зато у «нагана» шомпол встроенный и всегда под рукой, – Дмитрий Павлович не смог удержаться от смеха. – Да не думал я так подробно об этом! Просто... Просто револьвер мне больше нравится!

Англичанин тоже улыбнулся:

– Собственно, к чему я и вёл. Мы могли бы ещё долго обсуждать то, что у моего пистолета калибр – девять миллиметров, а ваш револьвер – трёхлинейный, калибра семь шестьдесят две, и почти у всех разрешённых в России пистолетов калибр не больше, чем семь шестьдесят пять... Могли бы спорить о начальной скорости и останавливающей силе пули. О томпаковых и мельхиоровых оболочках. О стальных и свинцово-сурьмяных сердечниках. О дальности и точности стрельбы... А о том, кому что больше нравится, спорить бесполезно, так ведь?

– Полагаете, это связано с национальными особенностями?

– Наверняка. Ведь один и тот же револьвер выбрали не только вы, но и большинство русских офицеров. А до вас – те, кто вам его рекомендовали. Вы были свободны в своём выборе, даже если чиновникам заплатили за то, чтобы они предпочли модель Лео Нагана всем остальным.

– Тут вы снова правы, – вынужденно признал Дмитрий Павлович, – чиновникам заплатили наверняка. Ещё одна национальная особенность. В России взятки – настоящий бич, не то что у вас!

– Не надо слишком идеализировать Англию. Впрочем, наши чиновники действительно берут намного скромнее... Но вернёмся к футболу. Выходя на поле, вы даёте ценнейший материал для анализа. Ведь национальные особенности есть и в игре каждой команды. Тренер анализирует эти особенности, чтобы использовать их сильные стороны. Противник анализирует, чтобы использовать стороны слабые. Чей анализ лучше и глубже, тот и победит при прочих равных.

– Всего учесть и предусмотреть невозможно.

– Невозможно, но и не требуется. Достаточно ухватить основное и понять: когда, в какой момент и какую именно особенность лучше использовать. Дальше. Каждая команда выступает под флагом страны, как самая настоящая армия. Наступает и защищается, как армия. И анализ тренера – та же самая тактика и стратегия полководца, командующего своей армией.

– Вы говорите о футболе как о настоящей войне! Лужайка – театр военных действий, команды – войска воюющих стран, ворота – столицы, разметка – линии границ... Интересная игра получается!

– У всякой медали есть две стороны. Можно говорить об Играх как о способе прекращения конфликтов, как о способе поиска их решения на спортивной арене. Говорить о сублимации военной агрессии в спорт. Или, напротив, можно видеть в Олимпиаде возможность определить слабые стороны противника, возможность показать свою силу и – сознательно или нет – заявить об амбициях геополитического масштаба. Ведь то, как ведут себя на поле игроки, как выступают команды, совершенно соответствует положению в их стране. Бедное государство или богатое, была там революция или нет, спокойная в нём жизнь – или как на вулкане... Наконец, поведение спортсменов – заметьте, именно поведение, а не результаты! – зависит от того, насколько силён в них национальный дух. Так что рассматривать Игры можно с очень разных точек зрения!

Дмитрий Павлович поманил стоявшего наготове стюарда с лимонадом. Было действительно очень жарко, темп разговора всё возрастал, и от переключений с темы на тему, казалось, мозги могли закипеть в любую секунду.

Услышанное подтверждало собственные мысли великого князя, только Келл точнее формулировал и логичнее связывал. Справедливости ради стоило бы добавить ещё то, что соединяет две стороны медали. Деньги. Экономике как зеркало политики, или наоборот. Стремление к новым территориям, новым богатствам, новой власти...

В кавалерийской школе не готовили к тому, чтобы оперировать глобальными категориями, рассуждая в масштабе стран и народов. Да и педагоги нечасто хвалили Дмитрия Павловича за успехи в юридических и экономических науках, необходимых для государственного деятеля. Но голова у него была хорошей, а учили отпрыска императорской фамилии всё же на совесть.

Великий князь понимал: Вернон Келл кругом прав. И двадцати лет не прошло, как началась история новых Олимпиад, а вокруг них уже вовсю полыхают политические и финансовые скандалы.

Кто-то требует провести следующие Игры у них в стране и грозит ультиматумами. Ну какая разница, где будут бороться, прыгать, бегать, стрелять и гонять мяч?

Кто-то настаивает на дисквалификации олимпийского чемпиона и лишении его медалей. И что это даст? Ведь соревнования уже прошли, медали вручены и все газеты об этом написали!

Кто-то клянётся и утверждает, что его команду засудили... Впрочем, это как раз можно объяснить стремлением к справедливости – или желанием оправдать проигрыш...

Организаторы соревнований устраивают лучшие условия для своих спортсменов, старательно оттирая остальных от пьедестала почёта. В драке за награды иные не брезгают даже сомнительными средствами, как будто от количества медалей хоть что-то в мире зависит... Или всё же зависит, если так дерутся?!

Англичанин невозмутимо молчал, потягивая освежающий напиток, а Дмитрий Павлович продолжал размышлять о военной подоплёке Олимпиады. Он представил себе матч, в котором жребий свёл Турцию, например, с Сербией или Болгарией. Перед глазами возникла картина фантастической схватки на футбольном поле.

Сербы договариваются с болгарями и атакуют турок. Русские бросаются помогать сербам, и на стороне турок тут же появляются германцы. Вскоре к ним присоединяются австрийцы с итальянцами – которые при этом успевают ещё ссориться между собой.

Англичане, поколебавшись, поддерживают русских. Но не потому, что русский император – кузен английского короля. И не потому, что императрица – дочь английской принцессы и внучка королевы. И не потому, что две страны связывает военный союз. И уж точно не потому, что англичане очень любят русских. Англия приходит на помощь России по той причине, что Германия для Англии – враг больше, чем Турция – друг. Вот так!

Американцы же спокойно посматривают на всё это с трибун за океаном – рассуждая, чем бы поживиться в европейской драке...

Фантазии фантазиями, но в олимпийском футболе ведь почти так и случилось! Отказ французов от игры вывел в следующий круг Норвегию. Шведы помогли России – родине своей будущей королевы – без игры пройти в четвертьфинал. При этом не забыли Данию – соседа, союзника и родину вдовствующей российской императрицы, матери Николая Второго. Германцев столкнули лбами с их стратегическими партнёрами – австрийцами, причём и фигурально, и буквально: германский вратарь и форвард сборной Австрии с разбитыми головами оказались в госпитале...

На лице Дмитрия Павловича отобразилась такая буря чувств, что Вернон Келл поспешил вмешаться:

– Бог с вами, не заставляйте меня сожалеть об этой беседе! То, о чём мы говорили, будоражит умы многих поколений. Целые народы и гениальные правители ломают головы в поисках железных достоинств своей нации, которыми было бы можно целиком покрыть все недостатки. Или пытаются проникнуть в тайну недостатков своих противников, чтобы усилить ими свои достоинства... Так сказать, анализируют игру. Но абсолютного оружия, по счастью или на беду, ещё никто не нашёл. Наверное, не найдём ни вы, ни я. Хотя, если придётся, станем частью этого оружия. Ведь мы с вами офицеры! Однако любой разговор имеет свойство заканчиваться, ваше императорское высочество...

Вернон легко поднялся из шезлонга, и Дмитрий Павлович тоже встал.

– Я получил большое удовольствие от общения с вами, – сказал он. – При случае с радостью продолжу этот разговор. Если окажетесь в Петербурге, милости прошу ко мне.

– Благодарю вас, польщён, – коротко, с достоинством поклонился англичанин. – Мне действительно доводится бывать в России, и я полагаю, мы сможем встретиться ещё не раз.

– Тогда обязательно заглянем в тир на Крестовском, и там я докажу, что револьвер Нагана ничуть не хуже револьвера Уэбли-Скотта, – улыбнулся великий князь. – И что русские вовсе не такие плохие стрелки, как об этом пишут... Репортёршишка прав: мы ещё ответим шведам Полтавой!

– Забудьте о шведах, – ответил Вернон Келл. Сделавшись серьёзным, он указал на лежащую у ног газету. – Дело вам придётся иметь с Германией.

Глава X. Вена. Русские немцы

Сибирь не в счёт. Финляндия, Закавказье и Бессарабия. Самара и Саратов, Прибалтика, Ставропольская губерния и столичный Петербург...

Максимилиан Ронге поставил вентилятор так, чтобы струя воздуха била прямо в лицо. И всё равно мысли ворочались с трудом: в кабинетах *Evidenzbüro*, службы военной разведки и контрразведки императорского и королевского Генерального штаба Австро-Венгрии, было душно.

Капитан Ронге просматривал аналитическую записку о российских немцах. Девятый по численности народ в империи. Есть места, где немцы селятся особенно компактно. Что ж, Закавказье от Европы далековато, сибирские края тем более, а вот Бессарабия – это уже интересно. Финляндия – тем более. О Петербурге и говорить нечего...

Размышления прервал стук в дверь, и в открывшуюся дверь шагнул седоватый блондин в штатском, произнеся насмешливым тоном:

– Разрешите?

Ронге радостно поднялся навстречу вошедшему.

– Боже мой, господин полковник! – Они пожали друг другу руки. – Какими судьбами? Я думал, вы в Праге...

Гость был среднего роста, но казался выше благодаря военной выправке. Дорогой костюм великолепно сидел на его статной фигуре.

– Всё правильно, Макс. Я в Праге... А здесь по делам, всего на пару дней. Ну, рассказывайте, что новенького в столице! Над чем нынче трудитесь, над чем голову ломаете?

Полковник свободно расположился на жёстком кожаном диване. Он отказался от предложенных Ронге папирос и принялся раскуривать сигару. Кончики его подкрученных вверх усов забавно двигались. По кабинету поплыл запах дорогого табака.

Капитан сел напротив полковника в кресло для посетителей.

– Появились интересные данные. Русские недавно ввели в служебных документах новую графу: вместо вероисповедания теперь указывают национальность.

Полковник лукаво глянул на Ронге:

– «Эвиденцбюро» подписалось на петербургский «Военно-статистический ежегодник»?

Макс улыбнулся в ответ:

– Вы сами учили не пренебрегать любыми источниками информации!

Полковник Альфред Редль действительно был его учителем, а для всех австрийских разведчиков и контрразведчиков – образцом и личностью легендарной. Написанную Редлем от руки и подаренную Макс Ронге секретную инструкцию «Советы по раскрытию шпионажа» каждый офицер бюро знал наизусть.

За десять с лишним лет работы в контрразведке полковник привил своей службе много новшеств. Разговоры начали записывать на фонограф. Интересующих людей – тайно фотографировать. Полковник и его сотрудники исхитрились взять отпечатки пальцев у каждого из тысяч посетителей, под благовидным предлогом вызванных в *Evidenzbüro*.

Альфред Редль имел репутацию блестящего аналитика и выступал экспертом в судебных процессах над шпионами. По его настоянию контрразведка завела досье на каждого жителя Вены, кому хоть раз довелось побывать в Цюрихе, Женеве, Стокгольме, Париже и Брюсселе – главных европейских центрах шпионажа.

Полковник Редль заставил Макса Ронге зубрить «Искусство войны» древнего китайского полководца Сунь Цзы. Книгу эту использовали для обучения военных многих стран, но своему любимцу полковник открывал в ней тайные смыслы.

Победит знающий, когда можно сразаться, а когда нельзя. Победит понимающий, как использовать большие и малые силы. Победит объединивший верхи и низы единым желанием. Победит полностью готовый, ждущий неподготовленного. Победит способный полководец, которому не мешает правитель. Вот пять путей узнать победу...

Ученики Альфреда Редля знали науку Сунь Цзы назубок.

Из *Evidenzbüro* полковника перевели в Прагу – начальником штаба Восьмого корпуса, и в скором времени ему прочили место начальника штаба всей австро-венгерской армии.

После отъезда Редля место ведущего контрразведчика, начальника *KS* – агентурного отдела *Kundschaftsstelle*, занял Ронге. Но полковник по-прежнему чувствовал себя в этом кабинете как дома.

– В России сейчас больше двух миллионов немцев, – рассказывал капитан. – То есть около полутора процентов населения. Но в армии соотношение другое. Генералов-немцев у русских процентов двадцать – двадцать пять, штаб-офицеров – до пятнадцати; среди обер-офицеров немцев – где десять процентов, где до двадцати...

– Надо полагать, под немцами вы имеете в виду только германцев, а не австрийцев? И видимо, в расчётах не учитываете православных. Иначе император Николай и великие князья первыми украсили бы ваш список.

Справедливое замечание только казалось шуткой: действительно, с петровских времён российские цари и великие князья женились на принцессах из Германии, и в жилах династии Романовых текла немецкая кровь. Ронге согласился:

– Вы правы, учесть можно только лютеран и реформатов. Этнические немцы, принявшие православие, по законам России считаются русскими. По ним отдельных данных нет. Но вот интересная деталь. Атаманы казачьих войск – немцы сплошь, – сказал Ронге и взял со стола листок записки. – Забайкальский атаман – генерал от инфантерии Эверт. Семиреченский – генерал-лейтенант Фольбаум. Терский – генерал-лейтенант Фляйшер. Атаман Сибирского войска – генерал от кавалерии Шмидт...

– Скажу вам больше, Макс, – поддержал его Редль, – я побывал на Олимпиаде в Стокгольме. В команде русских конников – кстати, во главе с великим князем Дмитрием Павловичем, – выступал казачий офицер фон Эксе. Германский дворянин старинного рода, но при этом казак.

– Когда я стажировался в России, у меня был приятель, поручик фон Вик. Тоже из казаков. Что же касается флота, там до трети командиров – немцы. Примерно такая же картина в гвардии и в императорской свите. Маннергейм, Ренненкамф, Унгерн, Каппель, министр двора Фредерикс, наконец...

Полковник выпустил несколько колец дыма и заметил:

– Фредерикс всё же, по-моему, швед. Но согласитесь, обилие немцев на службе у русских неудивительно. Хорошие военные, аккуратные, исполнительные... и вообще ревностные служаки. А информацию вы подбирали на какой предмет?

– Анализировал возможные сценарии развития событий после начала войны. Резонно предположить, что солдаты неохотно пойдут за офицерами, у которых вражеские фамилии. Мы прикидываем, как усилить нелюбовь русских к инородцам...

– Хотите использовать национализм? Науськать толпу на русских немцев? Что ж, заставить противника воевать против него самого – дело хорошее.

Ронге, ободрённый похвалой учителя, пояснил:

– Конечно, умный человек националистом никогда не станет. Но патриотов-идиотов на наш век хватит, а манипулировать идиотами одно удовольствие...

– Думаю, в России немцев просто ассимилируют. Например, предложат поменять фамилии, чтобы звучали на русский лад...

– Да, такое уже бывало. Поменять фамилии всё же проще, чем поменять командный состав... особенно в начале войны. Когда, по-вашему, она может начаться?

– Я не гадалка, дорогой Макс. Но думаю, ещё пара лет на подготовку у нас есть. Так что, если мы действительно хотим узнать победу – надо работать, работать и ещё раз работать! Ну, всё, – полковник поднялся, – не стану мешать. Буду рад, если вы найдёте время поужинать со мной, пока я не укатил обратно в Прагу.

– Где вы остановились?

– В отеле «Кломзер». Телефонуйте!

Редль крепко пожал Ронге руку и вышел, оставив в кабинете висящий слоями сизый сигарный дым.

Предложение поужинать звучало соблазнительно. Полковник слыл тонким гурманом и славился щедростью. Только вот как выкроить время? Капитан вздохнул, уселся обратно за стол и снова направил в лицо струю воздуха от вентилятора. Записку с русско-немецкой статистикой он отложил в сторону и вынул из ящика стола невзрачную папку.

Заняв место Редля, капитан Максимилиан Ронге продолжил развитие секретной службы. Он сумел добиться создания на почтамте австрийской столицы *чёрного кабинета* – иначе говоря, организовал почтовую цензуру. Раньше корреспонденцию перлюстрировали выборочно; теперь досматривали тотально, по выработанной капитаном системе. Конечно же, работу окутали строжайшей тайной. Цензоров уверили, что они ищут контрабанду. Об истинной цели – борьбе с вражескими разведками – знали только три человека во всей Австрии: сам Ронге, его начальник – глава *Evidenzbüro* полковник Август Урбански фон Остромиц – и начальник цензурной службы.

Ронге пожалел, что не успел похвастать Редлю своими достижениями, пусть и в ущерб конспирации. Сейчас неподалёку от Мясного рынка, на венском почтамте в ожидании адресата по имени Никон Ницетас лежали три толстых конверта. Опись их содержимого, сделанную в *чёрном кабинете*, капитан Ронге хранил в невзрачной папке; туда же он аккуратно подшил сопроводительные документы, несколько справок и кое-какие свои соображения. Опытный нюх подсказывал: расследование обещает сенсацию.

Глава XI. Ялта, Ливадия. До первых выстрелов

Владимир Николаевич Коковцов был и министром финансов, и главой кабинета министров России. Ещё весной, традиционно отправляясь с семьёй на отдых к Чёрному морю, император сказал ему:

– Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы. Да, я уезжаю, и при этом очень скоро, и постараюсь вернуться как можно позже. Поведение Думы глубоко возмутительно, и в особенности отвратительна речь Гучкова по смете Священного Синода. Я буду очень рад, если моё неудовольствие дойдёт до этих господ, не всё же с ними раскланиваться и только улыбаться!

Тогда Коковцов уговорил государя не обострять отношения с Думой перед расставанием на несколько месяцев. Император нашёл в себе силы соблюсти дипломатию, но простился с депутатами крайне сдержанно. Дальше Владимир Николаевич выдержал продолжительную паузу, а теперь объявился в Ялте с накопившимися делами. Автомобиль ежедневно возил его за две версты, в Ливадийский дворец, для продолжительных докладов.

Государь привычно работал даже на летнем отдыхе. Секретаря у него не было – ни в Царском Селе, ни в Ливадии. Вошедшие бумаги он прочитывал сам и собственноручно накладывал не только резолюции, но даже государственные печати на конверты со своими письмами, а из-за рабочего стола не поднимался до тех пор, пока на нём лежал хоть один неизученный документ.

Николай Александрович принимал министра в кабинете, обставленном в стиле *жакоб*: русский классицизм и красное дерево с золочёными вставками были ему много милее, чем приёмная – уменьшенная, но всё равно внушительная копия зала «Совета пятисот» в венецианском Дворце Дожей.

– Можно считать, что турецкий пирог уже поделен, – говорил Коковцов. – Болгария рассчитывает на основную часть Македонии. В свою очередь, Сербия желает получить оставшуюся часть из рук вашего величества.

– То есть, пока болгары и сербы вслед за итальянцами добивают Османскую империю, Российская империя должна воевать с ещё двумя – Австрией и Германией. Так надо понимать?

– Совершенно верно. Они предполагают, что мы со своими союзниками сокрушим немцев даже скорее, чем Балканский союз разделается с турками. А после победы ваше величество станет третейским судьёй для всей Европы с решающим словом при определении новых границ.

– Новых границ... – повторил император. – Насколько я понимаю, господа в Думе поддерживают наших друзей на Балканах?

– Целиком поддерживают, ваше величество.

– И какой им видится Европа в новых границах?

– Они считают, что Константинополь должен быть присоединён к России, – с готовностью отрапортовал Коковцов. – Таким образом мы, называясь де-факто наследниками Византийской империи, сможем стать Византией де-юре. Это политическая сторона дела. Стратегически необходимо овладеть проливами Босфор и Дарданеллы, хотя некоторые полагают, что достаточно и одного Босфора. Хорошей видится перспектива российского протектората над Балканами. Что касается Германии, то во избежание нового усиления надо разделить её на удельные княжества, числом около десяти...

Николай Александрович притворно изумился, вскинув брови:

– И только-то?! Остался суций пустяк: заручиться согласием самой Германии да ещё Австрии. И для порядка Англию с Францией спросить: они всё же наши союзники! Но кто же осмелится нам возразить? Завтра же византийская Россия займёт пол-Европы и воцарится на

Балканах, Адриатике и Чёрном море, а остальные страны станут жить по команде из Петербурга... Право, чудесно!

В сарказме император выплеснул накопившееся раздражение. У него порой складывалось впечатление, что министры и депутаты Государственной думы не в своём уме. Страна медленно приходит в чувство после позора войны с Японией и революции девятьсот пятого года. Армию предстоит перестраивать ещё несколько лет, промышленность – в сравнении с европейской – едва поднимает голову, а эти... С раздутыми щеками произносят пафосные речи о народе-богоносце – притом готовы сей же час принести в жертву многие миллионы жизней этого народа.

В жертву чему? Гордыне и стремлению чужой кровью вписать свои имена в историю? Подлости и алчному желанию нажиться на войне? Глупости, не позволяющей видеть дальше собственного носа? Тупому упорству, толкающему Россию к военной катастрофе?!

Коковцов между тем продолжал:

– Если позволите, Сербии ещё желательно по разделу Австро-Венгрии получить Боснию и Герцеговину. Румыния не станет вмешиваться в войну или даже выступит на нашей стороне, если предложить ей Трансильванию...

Император вдруг с удивительной отчётливостью понял, что ему не под силу остановить это безумие. Не предотвратить войны; не унять кровожадных генералов, хитрых союзников и беснующихся патриотов.

Приводить в порядок собственный дом – тяжёлая работа. За неё не дают ни чинов, ни наград. На ней не сколотишь состояния и не прославишься в веках. Со своими проблемами одна сплошь морока. То ли дело – подглядывать через забор к соседям! Вот и свора у его трона из таких. Им не до России, пропади она пропадом, ведь за забором сербов обижают и болгар...

...а царство Болгарское с королевством Сербским тем временем договор подписали. С гарантиями независимости, целостности территорий и взаимной помощи военными силами, если на кого-то из них кто-то нападёт... Понятно ведь, что имели в виду Австрию! И судьбу турецких земель решили: если кто попытается присоединить, оккупировать или временно занять участки Оттоманской империи, на которые сербы с болгарам положили глаз, – это *casus belli*, формальный повод для объявления войны. То есть снова пригрозили австрийцам.

Формально договор гласил: будет агрессия Австрии – вместе защищаемся. Но в секретном приложении речь шла совсем о другом: будет удобный момент – вместе нападаем на Турцию...

...и тогда России придётся воевать. Конечно, Болгария станет союзником Антанты. Конечно, ни сербы, ни болгары не имеют права объявлять войну без одобрения из Петербурга. Но кто сможет, и главное, кто возьмётся остановить славянина, уже решившего ввязаться в драку?

– Международный престиж вашего величества сейчас исключительно высок, – уверял императора Коковцов. – Союзники очень довольны Россией. Дипломаты умеют читать между строк, какие уж там секреты! И ситуация тем более прояснилась, когда болгары и сербы подписали военную конвенцию прямо во время Олимпиады...

Глава кабинета министров говорил правду. Англию очень устраивали успехи стратегического партнёра и новые союзники на Балканах. Франция с удовольствием зарабатывала на займе, немедленно выданном Болгарии, и радовалась притоку капиталов стран-союзниц на французскую биржу. Правда, Париж при этом втихую заигрывал с австрийцами, следуя британской мудрости – не складывать все яйца в одну корзину.

– Я бы не спешил праздновать, Владимир Николаевич. – Император устало помассировал глаза. – Сказано ведь в Евангелии от Луки: «От всякого, кому дано много, много и требуется; и кому много вверено, с того больше взыщут». Соглашение болгар и сербов не для мира создавалось. Оно рождено войною – и рождено для войны. Судите сами. Если Болгария

защищает Сербию от Австрии – она ничего не выигрывает. Зато договор ускоряет нападение на Турцию. А для нас это ещё один шаг к большой войне в Европе...

Война всегда начинается задолго до первых выстрелов. Военные только начали подготовку, а в олимпийском Стокгольме уже воевали спортсмены. Весной двенадцатого года силами мерялись команды из почти трёх десятков стран. Рядом с нейтральными Нидерландами и Швейцарией выступали воюющие друг с другом Италия и Турция. В схватке сошлись страны Антанты – Англия, Россия и Франция, их новые союзники – Сербия и Греция, и общие противники – Германия, Австрия и Венгрия.

Две с половиной тысячи атлетов готовы были на всё ради победы. Но за пределами стадионов делились опытом и спортивными хитростями, обменивались визитами и сувенирами, договаривались о встречах после Игр.

Впервые в Стокгольме провели олимпийский конкурс искусств, где состязались архитекторы, художники, скульпторы, музыканты и поэты. Впервые здесь опробовали последние новинки техники – фотофиниш и электронные часы...

...а в Берлине, Петербурге, Вене и Лондоне внимание уделяли совсем другим новинкам. Очень удобно оказалось держать связь с войсками по радио. Итальянские пилоты придумали облетать вражеский фронт для разведки позиций. Тридцать пять их аэропланов стали первой в мире военной авиацией и опробовали на турках прицельное бомбометание.

Химики сообщали об успешных опытах с боевыми отравляющими веществами – парами хлора и горчичным газом. Инженеры гордились вооружёнными бронированными автомобилями. Механики увеличивали скорострельность пулемётов. Карандашные фабрики учились выпускать патроны. Военные художники заново рисовали карты, уточнённые по направлениям вероятных ударов. Военные архитекторы мудрили над новыми укреплениями...

Фитиль войны был уже подожжён. И чем дольше он тлел, тем быстрее таяли сомнения: кто, с кем и против кого взорвёт европейскую пороховую бочку под названием Балканы. Предлог роли уже не играл.

В конце весны тысяча девятьсот двенадцатого года во время Пятой Олимпиады началась Первая мировая война.

Её официальное объявление стало всего лишь вопросом времени.

Глава XII. Санкт-Петербург. Язык улицы на проспекте

Один за другим грохотали по рельсам вагоны трамваев – красно-белые, с большими окнами, сияющие медными поручнями и ручками. В обе стороны Невского проспекта катили вереницы экипажей, тарахтели моторы, плыли людские толпы...

– Здесь веселее, чем у нас на Тверской, – признал Маяковский, шагая рядом с Бурлюком.

Хорошенькая миниатюрная брюнетка гордо вскинула носик и прошла мимо. Маяковский схватился за фонарный столб и крутанулся, провожая девушку нахальным взглядом. Она посмотрела через плечо и залилась румянцем.

– Однако и манеры у вас, Владим Владимыч, – с укоризной произнёс Бурлюк. – Нет бы подойти, представиться, покалякать по-французски...

– Я бы покалякал, конечно, – усмехнулся Маяковский, – да только французский мой хромает.

– Хромает?! Нет, не хромает ваш французский – ему ноги оторвало напрочь... Вот позовёт сейчас эта барышня городского, и пожалуйста, голубчик, в кутузку!

– Легко! Я за женщин сидел уже. И не в кутузке какой-нибудь вшивой, а в Бутырской тюрьме.

В голосе Маяковского звучала гордость.

– Вот как? – удивился Бурлюк. – Сидели за женщин?! Я считал вас политическим.

– Удачно совместил то и другое. Устроили с товарищами побег из Новинской. Ушли тринадцать каторжанок, а меня взяли. Слышал бы сейчас Хлебников про тринадцать – наверное, тоже какую-нибудь закономерность вывел бы... через четыреста лет...

– И каково это – сидеть?

– Не хотел, скандалил. А с малолетки какой спрос? Переводили из части в часть. Кончилось Бутыркой. Одиночка номер сто три.

– Одиночка?! Ого... Наверное, с тоски повеситься можно.

– Не скажите. Я же до тех пор толком не читал ничего. Так, в учебники в гимназии заглядывал. По ревборьбе товарищи кое-что подбрасывали. А тут – беллетристика. Оказалось, чертовски много всякого люди пишут! И хорошо пишут! Бальмонт, Андрей Белый...

– Символисты зацепили – вас?! Чем же, позвольте спросить?

– Новизной. Вроде образы не мои, и не про мою жизнь, но хорошо! Тогда в первый раз и попробовал писать. Хотелось так же хорошо, но про другое.

– Вы раньше не рассказывали. Конспирация? Почитайте!

– Да ни к чему. Ходульные были стишки и ревлпаксивые.

– Владим Владимыч, не ломайтесь. Что за кокетство? В конце концов, я вам как мать...

Маяковский симпровизировал:

– В конце концов, я вам как мать, и я имею право знать...

– Вот именно! Читайте, читайте!

– Ладно... – Маяковский вскинул голову и начал, нарочито подвывая:

*В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я, но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней...*

– Да, – почесал в затылке Бурлюк, – и много вы такого... настрочили?

– Прбпасть. Целую тетрадку. Спасибо надзирателям – отобрали при выходе... Ну, и классиков глотал, конечно. Байрона, Шекспира, Льва Толстого. «Анну Каренину» не дочитал.

Ночью вызвали – это называлось *с вещами по городу*. Так и не знаю, чем у них с Вронским история кончилась.

– Ничем хорошим не кончилась. А с вещами по городу вас куда отправили?

– Выпустили. Приятель отца отхлопотал. Он замначальника «Крестов» тогда был. Тюрьма здесь, в Питере, такая. Я вышел – и думаю: те, кого прочёл, – так называемые великие. Но до чего ж нетрудно писать лучше!

– Это ещё Козьма Прутков говорил: *Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился, читая других: если они поэты, то и я тоже!*

– Не знаю я вашего Пруткова. Знаю только, что правильное отношение к миру у меня уже сейчас есть, а опыта нет. Где неучу взять опыт? Школа нужна, а меня из гимназии вышибли, из училища Строгановского – тоже... На воле понял: если партийную работу продолжать, надо переходить в нелегалы. Но тогда неучем и останусь. Буду всю жизнь револьверы прятать и переписывать в листовки чужие мысли из умных книжек, которые товарищи дают. А если прочитанное из меня вытряхнуть, что останется? Марксистский метод, и всё.

– То есть поняли, что лучше Белого пока не напишете?

– Не напишу. *В небеса запустил ананасом* – весело так не напишу никогда. Только *сотни томительных дней*... Решил учиться, чтобы делать социалистическое искусство. А с ревборьбой прервался...

– До чего же язык у вас ужасный, Владим Владимыч! Сами себя послушайте: ревборьба, замначальника, ревлпаксивый... скажите ещё – нацменьшинства и жэдэвокзал... Слова-убожества! Калеки! Инвалиды, как ваш французский.

– Это язык улицы!

– Это – язык насекомых! Маленьких безмозглых насекомых! Вы хотите потрясать устои? Вас тошнит от красивенького? Понимаю! Вам хочется антиэстетики? Пожалуйста, вот Саша Чёрный:

*У поэта умерла жена...
Он её любил сильнее гонорара!
Скорбь его была безумна и страшна –
Но поэт не умер от удара.
После похорон пришёл домой – до дна
Весь охвачен новым впечатленьем –
И спеша родил стихотворенье:
«У поэта умерла жена»...*

– Слишком несерьёзно? – Бурлюк распалился не на шутку. – Пожалуйста, он же, про Петербург:

*Восемь месяцев зима, вместо фиников – морошка.
Холод, слизь, дожди и тьма – так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что же дальше, божье мой?!..*

– Слишком просто? Пожалуйста, Велимир Хлебников, вычурная работа с формой и звуком:

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,*

*Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо...*

– Или тех же нелюбимых *смахачей* вспомните... Есть языки разные, а языка улицы – нет! Безъязыкая она! – гаркнул Бурлюк. – Нечем ей разговаривать!

Маяковский огрызнулся:

– Чёрт возьми, нет – значит, будет!

– Вот так возьмёт – и будет?

– Я его придумаю! Наш с улицей общий язык!

– Ну-ну...

Два приятеля энергично рассекали толпу и препирались в голос, так что городской на углу Невского и Садовой с подозрением на них посмотрел. Поймав этот взгляд, Бурлюк снизил тон.

– Вам, Владимир Владимирович, сперва и вправду подучиться надо. Россию посмотреть, народ послушать...

– Чтобы в стихи с полей глину тащить?

– А что вы хотите тащить? Чугун и железо? Из глины, между прочим, человек создан!

А из чугуна что?

– А из чугуна... памятники!

Бурлюк застыл как вкопанный. Маяковский недоумённо обернулся.

– Что с вами? – спросил он.

– Маяковский! – Бурлюк подошёл и крепко сжал приятелю руку. – Это... это прозвучало! Если вас разозлить, вы убийственно остроумны. Почаще будьте таким. Нет, будьте таким всегда. Блеск!

Глава XIII. Вена. Ловушка для шпиона

Телефон зазвонил поздно вечером.

Была суббота, но капитан Ронге работал и по выходным. Он просидел в своём кабинете до начала двенадцатого. Перед глазами уже плясали красные чёртики – от выпитого кофе, выкуренных папирос и прочитанных бумаг. Максимилиан решил, что на сегодня достаточно: пора домой.

Службу контрразведки *Evidenzbüro* лихорадило. Если у кого и оставались надежды на возможность решить миром балканскую проблему, то теперь они окончательно истаяли. Россия вооружала сербов и болгар, совершенствуя притом и собственную армию. Интриговали англичане. Хитрили французы. Крупнейшие города Европы превратились в шпионский муравейник. Неотвратимо приближалась война.

И в этот момент императорский и королевский Генеральный штаб получил сокрушительный удар. В руки русских попали ценнейшие документы австрийской армии: *Krieg ordre Bataille* – план боевого развёртывания, особый *Ordre de Bataille* – план развёртывания на случай Балканской войны; положение об охране железных дорог и порядке мобилизации укреплённых пунктов, инструкция об этапной службе и новые штаты военного времени... Для военных это стало катастрофой: невозможно воевать с противником, который заранее знает каждое твоё движение!

Началась паника. Кто выкрал сверхсекретные планы? Как они попали в Россию? Что ещё известно врагу? Штабные косо смотрели друг на друга, а *Evidenzbüro* получило жёсткий приказ: шпиона изобличить, найти и обезвредить.

В *чёрных кабинетах*, которые развернул Макс Ронге, проверяли всю корреспонденцию с пометкой «до востребования». И в одном объёмистом пакете, пришедшем на венский почтамт, кроме письма обнаружились пачки денежных купюр. Шесть тысяч австрийских крон – ощутимо больше, чем годовой оклад со всеми надбавками, которые получал ведущий контрразведчик империи капитан Ронге.

Размер суммы, тайный способ пересылки денег и почтовые адреса, указанные в письме, не оставляли сомнений: получатель – шпион.

Австрийская контрразведка тесно сотрудничала с германской, а та – со швейцарской. Пять лет назад эти три службы сообща провели очень успешную операцию против России и Франции.

Слишком слаженно стали действовать страны Антанты, слишком успешно работали их разведки в Центральной Европе! Поэтому германцы с австрийцами тайно попросили помощи у Швейцарии – и сумели раскрыть вражескую систему связи. Детально выяснили всё: легенды прикрытия, адреса конспиративных квартир, почтовые ящики, имена связных, пути курьеров... Однако рушить русско-французскую сеть до поры не стали, продолжая наблюдать за её работой.

Отправитель вскрытого пакета с деньгами значился в картотеке *Evidenzbüro* как связной русских. Получатель скрывался под псевдонимом Никон Ницетас.

Капитан Ронге не терял времени даром. На конторку почтового служащего установили тревожную кнопку. Стоило её нажать – и в полицейском управлении по соседству звенел звонок. Пока служащий оформлял выдачу корреспонденции, агенты успели бы взять под наблюдение или арестовать таинственного адресата. Но вот на почтамт пришёл ещё один пакет для Никона Ницетаса с семью тысячами крон, и ещё... Время шло, а за громадными суммами никто не обращался.

Прогулка по ночной Вене освежила Ронге. Он прошёл по улице Штубенринг и дальше по Паркринг вдоль городского парка. Полюбовался огнями фонарей; подивился оживлённому движению автомобилей и фиакров, множеству людей на открытых террасах кафе...

Видимо, домашний телефон звонил всё время, пока Ронге неспешно добирался до своей квартиры. И стоило капитану перешагнуть порог, как вызов прозвучал снова.

– Это ужасно! – кричал в трубку статский советник Эдмунд фон Гайер, шеф полицейского управления. – Случилось такое... Скорее приезжайте ко мне!

Перед самым закрытием почтамта были выданы все три денежных пакета. Подчинённые фон Гайера сперва потеряли получателя, но после всё же сумели обнаружить и проследили до отеля «Кломзер». Никоном Ницетасом оказался легендарный контрразведчик, начальник штаба Восьмого корпуса австрийской армии, учитель Максимилиана Ронге – полковник Альфред Редль.

Глава XIV. Ялта, Ливадия. Императорская боль

– Ники, бедный мой, этот Коковцов тебя совсем замучил!

Император вышел во внутренний дворик Ливадийского дворца. Дворик назывался итальянским – его будто вправду перенесли сюда, в Россию, в Крым из Флоренции эпохи Возрождения. Солнце заливало стены, облицованные белым инкерманским камнем из каменоломен под Севастополем. Причудливо змеились кружевные решётки, кованные уральскими мастерами. Разгоняя зной, морской бриз чуть колыхал пальмы и обтекал точёные древние колонны, что подпирали арки галереи. К центру дворика, к фонтану, украшенному стилизованной под арабскую вязь надписью «Ливадия», сходились выложенные мраморными плитами дорожки, а между ними играл красками живой ковёр из цветов и зелени.

Николай Александрович несколько раз плеснул в лицо прохладной водой, струящейся из бронзовой бараньей головки фонтана, потом зачерпнул из мраморной чаши полные пригоршни, вылил на голову и постоял с закрытыми глазами, наслаждаясь текущими за ворот струйками и не обращая внимания на промокшую белую рубаху.

– Ники, – повторила императрица, – нельзя так себя истязать. Сделай эти встречи реже и короче, прошу тебя!

Николай Александрович промокнул кулаками глаза, провёл обеими руками по волосам, зачёсывая их назад и отжимая воду, привычным жестом разгладил усы и направился к жене.

Императрица устроилась в тени галереи на подушках поверх резного каменного дивана. Уверенными движениями она рисовала карандашом в альбоме, а рядом на столике лежали несколько пучков цветных ниток мулине и большие круглые пяльцы с начатым вышиванием.

– Дети на пляже? – спросил Николай Александрович, усаживаясь по соседству в плетёное кресло.

– Да, ещё не возвращались.

– Не слишком ли долго? Солнце вон какое злое...

– Аня с ними, не беспокойся.

Фрейлина Анна Вырубова, которую привычно вспоминали под девичьей фамилией – Танеева, с императорскими детьми почти не расставалась.

– А собаки?

– И собаки.

Любимцем Николая Александровича был французский бульдог Ортино. За модного пёсика он заплатил почти пять тысяч долларов – новый *Ford* для ливадийского гаража обошёлся вдесятеро дешевле. Цесаревич Алексей души не чаял в своём спаниеле по кличке Джой, а скотч-терьера Эйру императрица порой даже сажала за стол...

Император откинулся на спинку кресла, снова закрыл глаза и принялся массировать голову осторожными, но сильными прикосновениями пальцев.

– Голова с утра болит, – пожаловался он, – а пока слушал Коковцова, думал, просто расколется. Говорит, говорит, говорит... Причём думает одно, говорит другое, а делает потом третье и полагает, что ему в совете верят и что он всех проведёт. Старый хитрован!

Государю было сорок три, а председателю совета министров – шестьдесят.

– Что на этот раз?

– Ваше величество, вы можете быть спокойны за судьбу вашей страны и вашей династии до тех пор, пока у вас в порядке финансы и армия, – с пафосом процитировал Николай Александрович и поморщился от полоснувшей боли. – А я вот как раз спокоен.

Императрица отложила альбом, почти закончив едкую и притом очень похожую карикатуру на Коковцова: рисовала она блестяще и обладала ироничным умом.

– Приляг, я помассирую...

Николай Александрович поднялся из кресла и лёг на подушки, забросив ноги на каменный подлокотник дивана и положив голову жене на колени. На него снова пахло леденцовой «Вербеной».

– Мо-окрый, – нежно протянула императрица, запуская пальцы в волосы мужа. – Надо было моему принцу Ники сидеть дома и ждать свою принцессу Аликс, а не колесить по всему миру в поисках приключений. От этой Японии одни неприятности...

В бытность свою цесаревичем Николай по настоянию отца, императора Александра Третьего, совершил кругосветное путешествие с эскадрой вице-адмирала Назимова. От Балтики наследник российского престола на крейсере добрался до Японии и там в городе Оцу едва не погиб: его пытался зарубить полицейский Сандзо Цуда. По счастью, в момент удара цесаревич обернулся, и клинок самурайского меча лишь скользнул по его голове. Нападавшего тут же сшибли с ног и скрутили двое рикш и английский кузен Джорджи, сопровождавший Николая в путешествии.

С кузеном они были похожи, как две капли воды, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Более старший принц Джорджи похвалялся сделанной в Иерусалиме великолепной татуировкой с изображением Вифлеемской звезды. В Японии кузен отвёл своего молодого друга к легендарному мастеру Хоре Кио, который когда-то наколол красочного дракона отцу Джорджи.

С тех пор прошло уже больше двадцати лет. Умерла королева Виктория, и отмеченный драконом отец Джорджи стал английским королём Эдуардом Седьмым. Потом и он умер, Джорджи наследовал ему, – так что Вифлеемская звезда украшала теперь плечо короля Георга Пятого. А российскому императору на память о Японии остались сабельный шрам и изящная татуировка: цветок лотоса.

Да, шрам, татуировка – и ещё эта ноющая боль. Придворный врач Боткин предположил, что от удара самурая у Николая Александровича разошлись кости черепа, и на месте трещины образовался нарост, вроде мозоли. Со временем нарост начал давить на сосуды и мозг – это вызывало мучительную мигрень.

Если бы можно было заглянуть в голову и узнать, что же там болит на самом деле! Конечно, в Германии профессор Рентген уже опубликовал результаты своих удивительных опытов и даже получил за них первую в истории Нобелевскую премию по физике. Но кто бы осмелился подвергнуть исследованию икс-лучами голову монарха?! И без крайней нужды оперировать августейший череп, сверлить в нём дыру – тоже непозволительная роскошь...

Под нежными женскими пальцами боль, огнём терзавшая голову Николая Александровича, постепенно собиралась в точку где-то справа от темени. И затухала, затухала, переставала пульсировать, и до следующего приступа оставляла в память о себе только онемевшее пятно с пятак размером...

– Аликс, дорогая, ты снова спасла меня, – сказал император и, подняв глаза, посмотрел в склонившееся над ним лицо жены.

Она позвонила в серебряный колокольчик. Появившемуся слуге по-русски приказала подать кофе и снова перешла на английский:

– Так чем же сегодня тебя расстраивал Коковцов?

Николай Александрович пересел в кресло и закурил душистую папиросу. Отборный табак ему присылал в подарок турецкий султан.

– Олимпийскими победами, – наконец, нехотя ответил он. – Россия на шестнадцатом месте, можешь себе представить? Команд нет и трёх десятков, а мы среди них – шестнадцатые! Ни единой золотой медали, только два серебра и две бронзы! Знаешь, как остряки уже называют наше выступление? Цусимой! А «Бирму» предлагают переименовать в «Титаник»!

Цусима была ещё одной японской болью императора. В девятьсот четвёртом году угроза революции в России стала опасной реальностью, и министр внутренних дел, шеф корпуса жандармов Вячеслав Константинович фон Плеве, высказал мысль:

– Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война!

Министр следовал простой логике: что может сплотить нацию сильнее, чем схватка с общим врагом? Тем более, война подвернулась как по заказу – Япония заявила претензии на Дальний Восток и угрожала интересам России. Государь сопротивлялся до последнего, но после японского ультиматума, оказавшись в безвыходном положении, отдал приказ воевать.

Плеве вскоре погиб от бомбы очередного террориста. Революция всё равно разразилась через год после начала войны. А Россия, за чередой поражений потерявшая в Цусимском сражении эскадру адмирала Рожественского, вынуждена была просить у Японии унижительного мира. И теперь писатель Куприн язвительно сравнивает выступление российских олимпийцев с позором Цусимы!

Что касается «Титаника», то гибель этого гигантского лайнера обсуждали до сих пор, хотя со времени его крушения минуло уже полгода. В апреле самый большой пароход в мире отправился в своё первое – и, как оказалось, последнее плавание из Старого Света в Нью-Йорк. Фантастическая роскошь судна и брошенный стихиям вызов обернулись трагедией для полутора тысяч пассажиров, нашедших смерть в ледяных водах Атлантики. Предлагались всё новые и новые версии о причинах катастрофы, одна невероятнее другой.

А «Бирмой» назывался океанский пароход, который обычно курсировал тем же маршрутом и ходил в тот же Нью-Йорк. Судно зафрахтовал Российский олимпийский комитет при поддержке правительства. Так предполагалось разом решить все проблемы с поездкой многочисленной делегации в Стокгольм и жильём на время Игр. Идея с пароходом сулила солидную экономию, да и спокойнее как-то, когда все свои под рукой.

В Швецию на «Бирме» отправились сто восемьдесят российских спортсменов, полсотни сопровождающих и чиновников. Огромный корабль вместил не только делегацию, но и лошадей, автомобили, спортивные снаряды – в общем, всё, что только могло понадобиться на Олимпиаде...

– Почему же получается так, что и в спорте у нас не получается? – замысловато спросил Николай Александрович.

Он сделал глоток ароматного кофе – жена распорядилась очень кстати! – запил холодной водой, посмаковал и закурил новую папиросу.

Александра Фёдоровна принялась за вышивание.

– Вот именно что получается, – сказала она. – Так и должно быть. Посуди сам, Ники: немцы педантичные и воинственные, поэтому воюют. Англичане изобретают игры, которые лучше всего подходят их национальному характеру, поэтому выигрывают. Скажи мне: кто-нибудь в мире, кроме русских, играет в лапту?

– Американцы, – после секундного размышления ответил император.

– Американцы играют в бейсбол, – возразила ему жена. – Похоже, конечно, но всё же не лапта. Хорошо, пусть не бейсбол. В городки твои любимые уж точно нигде не играют.

– И очень зря. Тут бы мы их всех... А помнишь, как провожали «Бирму»?

Погода над Финским заливом стояла *лейб-гвардии петергофская*, как называл её Николай Первый: яркое солнце и редкий для здешнего побережья полный штиль. В Петергофе вся семья императора погрузилась на катер, который в символическом благословении обошёл кругом отплывающего парохода с российскими олимпийцами. Это было красиво и торжественно...

– Помню, – улыбнулась императрица. – А ты помнишь, что учудил Воейков?

Командир гвардейского гусарского полка генерал Воейков получил назначение официальным представителем России на Пятой Олимпиаде и тут же принялся активно действо-

вать. Для начала он отправил «Бирму» часом раньше, причём решение принял в последний момент, не предупредив о том добрую половину пассажиров. Некоторым, что прибыли на причал загодя, повезло и они успели взойти на борт. Остальные, среди которых оказался и председатель Олимпийского комитета – действительный статский советник Срезневский, – увидели с берега удаляющийся пароход.

Пожилого Срезневского едва не хватил удар. Наконец, безвинно опоздавшие погрузились на быстроходный буксир и догоняли «Бирму» уже далеко в заливе. Права была императрица Александра Фёдоровна: всё получалось очень по-русски!

По-русски, эдаким барином, повёл себя Воейков и дальше. Не пожелав путешествовать вместе со всей делегацией, он отправился вслед за пароходом на императорской яхте «Стрела». Балтика встретила суда туманом, в котором они скоро потеряли друг друга, так что снова официальный представитель России объявился перед спутниками уже только в Стокгольме.

Тут оказалось, что многим олимпийцам не успели оформить заграничные паспорта. Потом выяснилось, что «Бирма» ошвартована вдалеке от спортивных баз, и к месту тренировок надо долго добираться. Многие выступления становились неожиданностью для спортсменов, которые не знали: где, в какой день и час им выступать... И всё это тоже было вполне по-русски.

– Но футболисты-то наши каковы, а?! – Император в сердцах хлопнул себя по колену. – Продули всем, кому смогли! Финнам, норвежцам... Про германцев я вообще молчу.

– Ники, успокойся, иначе у тебя снова разболится голова, – строго сказала Александра Фёдоровна. – Норвежцам они проиграли, потому что не успели прийти в себя после немцев. И поле там было – сплошной морской гравий...

– Норвежцы играли на том же поле, но выиграли.

– Вы с матушкой можете радоваться, что Дания попала в финал!

Александра Фёдоровна не удержалась и съязвила: у неё не ладились отношения со свекровью, вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной – бывшей датской принцессой Дагмар.

Датчане действительно дошли до финала, но в решающей схватке проиграли родоначальникам футбола – сборной Англии – со счётом 2:4.

– Надеюсь, ты поздравила кузена Джорджи и всех своих, – колкостью на колкость ответил Николай Александрович.

Некоторое время они молчали. Императрица делала стежок за стежком: на канве, зажатой в пальцах, проступали очертания средневекового немецкого замка. Император прикрыл глаза и наслаждался глотками горячего кофе в очередь с холодной водой. Пару раз Александра Фёдоровна бросала на мужа быстрые взгляды. Наконец, она не выдержала:

– Скажи, Ники, а почему нельзя, чтобы Григорий снова приехал?

Глава XV. Село Покровское – Царское Село. Черета чародеев

Однажды юная гречанка Кассандра уснула в святилище Аполлона. Храмовые змеи вылизили ей уши, и девушка получила дар – слышать будущее. Её полюбил сам Аполлон, только прорицательница его отвергла. Божественная месть оказалась изощрённой и жестокой: предсказаниям Кассандры никто не верил...

...а вот оракулу в Дельфах – верили. Омыв своё тело в Кастальском источнике, жрица-пифия надевала златотканую одежду и украшала распущенные волосы лавровым венком. Она восседала на высоком золотом треножнике, окутанная дымом курящихся благовоний, и в священном трансе выкрикивала свои пророчества.

Верили много веков спустя и предсказаниям Нострадамуса. Таинственный астролог прорицал королям и вельможам, а по смерти оставил тысячу четверостиший, в которых описал особо важные события вплоть до конца света. Современники начертали на его могиле:

Здесь покоятся кости знаменитого Мишеля Нострадамуса, единственного из всех смертных, который оказался достоин запечатлеть своим почти божественным пером, благодаря влиянию звёзд, будущие события всего мира.

С начала времён человека манит всё, что не поддаётся объяснению и лежит за гранью понимания. Как устоять перед соблазном узнать будущее? Как устоять перед желанием прикоснуться к тайнам высших сфер? Как устоять перед искусством магов и чародеев, которым ведомы тайные ходы человеческой души?

Восхождение Николая Второго на трон случилось не вполне ожидаемо. В растерянности он пригласил к себе знаменитость – французского оккультиста и мистика Жерара Энкоссе по прозвищу Папюс. Тот вызвал дух почившего императора Александра Третьего, и последние наставления от любимого отца новый император получил из потустороннего мира.

Жили в Петербурге дочери черногорского князя Николая Негоша – Милица и Анастасия. Первая была замужем за великим князем Петром Николаевичем, вторая – за герцогом Лейхтенбергским. Обе дружили с молодой императрицей Александрой Фёдоровной не только по родственному: их сближало увлечение мистикой. В особняке Милицы не переводились боговдохновенные пророки, кликуши, юродивые – извечные приживалы состоятельных фамилий. Было их в достатке и у Анастасии.

Сёстры-черногорки увлекались мистическими практиками и увлекали за собой светскую публику: одни видели в странных ритуалах и спиритических сеансах лекарство от скуки, другие ждали от вызванных столоверчением духов удивительных откровений, третьих впечатляли магнетические опыты Месмера... В любом случае, это было забавно.

Российскому военному агенту во Франции графу Муравьёву-Амурскому случилось как-то познакомить сестёр с господином по имени Филипп Низьер-Вашоль. Мсье Филипп, выступавший с шокирующими магическими сеансами, пользовался репутацией шарлатана. Французская полиция *Sûreté Générale* давала о нём весьма малопочтенные отзывы: кроме прочего, иллюзионисту угрожало наказание за незаконную медицинскую практику. Но черногорки составили ему протекцию, и чародей пришёлся в России ко двору – во всех смыслах этого слова. На долгое время он совершенно околдовал Александру Фёдоровну. И особенно расположилась к нему императрица после того, как Филипп обещал ей рождение наследника: до сих пор в императорской семье на свет появлялись только девочки.

Прорицателю пришлось возвратиться во Францию до того, как его пророчество сбылось. Но перед отъездом благодарная августейшая пациентка совершенно осчастливила мсье Филиппа. Военному министру Куропаткину поручили оформить для француза диплом

доктора медицины Петербургской военно-медицинской академии. Щедрым дополнением к бумаге, которая снимала с Филиппа Низьер-Вашоля угрозу тюрьмы на родине, стал чин действительного статского советника. Получил он в подарок и полагающийся ему по новому чину генеральский мундир с малиновыми лампасами и сияющими золотом эполетами. Более чем щедро для Александры Фёдоровны при её англо-германской прижимистости!

С отъездом француза императрица загрузила. Конечно, черногорские принцессы продолжали поставлять ко двору гадалок, прорицателей, проповедников и толкователей снов. Сколько их перебывало в покоях Царскосельского дворца! И гугнивый Митя Козельский, и дурочка Матрёна-босоножка, и суровый протоиерей Иоанн Кронштадтский; а ещё старец Олег, отец Мартемьян, припадочная селянка Дарья Осипова...

...и вот в один прекрасный день инспектор Санкт-Петербургской духовной академии и духовник государыни Феофан привёл к сёстрам занятого мужичка. Сибирский крестьянин прибыл в Петербург с пятью копейками в кармане, которые тут же и потратил в Александро-Невской лавре: за три копейки отслужил молебен сиротский и на две купил свечку. Мужичок остался без гроша, но с мечтой – денег собрать на строительство церкви. Всё повторял слова апостола Павла: кто устроит храм, того адовы врата не одолеют никогда!

Гость из села Покровского едва мог читать и писать, обхождения светского не знал и не признавал, обращался ко всем на *ты*, хотя и уважительно; держался независимо и вёл себя запросто... Но при этом был далеко не прост, удивительно интересно рассказывал о своих хождениях по святым местам, знал уйму сказок и присказок и, главное, обладал непонятной, подчиняющей силой.

Эта сила вела по жизни его самого. Этой силой он мог врачевать других. Этой силой он мог умирять плоть и дух. Эта сила открыла ему двери сначала в петербургский дом сестёр-черногорок, а после – и во дворец императора в Царском Селе.

Своею магической силой открыл двери в историю Григорий Распутин.

Глава XVI. Вена. Русская рулетка с пистолетом

Альфред Редль застрелился в первом номере-люкс фешенебельного отеля «Кломзер».

Ранним воскресным утром маленькая пятиграммовая пуля со свинцовым сердечником пробила в правом виске полковника аккуратную дырочку и вышла за левым ухом, не сильно разворотив череп.

Собственный армейский девятимиллиметровый пистолет «штейр» с наградной надписью у Редля изъяли. Всё, что мог предложить капитан Ронге своему учителю, который оказался предателем и русским шпионом, – это пистолет Браунинга с одним патроном в стволе. Хотя стоило бы, выходя из номера, оставить на столе револьвер Нагана, которым пользуются офицеры в России...

Теперь за дело Редля взялся шеф *Evidenzbüro* полковник Урбански, которому ассистировал военный следователь Форличек из Праги. А Ронге предстояло вернуться к прежней работе.

Несколько раз он начинал писать отчёт, но яростно драл в клочья лист за листом. Сидеть в кабинете, который не так давно принадлежал Редлю и где слишком многое напоминало о случившемся, было невозможно. Наконец, Ронге сдался. Не глядя, он сгрёб все бумаги со стола в стопку, сунул её в сейф, запер замок, опечатал дверь – и снова двинулся от Генерального штаба в сторону городского парка.

Редль по-прежнему не шёл из головы. Когда полицейские агенты появились в отеле, полковник понял, что его тайна раскрыта. Несколько часов он водил филёров по городу, пытаясь отделаться от слежки – так же безнадёжно, как сейчас Ронге пытался отделаться от мыслей о нём...

На просторных улицах Штубенринг и Паркринг продолжала кипеть жизнь. Навстречу капитану прошла молодая, броско одетая женщина в игривой шляпке с цветами и не отвела взгляда, когда Ронге посмотрел ей в лицо. За нею две няньки катили плетёные коляски с младенцами. Утопающие в кружевах дети мирно посапывали, а няньки, играя румянцем на тугих щеках, негромко, но очень горячо обсуждали свою личную жизнь. За спиной капитана сердито тренькнул звонок, и по специальной дорожке, выложенной по краю тротуара красным кирпичом, промчался на велосипеде мужчина средних лет.

Несколько молодых художников расположились около парка с лёгкими складными мольбертами. Девушка в очках рисовала пастелью сидящего перед ней толстяка. Сходство было изумительным. В шаге от неё длинноволосый молодой человек, наверняка сердечный друг девушки, тем временем заканчивал гораздо менее удачный портрет жены толстяка: конопатая пампушка у него походила на холодную вагнеровскую валькирию.

Чуть в стороне ещё на одном мольберте висели для продажи с десятков акварелей. Застывшие собачьи морды, здание Венской оперы, угрюмые старинные дома, какие-то цветы в банках... Картинки были безликие, старательно-школярские, и под стать им смотрелась аккуратная школярская подпись в нижнем углу каждого листа: *A. Hitler*.

– Купите картину! – потребовал у Ронге стоявший рядом с мольбертом хмурый угловатый парнишка лет двадцати.

Капитан окинул его взглядом. Автор жухлых акварелей А. Гитлер пытался спрятать свои комплексы за нарочито наглым тоном. Ронге по профессиональной привычке прикинул, как его могут звать. Альфред? Адольф? Арнольд?

– Купите! – повторил Гитлер. – Или денег жалко?

Ронге не ответил и двинулся дальше сквозь гуляющую толпу. Его вдруг словно кольнуло: все эти люди ничего не знают!

Они не знают, что в одном из лучших венских отелей покончил с собой самый известный контрразведчик Австрии, которого прочили в начальники Генерального штаба. Им не ведомо,

что перед тем, как пустить пулю в висок, он продал своим коллегам – *заклятым друзьям из Петербурга*, как их называли в *Evidenzbüro*, – сверхсекретные планы наступления австрийских войск на Россию и Балканы.

Они не знают, что скоро начнётся война. Так скоро, что малыши, сопящие сейчас в колясках, не успеют подрасти – разве что скажут первые слова и сделают первые шаги, не больше. А их родители рассчитают румяных нянек и увезут своих чад к родственникам в Альпы, надеясь отсидеться вдали от стрельбы и взрывов.

Молодой женщине с вызывающим взглядом станет не до броских туалетов. Толстяку придётся изрядно похудеть – возможно, к радости жены-валькирии. Бездарным художникам – скучному аккуратисту Гитлеру и второму, с длинными волосами и девушкой, – скорее всего, придётся надеть военную форму и топтать на фронт...

Все эти люди живут себе спокойно, радуются, грустят, гуляют, любят – ничего не зная. А он, Максимилиан Ронге, знает, что ждёт каждого из них. Но должен молчать. И даже если он что-то скажет – ничего не изменится. Ничего не изменится от того, что делает каждый день в своём кабинете начальник агентурного отдела *Evidenzbüro* капитан Ронге. Не изменится ни в жизни страны, ни в жизни каждого из этих людей на Штубенринге, Паркринге и любой другой улице Вены.

Сегодня ценнейший вражеский шпион мёртв. Сегодня австрийцам – кроме Редля – повезло больше, чем русским. Но удача капризна и ветрена. Завтра она отвернётся от Вены и повернётся к Петербургу. И уже там станут праздновать победу, раздавать ордена и примерять новые погоны.

Скоро найдутся новые шпионы – с обеих сторон. А война всё равно случится. Всё равно она будет страшной и кровопролитной. Всё равно армия Австро-Венгерской империи начнёт наступление на армию Российской империи. Хоть по старому плану, хоть по новому – если в штабе успеют его разработать до начала войны. И всё равно с обеих сторон погибнут люди. Очень, очень много людей... До чего же тошно...

Максимилиана Ронге и правда подташнивало, а в голову лезли мысли, совсем ему не свойственные. Только сейчас капитан вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего дня.

Он устроился за столиком в парке, на террасе ресторанчика рядом с Курзалом. Внутри шёл концерт – оркестр играл Штрауса, и юные бальные пары вальсировали для увеселения праздной публики. Ронге расправился с огромным, как положено, венским шницелем и принялся тянуть горьковатое пиво, разглядывая знаменитый золотой памятник автору «Голубого Дуная».

На самом деле Максимилиан почти не почувствовал вкуса еды. И не сияющий композитор, что парил со скрипкой в руках на фоне беломраморной арки, занимал сейчас его мысли.

Надо было признать: разоблачение Редля действительно произошло почти случайно. Как мог попасться в самую простую, наудачу расставленную ловушку человек, учивший Ронге и многих его сослуживцев по контрразведке, – оставалось загадкой. К тому же Максимилиан чуть было сам не предупредил Редля: хотел ведь похвастаться *чёрным кабинетом* и перехваченными письмами для Никона Ницетаса!

Известие о предательстве полковника ошеломило всех настолько, что Редля едва не упустили. Пока докладывали по команде, повторяя, что ошибка исключена; пока получали у коменданта города санкцию на арест офицера такого ранга – Редль не только успел уничтожить секретные записи, но даже поужинал с давним приятелем, прокурором Верховного кассационного суда Виктором Поллаком.

Черeda невероятных событий отказывалась укладываться в сознании.

Глава военной контрразведки с многолетним стажем, легенда борьбы с иностранными шпионами – оказывается одним из них! И накануне войны выдаёт врагу ценнейшие военные секреты.

Светский лев и любимец женщин перед смертью вдруг называет имя своего любовника – молоденького венгерского лейтенанта Штефана Хоринке, и объясняет предательство тем, что русские-де шантажировали его, а любовник беспрерывно тянул и тянул деньги.

Окружённый полицейскими агентами изменник и проваленный шпион сидит в отдельном кабинете умопомрачительно дорогого ресторана «Ридхоф» с прокурором, вместе с которым не раз выступал на процессах по делам изменников и проваленных шпионов...

Тут Ронге непроизвольно усмехнулся, вспомнив, как Редль приглашал его в ресторан. Что ж, это был шанс оказаться на месте Поллака и выслушать исповедь за изысканным ужином стоимостью больше месячного капитанского жалования: когда полковник понял, что игра проиграна, – он шикарно провёл свои последние часы и успел прокутить часть шпионского гонорара...

– Счёт! – Ронге взмахнул рукой, и улыбчивый официант поспешил к кассе.

Очевидно, у *Evidenzbüro* сейчас возникнут серьёзные проблемы. Надо будет найти виновных в том, что Редль десяток лет безнаказанно шпионил на русских. Допустим, Ронге как автора удачной операции не тронут. По крайней мере, сразу. А вот на дальнейшее надо подстраховаться.

Уже давно в голове Ронге зрел план. Вернее, пока не план, а лишь намётки плана. Рассуждения, постепенно обретавшие форму.

Полковник Редль принудил его затвердить науку Сунь Цзы.

Умеющий управлять врагом – развёртывает соединения так, что враг должен отозваться. Он предлагает то, что враг может схватить. Он завлекает врага выгодой – и после ждёт со своими войсками.

О жизненной энергии *Ци* учил старый китаец.

Можно с корнем вырвать Ци трёх армий, можно отнять разум полководца. Утром Ци врага – пылающая; в течение дня Ци становится вялой; к сумеркам Ци истощается. Умело использующий армию – избегнет пылающей Ци врага и нанесёт удар, когда Ци вялая или истощена. Вот путь управления Ци.

И главное, рассуждал Ронге: враг на то и враг, чтобы думать и вести себя по-своему – не так, как ты. Надо влезть во вражескую шкуру, понять его мысли, проникнуться ими – только тогда можно победить!

С давних пор австрийские военные традиционно проходили стажировку в России. Молодой Редль, например, в Казани, а Ронге – на Дону. Там он, совсем ещё желторотый, хорошо запомнил русскую формулу, которую со смехом поведал ему казачий офицер с фамилией германского дворянина – фон Вик:

– Бей своих, чтобы чужие боялись!

Эту формулу и хотел использовать капитан. Для того и копался он в аналитике, чтобы найти способ – заставить врага бить своих.

Перед войной и особенно после начала войны русские будут разжигать в народе ненависть к немцам. Это как дважды два. И тут уж всё едино – что германец, что австриец, что швед или датчанин. Из Конотопа, Тобольска или станицы Новодеревянковской не разглядишь, кто есть кто.

Очень хорошо, думал Ронге. Русские начнут разжигать ненависть, а мы им поможем. Пускай знают: немец – значит, враг. Пускай возьмутся за своих инженеров и врачей с подозрительными фамилиями. Пускай бьют гвардию и флот, штаб-офицеров и генералов с адми-

ралами... Да-да, и к императорской семье пусть повнимательнее приглядятся. Женщина по имени Алиса Гессен-Дармштадтская русской быть не может!

Пускай русские бьют своих. А мы ещё посмотрим, бояться или радоваться.

Ронге заплатил, оставил официанту хорошие чаевые и энергичной походкой двинулся обратно в сторону штаба. Полковник Редль, наконец, умер для него. Скандала получиться не должно. Газеты в Австрии и за рубежом цитируют заявление Венского телеграфного агентства о самоубийстве несостоявшегося начальника императорского и королевского Генерального штаба Альфреда Редля. Он работал без сна и отдыха – и пал жертвой нервного истощения:

Высокоталантливый офицер, которому предстояла блестящая карьера, находясь в Вене при исполнении служебных обязанностей, в припадке сумасшествия...

Глава XVII. Санкт-Петербург. Пощёчина в «Пале-Рояль»

– Скажите на милость, Давид Давидыч, почему на книжных развалах можно купить всё... ну, буквально всё, от прижизненного Пушкина до «Посмертных записок Пиквикского клуба», а Маяковского – не купить?

– А потому, Владим Владимыч, что нету пока у Маяковского книжек. Нету! И покупать нечего. Это вы хотели услышать?

Двое футуристов – или, по Хлебникову, *будетлян*, – прошли Невским проспектом от Зимнего дворца и Адмиралтейства почти до Знаменской площади. Там перед Николаевским вокзалом недавно соорудили памятник Александру Третьему.

Пётр Первый на Сенатской площади и Николай Первый на Исаакиевской, подтянутые и стремительные, красуются на вздыбленных конях. Александра на Знаменской изваяли на тумбообразном тяжеловозе, вросшем в землю всеми копытами. Сам отец нынешнего императора оказался тоже тумбой, под стать коню, да ещё одели его почему-то в форму железнодорожного кондуктора.

Острословы тут же сочинили загадку:

*На площади комод,
На комодe – бегемот,
На бегемоте – обормот.*

Скоро у загадки появилось продолжение:

*На обормоте – шапка,
На шапке – крест,
Кто угадает –
Того под арест.*

Политическая сатира после революции девятьсот пятого года стала популярной...

До памятника, впрочем, Бурлюк с Маяковским не дошли, свернув чуть раньше направо, в Пушкинскую улицу. Здесь посреди палисадника и маленькой площади на постаменте с золотыми буквами понуро стоял бронзовый Пушкин – первый петербургский памятник поэту, творение того же Опекушина, что ваял статую на Тверском бульваре в Москве.

А за площадью, в двадцатом доме, друзей ждало временное пристанище: добрый знакомый оставил Бурлюку ключи от номера в гостинице со звучным названием «Пале-Рояль», фасад которой украшал баронский герб.

Доходный дом баронессы Таубе больше походил на архитектурно облагороженный цейхгауз. Благодаря Александру Дюма любой гимназист знал его тёзку: шикарный дворец выстроили для кардинала Ришелье возле Лувра. В парижском *Palais Royal* коварные гвардейцы кардинала строили козни против мушкетёров короля. Но Петербург – не Париж, так что аристократические ассоциации дальше названия не пошли. Реклама гостиницы «Пале-Рояль» в газете выглядела сухо и прагматично.

*175 меблированных комнат от 1 р. до 10 р. в сутки (включая постельное бельё).
Месячно – уступка. Электрическое освещение бесплатно. Ванны. Телефон. Комиссионеры.
Просят извозчикам не верить.*

Рядом с Невским, тем более около вокзала, популярностью пользовались комнаты на пару часов или на одну ночь. Однако «Пале-Рояль» не стал домом свиданий: здесь держались строгих принципов, и любовникам приходилось искать для утех другие места. Рубль в сутки – цена не заоблачная, но простенькую комнату в Петербурге можно было нанять вдвое дешевле, рублей за пятнадцать в месяц. Так что у баронессы Таубе селились даже не столько приезжие, сколько работающие холостяки и семейные *зимогоры* – те, что круглогодично квартировали в уютных пригородах столицы и наезжали в город лишь по делам, на несколько дней.

Постепенно «Пале-Рояль» стала обживать пишущая братия. Зачин принадлежал Глебу Успенскому: гостиница устраивала его близостью к редакциям «Русского богатства» и «Отечественных записок», а ещё тем, что в семнадцатом доме – через улицу – жил психиатр Синани, который выводил из запоев.

Следом за Успенским в гостинице начал регулярно загуливать сбегавший от жены Александр Куприн – автор язвительного сравнения стокгольмской Олимпиады с Цусимой. Собутельниками Куприна становились мужчины рискованных профессий – авиаторы, цирковые борцы и акробаты, – и женщины рискованного поведения, млеющие от авиаторов, борцов и людей искусства.

Бывал в «Пале-Рояль» мрачный писатель Леонид Андреев. Здесь останавливался поэтический писатель Иван Бунин. И учитель Бунина, немилый ему как драматург пьющий писатель Антон Чехов, тоже в своё время облюбовал гостиницу на Пушкинской.

Местные постояльцы-символисты, критик Аким Волынский и публицист Пётр Перцев, водку не уважали – зато уважали приходивших к ним в гости философа Василия Розанова и поэта Валерия Брюсова. Разговоры о таинственной Каббале, мудром Ницше и Прекрасной даме велись на трезвую голову. И всё же Волынскому случилось опьянеть – от любви к рыжеволосой поэтессе Зинаиде Гиппиус, жене ещё одного их приятеля, историка Дмитрия Мережковского. Аким даже завёл с нею роман.

Кто-то из талантливых посетителей «Пале-Рояль» сочинил стишок всё про тот же памятник Александру Третьему:

*Это новая игрушка
Для российского холопа:
Был Царь-колокол, Царь-пушка,
А теперь ещё – Царь-жопо!*

Частушка мгновенно ушла в народ, авторство снова осталось тайной.

За литераторами к баронессе Таубе потянулись актёры. Нынешние жильцы передавали друг другу истории о том, как лет пятнадцать назад в доме надолго обосновался неутомимый самец императорских театров, знаменитый Мамонт Дальский – дворянин, бежавший из дому с актёрами и сменивший скушную родовую фамилию Неелов на звучный псевдоним. В перерывах между гастроями Мамонт без усталости кутил здесь со множеством почитателей и бессчётными поклонницами. Блестящий трагик, шальной красавец со взрывным темпераментом, самозабвенный игрок – он оказывал покровительство молодым талантам.

Рассказывали, как однажды за Мамонтом Дальским в «Пале-Рояль» приехал студент, присланный устроителями концерт-бала в Благородном собрании. Кумир обнаружился изумительно пьяным в окружении распалённых, едва одетых дам. Ни малейшего желания отрабатывать гонорар он не изъявил. Студент готов был разрыдаться, но тут Дальский произнёс своим проникновенным, богатым голосом:

– Не отчаивайтесь, юноша, я вместо себя приятеля пошлю. Отличный певец! Да где же он?.. Федька!

На зов явился худой долговязый молодой человек с прозрачными глазами – из тех, кого Дальский подкармливал. Прозвучала команда: живо надеть фрак и съездить, спеть что-нибудь в концерте. Отказать благодетелю начинающий певец Федька не посмел.

Много позже великий русский драматический артист и великий русский бас со смехом вспоминали эту поездку. Василий Качалов переживал, что вместо долгожданного Дальского он везёт в Благородное собрание безвестного дебютанта. А Фёдор Шаляпин, которого Дальский пестовал в «Пале-Рояль» целых два года, мучился тем, что фрак на нём – с чужого плеча, и непонятно, как быть с аккомпанементом...

В таком овеванном театральными и литературными легендами месте остановились Бурлюк с Маяковским.

Здесьняя центральная лестница пользовалась особенной любовью обитателей: ступени сделали пологими, чтобы в подпитии подниматься было не слишком затруднительно.

Добравшись до своего этажа, футуристы прошли длиннейшим коридором со множеством дверей и оказались в своей комнате. Маяковский по всегдашнему обыкновению первым делом тщательно вымыл руки. Бурлюк уже нетерпеливо ждал и, как только ванная освободилась, с криком нырнул под струи холодного душа: прогулка по жаре с неутомимым юным другом измотала его вконец.

Затем оба, позволив себе из одежды только расстёгнутые брюки, прилегли отдохнуть. Посвежевший богатырь занял кровать в алькове, а Маяковский, которому по молодости достался продавленный диван, продолжал допытываться:

– Так почему вы до сих пор не издали моей книжки?

– А кто вас купит, Владим Владимыч? Нашим всем – подарить придётся, а больше вас и не знает никто. Пушкина купят, «Пиквикский клуб» купят, вас – не купят. А денег у Давида Бурлюка пока что меньше, чем в Государственном банке.

Маяковский прикусил губу. Чутьё у Давида было на зависть, он всё время организовывал концерты, выставки, диспуты, кого-то издавал – и не только из любви к искусству. Каждое предприятие Бурлюка приносило известный доход, который позволял, например, ежедневно выдавать Володе по полтиннику.

– Может, я книжку от руки нарисую? – снова подал голос Маяковский. – Всю целиком, с текстами, с иллюстрациями... Тогда наборщикам не надо будет платить. И просто на гектографе размножим.

– Тоже денег стоит, – резонно заметил Бурлюк и повернулся на бок, чтобы видеть Маяковского здоровым глазом. – Вот Гучков – помните историю с письмами? Сделал на гектографе, а мог бы и в типографию отдать! Весь тираж мигом разлетелся, я себе экземплярчик едва добыл...

Действительно, зимой председатель Государственной думы Александр Иванович Гучков издал брошюры, которые тут же ушли нарасхват. Он опубликовал несколько писем императрицы, каким-то образом попавших в его руки. Александра Фёдоровна обращалась к Распутину – простому мужику, которого привечали при дворе. Письма её содержали очевидные двусмысленности и вызвали в обществе настоящий скандал.

– Гектограф для того нужен, чтобы все видели почерк, – сказал Маяковский, который по своему подпольному и тюремному опыту немного разбирался в криминалистике. – Чтобы понятно было, что письма и вправду её рукой написаны.

– Да я не об этом, – отмахнулся Бурлюк. – Известно вам, кто такой Распутин?

– Чёрт его знает. Святой старец. Колдун какой-то из Сибири, и вроде с императрицей у него шуры-муры...

– Вот! – Бурлюк приподнялся на кровати. – Вы не знаете, кто такой Распутин. И никто ничего толком не знает: кто такой, чем занимается? Чумазый крестьянин из Тмутаракани! Плужок... Но сама – Сама! – шлёт ему письма, и эти письма читают в Москве, в Питере...

езде! И все говорят о нём и о ней, и снова о нём, и снова... А теперь представьте, что этот Распутин стал бы вдруг кубо-футуристом и начал писать стихи. Тиражи можете вообразить?

– То есть Распутина вы хотите издавать, а меня нет.

На стуле рядом с диваном лежала манерно-узкая бежевая пачка папирос «Нарзан» и коробка спичек. Маяковский вытащил папиросу, продул мундштук и закурил.

– Сколько стоят ваши папиросы? – спросил Бурлюк.

– Шесть копеек десять штук.

– Интересное дело! У вас денег нет, и вы курите «Нарзан», а у меня деньги есть, но на те же шесть копеек я беру двадцать штук московского «Дуката»! Где справедливость, Владим Владимыч? И не трясите пепел, прошу вас, вот же блюдце...

Бурлюк прошлёпал босыми ногами до стола и поставил на стул возле Маяковского блюдце, которым они пользовались вместо пепельницы.

– Зря сердитесь, – сказал он.

– Я не сержусь, – буркнул Маяковский. Когда он нервничал, жевал картон мундштука.

– Сердитесь. Но вы послушайте, послушайте.

Бурлюк уселся обратно на кровать и продолжал:

– Вы – гениальный поэт. Я всем это говорю. И вы уж не подводите меня, пишите гениальные стихи! Только писать и публиковаться – две большие разницы. Писать можно сколько угодно. Но издавать книгу только для того, чтобы потешить ваше самолюбие, – извините, слишком большая роскошь. Надо как минимум окупить тираж. Муза может жить на чердаке... или у друзей в гостинице «Пале-Рояль», но ей надо что-то кушать. Хотя бы иногда. Опять же, папиросы покупать...

– Не надо попрекать меня папиросами! И при чём здесь Распутин?

– Да ведь он делает ровно то, что вы должны делать! Неграмотный крестьянин приезжает в Петербург чёрт-те откуда и создаёт себе имя из ничего! А вы приехали из Москвы – и лежите здесь, как кувалда, и ноете, что вас не издают! И в голове один футбол.

Маяковский резко сел, вдавил окурочок в блюдце и свирепо уставился на Бурлюка, сжав кулаки.

– Я вас попрошу, Давид Давидович...

– Вот, – довольно ухмыльнулся Бурлюк, – другое дело. Теперь я снова вижу Владимира Маяковского. Понимаете, Распутин очень верно всё рассчитал. Его же никто не вёл под белые руки! Сам растолкал всех локтями, подошёл нахально к трону в лаптях своих, и стоит среди господ раззолоченных, семечки на паркет лущает, в носу ковыряет и навозом пахнет.

– Грубо.

– Пусть. Это хорошо, что грубо! Чем грубее, тем лучше. Надо вызвать к себе интерес, привлечь внимание. Любой ценой, любым способом, понимаете? Эпатировать. Заставить на себя смотреть. Заставить слушать. И тогда...

– Вы вправду думаете, что Распутин на это рассчитывал?

– Неважно. Кто такой Распутин? Мы о вас говорим!.. Угостите папироской, будьте добры.

Маяковский выдал Бурлюку папиросу, поставил стул с блюдцем между диваном и кроватью и тоже закурил. Он не затягивался и мог курить постоянно.

– М-м, неплохой табак, – оценил Бурлюк. – Шесть копеек десять штук, говорите?

– Хватит уже глумиться, – раздражённо сказал Маяковский.

– Сейчас я очень серьёзен... Владим Владимыч, для того, чтобы выделиться из толпы, у вас уже почти всё есть. Рост – прекрасный! Фамилия – любому псевдониму на зависть! Маяк такой высоты – уже есть, о чём говорить! Но к фамилии, росту и гениальным стихам надо добавить ещё пару штрихов, чтобы вас узнали и запомнили...

– Меня знают.

– Кто? Братья-футуристы? И ещё пара кружков вроде нашего? Бросьте, десяток-другой человек, даже полсотни – это ничто. Капля в море. Нам ведь нужны тысячные тиражи, верно? Значит, вас должны узнать и запомнить тысячи. Десятки тысяч... Вот вы сидели в тюрьме. Против кого вы боролись? Кого вы ненавидите?

Маяковский глубоко затянулся, выпустил длинную струю дыма и прищурился.

– Буржуев. Капиталистов.

– Прекрасно. Но у этих буржуев и капиталистов есть деньги, которых нет у вас и которые вам нужны. Надо заставить их раскошелиться. Что бы вы сделали, если бы столкнулись с тем, кого ненавидите? Ну? Чтобы он вас надолго запомнил?

– Дал бы в морду...

– В морду?.. Отлично! С этого и начнём.

– В каком смысле?

Бурлюк поднялся и зарокотал, расхаживая по комнате.

– В прямом! Дадим обществу в морду! Для начала сойдёт и пощёчина. Пощёчина общественному вкусу! Наотмашь всем этим... Пусть знают! Отдать швартовы! Кубо-футуристы выходят в открытое море! Балласт нам не нужен. Всё лишнее – за борт. Толстого – за борт. Достоевского – за борт...

Взгляд Бурлюка упал за окно, туда, где стоял бронзовый Пушкин. Он обернулся к Маяковскому, картинно простирая руку в сторону памятника:

– И Пушкина – за борт!

Маяковский настороженно следил за Бурлюком, единственный глаз которого сейчас горел, вправду придавая хозяину сходство со свирепым капитаном пиратского корабля или беспощадным командиром абордажной палубы.

– Вы меня пугаете, Давид Давидович, – сказал Маяковский. – И сегодня уже не в первый раз. Я понимаю, можно бросить за борт картонного Брюсова. Или Бальмонта – чёрт с ним, с парфюмером этим. Аверченко можно, Андреева... не знаю, Бунина... Горького даже. Но Пушкина?!

Бурлюк расхохотался.

– Ага! Вот видите, вы купились! Горький, Андреев... Для них дача возле речки – уже подарок судьбы. Награда для портных! А за Пушкина не бойтесь, куда мы без него... Я же вам толкую про декларацию. Фигуру вокала. Трюк! Называем имена, которые известны всем. Их знают все, нас – никто. Представляете, что начнётся, когда мы опубликуем такой манифест?! И в нём прямо заявим: эти так называемые великие не нужны современности! Поэтому всех до единого – за борт, к чёртовой матери! Представляете, что будет?

– Скандал будет. Большой скандал.

– К сожалению, не больше, чем с распутинскими письмами. Но ничего, для начала неплохо. Все побегут посмотреть, что это за футуристы такие, которые с Пушкиным и Толстым расправляются. И вот тут, на пике скандала появитесь – вы... Скажите мне, господин студент института живописи, какие цвета самые контрастные?

Маяковский смахнул с глаз длинную чёлку, которая тут же упала обратно.

– Чёрный с белым, наверное...

– Двойка! Чёрный с жёлтым. Наденете чёрный цилиндр, как у настоящего толстопузого капиталиста...

– Зачем это?

– Во-первых, не обижайтесь, но в цилиндре у вас на редкость дурацкий вид. Вот и пускай публика сначала считает вас дурачком, ржёт и думает, что она умнее. Чем позже выяснится, что всё наоборот – тем сильнее будет эффект. Во-вторых, цилиндр на вас – как раз та самая пощёчина общественному вкусу. Оплеуха капиталистам, которые носят цилиндры и которых

вы ненавидите. Потому что вы – карикатура на них, но и это они поймут не сразу. И в-третьих, для контраста вы наденете... У вас из одежды что-нибудь жёлтое есть?

– Нет... Есть! Не у меня, у матери. Кофта старая, её как-то так постирали, что она вытянулась – теперь даже мне велика...

– Прекрасно! Я это вижу! Сцена – и на ней молодой гениальный великан в цилиндре и огромной жёлтой кофте! Вы будете неотразимы.

Маяковский откинулся на спинку дивана, дунул в мундштук очередной папиросы и сунул её в угол рта.

– Не пойдёт, – сказал он.

– Что не пойдёт? – не понял Бурлюк.

– Всё не пойдёт. Я хочу, чтобы улица говорила моим языком. Чтобы кричала! Хочу, чтобы люди слушали то, что я пишу. И чтобы книжки мои читали, а не пилились на меня, как на ярмарочного уродца. Хочу, чтобы обращали внимание на стихи, а не на кофту. Может, прикажете вообще голым на сцену выйти?

Маяковский прикурил и принялся гонять папиросу из одного угла рта в другой, пуская густые клубы дыма.

Бурлюк поник, добрёл до кровати и снова улёгся, закинув руки за голову.

– Голым – это было бы неплохо, – он зевнул, – но для карьеры губительно и небезопасно. Хотя к тюрьме вам не привыкать... Не знаю, может, потом как-нибудь. Посмотрим... А сейчас вот что я вам скажу. К этому делу мы подтянем Велимира и, может быть, ещё нескольких наших. Напишем манифест про пощёчину общественному вкусу. Осенью опубликуем. В артистических кафе устроим несколько диспутов. Вы будете выступать с докладами и стихами. В цилиндре и маминой кофте. Выступать будете нагло, будете хамить. Наверное, в самом деле придётся пару раз дать кому-нибудь в морду, так что отведёте душу. Такого красавца обязательно заметят и запомнят. Я сразу же издам вашу книжку. Тиражи будут – не извольте беспокоиться... А дальше, дорогой Владим Владимыч, как пойдёт. Одно могу вам обещать почти наверняка: впредь сможете писать, что захотите. Сожжёте кофту и купите хороший костюм. Ездить будете на таксомоторе. И не копеечный «Нарзан» покупать, а гильзы «Викторсон» с турецким табаком или яванские сигары. Главное – помните: публика любит сильных мужчин, публика – это женщина! Топчите, надругайтесь, насилуйте. Вам за это руки целовать станут. Хотя я бы целовал за другое. *Чёрным ладоням сбежавшихся окон раздали горящие жёлтые карты...* Или за – *платья зовущие лапы...* Но тут уж кому что нравится. Как говорил неизвестный вам автор: один любит арбуз, а другой – свиной хрящик. Я немного вздремну, ладно?

Глава XVIII. Ялта, Ливадия. Ярость бессилия

– Скажи, Ники, почему нельзя, чтобы Григорий снова приехал? – спросила Александра Фёдоровна, оторвавшись от вышивания и взглянув на мужа.

Николай Александрович молчал, сидя с закрытыми глазами.

Недавно, в мае, Распутин гостил в Ливадийском дворце. Но про то, что появление в Ялте едва не стоило ему жизни, нервной Аликс говорить было нельзя, чтобы не спровоцировать очередную истерику.

Ялта – лучший российский курорт на Чёрном море. В здешние дворцы съезжались по весне аристократы, здесь каждое лето отдыхала семья императора. После революции девятьсот пятого года Ялту объявили на положении чрезвычайной охраны. Градоначальником стал генерал Иван Антонович Думбадзе: его протезировал дядя императора, великий князь Николай Николаевич.

Имея такую силу за спиной, властный грузин распоясался и обнаглел. За корреспондентами столичных газет и горожанами Иван Антонович внимательно следил, неблагонадёжных высылал. Правил патриархально, судил сурово, гражданские иски против правил разбирал лично – и решения свои исполнял без помощи полиции. К возмущённым претензиям Сената относился пренебрежительно, а при напоминании о законах не без оснований повторял: *Я здесь закон!*

Желчные журналисты из «Сатирикона» язвили наперебой:

Вы российский подданный? – Нет, ялтинский.

В Ялте расцвёл Думбадзе и позеленело население.

Генерал Думбадзе в двадцать четыре часа выслал из Ялты свою собственную шинель за ношение красной подкладки.

А вот бомба, которую метнули в генерала с одной из дач, оказалась не шуточной. Террорист сразу застрелился, кучер и лошади были ранены, а Думбадзе уцелел и приказал дачу сжечь. Огромный иск от владельцев и жильцов на шестьдесят тысяч рублей министр внутренних дел Столыпин оплатил из казны. Дело замяли, как и многие другие. Из-за хамства Ивана Антоновича ушёл в отставку финляндский генерал-губернатор Бекман. На Думбадзе безрезультатно пытались подавать в суд многие, вплоть до сенаторов, но генерал при поддержке великого князя преспокойно продолжал править Ялтой, как настоящий диктатор...

Фрейлина Анна Танеева-Вырубова вызвала Распутина в Ялту по просьбе императрицы. Вызвала условленной телеграммой из Сибири, из родного Покровского. Распутин приехал в Петербург и сразу же отправился в Севастополь.

Но была ещё одна телеграмма, о которой стало известно императору. Шифрованное сообщение с пометкой «личное» предназначалось Степану Петровичу Белецкому, директору департамента полиции. Думбадзе писал: *Предлагаю избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту.*

Выпал редкий случай решить, наконец, проблему Распутина. Мужик прибывает в черноморскую столицу российского флота. Его встречают агенты Думбадзе – всё как положено. Ничего не подозревающего пассажира сажают в катер, чтобы везти в Ялту. Команда на катере, конечно, подставная, тоже из верных генералу людей. Они выходят в море, и там Распутин просто исчезает, словно его не было. А пока в Ливадии хватятся и забудут тревогу, Думбадзе успеет подчистить изъяны операции и в полном смысле – спрятать концы в воду.

Прочитав шифровку, статский советник Белецкий задумался. Устранением Распутина ялтинский градоначальник хочет сделать подарок своему покровителю, великому князю Нико-

лаю Николаевичу. И заодно всем тем – от депутатов Государственной думы до членов императорской фамилии, – у кого при упоминании о сибирском мужике делается изжога.

Вопрос: что лично Белецкий выиграет, если мужик исчезнет? Похоже, ничего. Героем, уничтожившим Распутина, и даже одним из таких героев ему стать не дадут. Лавры достанутся Думбадзе, а у главного полицейского Российской империи, наоборот, появятся проблемы. Сначала с имитацией активного розыска пропавшего, потом – с ответом за то, что розыск не дал результатов...

...зато если операция сорвётся или пройдёт неудачно, если что угодно случится не так – Иван Антонович будет не единственным виновным. О телеграмме директору департамента полиции он точно молчать не станет. Значит, Белецкого ждут проблемы много более серьёзные, чем в случае с исчезновением. Отвечать придётся перед самим императором, тут и самому недолго под судом оказаться.

Конечно, велик соблазн махнуть на страхи рукой. Ответить Ивану Антоновичу – мол, убирайте Распутина, и дело с концом, а славой как-нибудь сочтёмся. Но всё же речь шла именно о близком государю Распутине, а не о ком-то другом. К тому же...

К тому же телеграмма пришла в департамент, и на квартиру директору её прислали с курьером уже расшифрованной. Значит, текст читали не только отправитель, шифровальщик и получатель, но и секретарь-дешифровщик Митрофанов. Немцы говорят: что знают двое, знает и свинья. Выходит, о предложении убить Распутина известно минимум четверым. Минимум!

Точно, подложил ему свинью Думбадзе. Большую, всезнающую и очень опасную свинью. Кретин... Тот же Митрофанов телефонирует Белецкому раньше, чем появился курьер: телеграмма, сказал он, *очень и даже очень интересная*.

Выход из этой ситуации получался единственный. Степан Петрович снова вызвал курьера и подписал препроводительный бланк с пометкой «срочно». Расшифрованный текст надлежало доставить министру внутренних дел в собственные руки. Выждав положенное время, директор департамента полиции снял трубку особого – только для разговоров с министром! – телефона и спросил, нет ли для него распоряжений относительно известного предмета. После молчания на другом конце провода прозвучал ответ:

– Не надо, я сам.

Давал ли министр какие-то указания генералу Думбадзе? И если давал – какие именно? Препровождённая ему телеграмма в департамент полиции не вернулась. Подлинник Митрофанов после расшифровки уничтожил, как полагается, но... Для того и существуют на свете верноподданные, чтобы государь знал секреты остальных подданных. Распутину до самой Ливадии сопровождали филёры охранного отделения – кстати, подчинённые Степана Петровича Белецкого, – и приезд прошёл тихо и ровно, как по маслу...

Николай Александрович вздохнул.

– Я надеюсь, – сказал он Александре Фёдоровне, не открывая глаз, – что летом нужды в Григории здесь не будет. А осенью вернёмся в Царское, тогда и свидимся.

Под напускным спокойствием императора скрывалась вскипавшая ярость. И дело было вовсе не в Распутине.

Что Распутин? Сибирский мужик. Да, необычный. Философ от сохи, целитель словом божьим, любимец и спаситель Аликс. В меру хитрый, в меру хамоватый... Но если шерстить полтора миллиона крестьян Российской империи – неужели не найдутся ещё мужики, которые смогут и слово нужное молвить, и хворь победить, и байку интересную рассказать?! Найдутся, точно: не оскудела ими земля!

У самого Николая Александровича больше других сердце лежало к Иоанну Кронштадтскому. Здесь, в Ливадии, вместе стояли они у смертного одра Александра Третьего, и протоиерей Иоанн наставлял нового императора в начале царствования. Исцелял батюшка, не спрашивая роду-племени, всех страждущих. И даже с черносотенцами общался, приговаривая: *Нужно*

любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нём.

Зло хотел извести отец Иоанн, из греха погромщиков вырвать, на путь их, позорных, наставить. Да жаль – заболел Иоанн Ильич тяжело и преставился уже три года тому. Покинул царствие земное, отбыл в горнее, но слова его в памяти сохранились: *Только царю подается от Господа власть, сила, мужество и мудрость управлять своими подданными.*

Каково сказано! Эти бы слова, да каждому в уши...

Императора приводило в ярость собственное бессилие. У него, хозяина шестой части земной тверди, есть сотни генералов и тысячи штаб-офицеров. Генерал Думбадзе – лишь один из тех, что копошатся у подножия трона. Но этот обнаглевший служака, тупой солдафон, дядин лизоблюд – может то, чего не может сам государь!

Подлинный хозяин и царь здесь – Думбадзе. Ведь это он решает, кому жить в Ялте, а кого выслать. Кого лишить имущества, а кого посадить под арест. Кому разводиться, кому нет. И, наконец, это Думбадзе взялся решать – жить или не жить на свете человеку по имени Григорий Распутин.

Мужик не по нраву многим, верно. Но ведь ни в чём не провинился: не убил, не украл, не лжесвидетельствовал. Нет на нём смертных грехов: гордыни, зависти, алчности, гнева... А генерал Думбадзе легко и самовольно приговорил его к смерти на пути в Ялту. Со спокойной совестью предложил убить Распутина по пути к государю!

И государь, знающий об этом, ничего не может поделать с каким-то Думбадзе. Не то, что утопить в море: ни выслать не может, ни имущества лишить – ни, на худой конец, всыпать публично так, чтобы все снова вспомнили, кто здесь, в самом деле, царь и каков истинный закон... Вот оно в чём, бессилие! Вот она откуда, ярость!

Николай Александрович скрипнул зубами, и это не ускользнуло от внимания императрицы. Краешком канвы с вышиванием она украдкой вытерла набежавшую слезу. А государь продолжал сидеть в своём плетёном кресле, не размыкая век, и ворошить воспоминания, которые так надеялся хотя бы на лето оставить в Петербурге.

Первый раз он дал распоряжение охранять Распутина уже давно. Министром внутренних дел был тогда Пётр Аркадьевич Столыпин. Как только мужик появился в доме дядиной жены, княжны Милицы Николаевны, за ним тут же установили слежку. Это и правильно: полиция получает жалованье не за то, что смирно стоит и козыряет, когда члены императорской фамилии едут по Невскому, а за то, чтобы чувствовали они себя в безопасности. И с ними вместе – верноподданные граждане, которые несут в казну деньги на содержание этой полиции.

Для спокойствия проследили за Распутиным. Сведения кое-какие о нём собрали, проверили – обычный крестьянин, разве что чуть не всю Россию исходил от монастыря к монастырю. Да мало ли таких странников... К тому же милостыню Григорий сын Ефимов не собирает: как посевная да уборочная – в родное село возвращается, к отцовскому хозяйству.

А потом черногорские княжны Милица и сестра её Анастасия привезли странника в Царское Село, в Александровский дворец. Императрица к мужику прониклась, увидав в нём единственное своё спасение; дети его приняли... И рассудил Николай Александрович, что уж если следят за Распутиным, если ходят за ним – так пусть и охраняют. Мужиков-то много, но в царский дворец допущен только один. А раз он такой особенный, значит, против него и злоумыслить могут. Или через него – против государевой семьи.

Удачно выходило: слежка с охраной – работа двойная, а деньги те же. Голос немецкой крови призывал Николая Александровича к бережливому расчёту.

И вот теперь снова пришлось распорядиться об охране. На министерском посту Столыпина уже сменил Макаров: бедного Петра Аркадьевича в прошлом году застрелил террорист. На торжествах в Киеве по случаю пятидесятилетия отмены крепостного права убийца при странном попустительстве охранников хладнокровно разрядил в министра свой «браунинг».

Государь указал Макарову: Распутина травят всерьёз.

В травле особенно усердствовал председатель Государственной думы Александр Иванович Гучков – лидер фракции октябристов. Начал он с того, что в собственной газете «Голос Москвы» опубликовал тщательно продуманную статью. Впрямую Распутин упомянут не был. Но скрытый смысл предлагался такой: императорская фамилия пригрела у трона самозванного святого старца, а на деле – опасного и циничного сектанта.

Провокаторский расчёт оправдался: московский губернатор сгоряча издал распоряжение конфисковать весь тираж «Голоса Москвы». Тогда Гучков от имени фракции сделал в Думе депутатский запрос о законности гонений на газету. Подлость состояла в том, что в запросе целиком содержался скандальный текст. Стало быть, статья попала в думские стенографические отчёты – и была совершенно законным образом перепечатана в других изданиях.

Затем неустоимый октябрист предпринял ещё один демарш. Он отпечатал на гектографе и роздал депутатам памфлет «Гришка». Брошюра включала несколько писем императрицы к Распутину. То, что письма были выкрадены, никого не волновало. Волновало их содержание.

Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник, как томительно мне без тебя... Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает! Тогда я желаю одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твоё присутствие около меня... Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя, и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки...

И это пишет жена российского императора, мать наследника престола – простому сибирскому мужику! Высокая статная красавица, воспитанная при английском дворе, мечтает целовать руки пахаря и заснуть в объятиях крестьянина с побитым оспой носом!

Брошюра пошла гулять по рукам в Петербурге и Москве. Но далеко впереди неё летел и обрастал подробностями новый, похабный слухок про амурь государыни с оборотистым сластолюбцем. И вот уже сенсацию обсуждают на каждом углу; а вот уже слух перешагнул границы, и новое слово *Rasputin* запестрело в заголовках европейских газет...

Следующим шагом стала возмутительная речь, о которой перед отъездом в Крым говорил Коковцову государь. Та самая речь, полная сплетен, выдумок и злобы.

Дума обсуждала смету Священного Синода – собрания архиереев, ведавшего церковными делами империи. Гучков обрушился на главу Синода, обер-прокурора Саблера. А говорить Александр Иванович умел! Он сыпал цифрами и фактами, и на сей раз имя Распутина называл прямо. Выходило так, что Гришка – не бес даже, а дьявол во плоти. Что простой мужик, как паук, опутал сетями и царскую семью, и придворных, и министров. Что вертит страной, как хочет. Что всеми своими бедами Россия обязана одному Распутину. Что Синод ему мирволит, и Гришкиными интригами Саблер сделан обер-прокурором... Доказательства подобраны были ловко, и картина рисовалась чудовищная.

– Никакая революционная и антицерковная пропаганда в течение ряда лет не могла бы сделать того, что достигается событиями последних дней! – На думской трибуне Гучков уже не сдерживался; он горел праведным гневом, он обличал. – В центре её – загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков... Какими путями достиг этот человек центральной позиции, захватил такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти?.. Вдумайтесь только, кто хозяйничает на верхах!

Речь обросла лавиной слухов: у трона сплошь марионетки, и управляет Россией какой-то мужик! В самую дику несурязицу люди верят охотнее всего...

Бессильная ярость заставляла государя играть желваками и сжимать невольно кулаки. Бессильная ярость душила его, неспособного защитить от грязи любимую женщину. Распутин – просто разменная монета, повод. Сегодня подвернулся этот; не будет его – найдётся другой. Какая разница? Распутин – мишень, но не цель.

А настоящая цель – тот, на кого никто указать не посмеет. Цель – он, божьей поспешествующей милостью Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския зѣмли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны. Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския зѣмли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая.

Глава XIX. Оксфорд. Прощание с Альбионом

В Оксфорде только первый год Феликсу Юсупову пришлось жить в студенческом городке – впрочем, и там занимая обширные апартаменты.

На следующий год он воспользовался правом второкурсника, снял в городе целый дом и немедленно принялся за его благоустройство. Приложенные старания, недурной вкус Феликса и огромные деньги князей Юсуповых скоро принесли свои плоды: неказистый оксфордский домишко превратился в роскошное шале. Побывать здесь в гостях было честью не только для студентов, но и для светской публики из Лондона.

Например, Сергей Дягилев только что впервые привёз в британскую столицу «Русские сезоны» и произвёл настоящий фурор. Знаменитому балету рукоплескали король Георг Пятый и его матушка Александра Датская – старшая сестра вдовствующей российской императрицы Марии Фёдоровны. А Дягилев с любовником, солистом труппы Вацлавом Нижинским, после ошеломляющих представлений ныряли в лимузин Юсупова – тот самый *Rolls-Royce Silver Ghost Double Pullman* – и ускользали сюда, в Оксфорд, к своему гостеприимному и щедрому поклоннику.

Соученики Феликса, отпрыски лучших аристократических и королевских домов Европы, проводили в шале больше времени, чем в университетских аудиториях – как и он сам.

Посреди просторной гостиной князь увещевал приятелей, с которыми давеча навещался в казино.

– Может быть, сегодня вам придётся немного поскучать, голуби мои, – ласково говорил он. – Из всех приглашённых, по-моему, только вы совсем не говорите по-русски.

– Не смей нас бросать! – капризничал Луиджи Франкетти. – Ты тоже не говоришь по-итальянски, и что? Все знают английский, и вообще – мы в Англии...

– Вот именно, – поддержал итальянца француз Жак де Бестеги. – Вот уедешь в свою Россию, там и наговоришься!

Франкетти и де Бестеги жили в доме Юсупова с того момента, как он его купил и обставил. Эти два студента неплохо устроились и сейчас переживали: Феликс собирался возвращаться на родину, а их сладкая жизнь заканчивалась.

– Ступай-ка за клавиши, – подтолкнул итальянца князь. – Сыграй что-нибудь душевное.

Играл Франкетти прекрасно, так что иной раз гости слушали его ночи напролёт. Но сейчас он поплёлся к фортепиано, всем своим видом показывая недовольство и на ходу срывая длинные, до локтя, перчатки – в тон облегающему лимонному платью.

В отличие от своих одетых женщинами приятелей, *джентльменов с грамматическими ошибками*, Феликс надел фрак. Но из-за яркого вечернего макияжа выглядел вызывающе – с подведёнными бровями, кокетливой мушкой на щеке и кроваво-красными герленовскими губами. Бисексуальную красоту князя подчёркивала причёска: его чёрные, как вороново крыло, волосы были идеально подстрижены, набриолинены и зачёсаны назад.

– Артур, – повысил голос Юсупов, – всё ли готово? Гости скоро будут!

Артур служил у князя камердинером. Домашнего повара, вывезенного из России, Юсупов называл кашеваром. Автомобилем управлял шофёр-француз, за домом присматривала местная пара: конопатая жена ходила в экономах, а муж кроме прочего занимался ещё тремя лошадьми – приехав в Англию, Феликс купил скакуна для охоты и двух пони для игры в поло.

– Всё готово, сэр, – доложил безупречный Артур.

Сияя серебром, стол украшала огромная княжеская икорница – на сей раз её использовали по назначению, а водка остывала в ведёрке со льдом. Хотя, само собой, гости всегда предпочитали шампанское. Недостатка не было ни в нём, ни в разнообразных лёгких закусках и фруктах.

В углу гостиной среди огромной клетки качалась на качелях носатая красно-жёлто-синяя попугайха Мэри.

Под ногами путался, громко сопя и похрюкивая, любимый французский бульдог князя.

Британские офицеры появились точно в назначенное время, не дрогнув ни единым мускулом при виде юношей в вечерних дамских туалетах. Радужный хозяин представил вновь прибывших по-русски:

– Мистер Стивен Эллей. Можно сказать, почти русский и почти родственник. Родился в Москве, в нашем фамильном дворце. На русском говорит лучше меня – лучше, Стивен, лучше! – потому что лучше меня знает английскую поэзию. Работал в Петербурге инженером на строительстве железной дороги. Так что и Россию знает лучше меня... Я ничего не забыл?

Эллей поклонился компании Юсупова, изобразив на типично английском лице подобие улыбки.

– Вы забыли о моей бесконечной признательности вам и вашим родным.

– Благодарю вас, – Феликс чуть склонил голову в его сторону и рекомендовал второго гостя. – Мистер Джон Скейл, давний добрый друг нашей семьи. Если не ошибаюсь, в ближайшее время тоже собирается ехать в Россию.

– Точно так, – отозвался неприметный Скейл. – К вашим услугам, господа.

– А теперь представьте нам вашего товарища, – попросил князь. – Мы раньше не встречались?

Со знакомыми Юсупову офицерами приехал ещё один капитан – немного старше Скейла и Эллея, лет сорока. Князь откровенно разглядывал его. Среднего роста, поджарый. Мужественное, волевое лицо. Высокий лоб, короткая причёска с пробором, тщательно подстриженные усы щёткой. Спокойный, внимательный взгляд глубоко посаженных серых глаз...

– Нет, ваше высочество, не встречались, – ответил офицер тоже по-русски. – Честь имею рекомендовать себя, капитан Келл. Вернон Келл. Я знаком только с вашим кузеном Михаилом, графом Сумароковым-Эльстон. Нас представили в Стокгольме на Играх. Миша – прекрасный теннисист и совершенно очаровательный молодой человек. В него нельзя не влюбиться. Мы сделались большими друзьями.

– О-о, – протянул Феликс, пристально глядя капитану прямо в глаза, – как я вас понимаю...

– Я, видимо, недостаточно удачно выразился, – продолжил британец, – ваш кузен в самом деле очаровательный молодой человек и блестящий спортсмен. Мы теперь очень дружны с ним, но я... *не делаю грамматических ошибок*.

– Ах, вот оно что, – разочарованно вздохнул Феликс. – Что ж, добро пожаловать, господин грамотей!

– Вернон, – спокойно напомнил офицер. – Я буду признателен, если вы станете называть меня Вернон... Ваш друг – хороший музыкант, – добавил он, кивнув на Франкетти.

Тот сидел за пианино и негромко наигрывал лёгкую мелодию. Рядом стоял де Бестеги и время от времени подносил к накрашенным губам итальянца бокал с шампанским.

Попугайха вдруг пронзительно вскрикнула и забормотала что-то смешным хриплым голосом.

– Феликс, ты можешь унять свою птицу? – вздрогнув, спросил Джек Гордон, стоявший рядом с клеткой с бокалом в руке. – Я чуть не подавился.

Молодой шотландец говорил только по-английски. Он недавно поступил в Оксфорд и учился в соседнем колледже; был очень хорош собой, смахивал на индусского принца, и его уже приняли в высшем лондонском обществе. С удовольствием принял его в своё окружение и Юсупов – он любил красивых успешных молодых людей.

– Это что, – засмеялся князь, тоже переходя на английский. – По-моему, я не рассказывал, что устроили птицы, когда я приехал в Лондон в первый раз...

– Рассказывал, – не переставая играть, буркнул Франкетти, – сто раз уже.

– А я не слышал, – сказал Гордон.

Феликс тут же охотно начал:

– Я тогда поступил в Оксфорд, а до начала занятий уезжал обратно в Россию. И накупил здесь для своего имения в Архангельском целый скотный двор. Быка и коров с поросятами отправил прямо в Дувр на корабль, а клетки с курами, петухами и кроликами оставил при себе...

– Оставил при себе в отеле «Карлтон», – Франкетти пропел эти слова на мотивчик, который наигрывал, и Жак поднёс ему шампанское.

– Да, в отеле «Карлтон». Конечно, их поместили в подвале, а не у меня в апартаментах. Но мне вдруг стало их так жалко! Тогда я пошёл в подвал и открыл все клетки. А эта живность тут же разбежалась по гостинице.

– Могу себе представить, что там началось! – с завистью в голосе сказал Гордон.

Феликс многозначительно закатил глаза и подтвердил:

– Переполох по первому разряду! Петухи с курами квохчут. Кролики визжат и кладут повсюду кучки. Прислуга за ними гоняется, управляющий бушует и рвёт на себе волосы, а постояльцы разрезают рты... Словом, полный успех!

– Пожалуй, для «Карлтона» это был тяжёлый шок, – сказал Эллей. – Такой респектабельный отель...

– Всё-таки вы – человек совершенно не военный, – в голосе Скейла прозвучал укор. – Настоящий штатский шалопай.

– Уж это точно, – с готовностью согласился Юсупов. – Военный из меня никогда не получится. Я так и сказал родителям, когда они заговаривали о Пажеском корпусе.

– Очень зря, – дрогнул усиками в ниточку ещё один гость, молодой человек в дорогом костюме и со сверкающим пенсне на носу. – Мы бы с тобой там славно провели время. Мог бы не уезжать так далеко от матушки.

Александр Карагеоргиевич, сын сербского короля, до учёбы в Оксфорде закончил Пажеский корпус в Петербурге. Сейчас он сидел в большом мягком кресле, закинув ногу на ногу, и дымил толстой сигарой.

– Нет уж, благодарю покорно, – Феликс энергично помотал набриолиненной головой, – военная служба не по мне. Да и вообще любая служба. Я – прирождённый плейбой, джентльмены!

С учётом того, как он выглядел, фраза прозвучала особенно убедительно.

Жак де Бестеги вдруг рассмеялся, и Франкетти с удивлением взглянул на него.

– Простите, – сказал Жак, – я вспомнил историю, которую Джек точно ещё не слышал... И вы, наверное, тоже, – он обратился к офицерам. – На первом курсе мы все жили в самом колледже. И должны были возвращаться не позже полуночи. Опоздаешь трижды за семестр – выгонят.

– Мы таким устраивали торжественные похороны, – включился в разговор Освальд Рейнер, который держался около фуршетного стола и опасно поглядывал на икорницу. – После панихиды провожали на вокзал под похоронный марш. Оркестр приглашали, и шли за ним через город с поникшими головами, со шляпами в руках! А Феликс, чтобы спасти нарушителей, придумал связать из простыней верёвку...

– Это я рассказываю! – оборвал его де Бестеги. – Так вот, Феликс придумал эту штуку с верёвкой из простыней. Он ведь занимал у нас весь первый этаж. И тот, кто возвращался ночью, стучал ему в окно. Феликс тогда выбирался на крышу и сбрасывал верёвку.

– Да, – не удержался князь, – а однажды мне постучали уже под утро. Я спросонья не разобрал, кто стучит, спустил верёвку и поднял... полицейского!

Компания расхохоталась.

– И что же? – спросил Келл. – Это сошло вам с рук?

– Спасибо, вмешался архиепископ Лондонский, замолвил словечко, – ответил Юсупов. – Иначе выгнали бы меня, точно!

– Чёрт, как жаль, что ты уезжаешь! – вдруг сказал Франкетти. Он оборвал мелодию, и все тоже притихли. Стало слышно сопение и фырканье раскормленного бульдога.

Глянув на пса, молчание нарушил Вернон Келл.

– Как его зовут?

– Панч, – живо отозвался князь. – С ним тоже связана одна забавная история. Я забрал его на каникулы с собой, в Россию. А законы здесь у вас неумолимые. Шесть месяцев карантин – и только после этого разрешают ввозить собаку обратно в Британию. Но я же не мог расстаться с моим Панчем на целых полгода! И когда возвращался сюда через Париж, заглянул к одной... в общем, старой русской куртизанке. Мы накормили его снотворным, завернули в пелёнки, надели чепчик. Старушка нарядилась няней, и вот так втроём добрались до Лондона: няня, я и мой младенец!

Гости снова рассмеялись.

– Похоже, ему нравится ваш ковёр, – заметил Келл.

Бульдог, действительно, потёрся мордой о совершенно чёрный ковёр, устилавший всю гостиную, завалился навзничь и стал, извиваясь, чесать об него спину.

– А вам нравится? – спросил Юсупов. Офицер утвердительно кивнул. – Это Джек мне присоветовал один магазинчик...

– Мебельный магазин на Фулхэм-роуд, – уточнил Гордон. – Держат его две такие смешные старые девы, сёстры Фрит.

– Ветхие, как мир, и очень приветливые, – продолжал князь. – Просто персонажи Диккенса, честное слово. Но когда я заказал им чёрный ковёр, их будто подменили.

– Они приняли тебя за дьявола, – снова вставил Франкетти, и Жак снова принялся поить его шампанским.

– Может быть, – согласился Юсупов. – С тех пор, стоило мне заглянуть в магазин, как они прятались за какую-то ширму. Я только и видел, как над ней трепетали две кружевные макушки.

– Скажу вам больше, джентльмены, – вмешался Скейл, – с лёгкой руки князя Юсупова на такие ковры пошла мода! Недавно был случай: жена настелила чёрный ковёр, а муж решил, что гостиная стала мрачной. И говорит: *Ковёр или я!*

– Напрасно, – сказал Эллей.

– Точно, напрасно, – согласился Скейл. – Жена выбрала ковёр, и они развелись.

– А какие цвета предпочитает ваша жена? – снова по-русски спросил Келла Юсупов. Он сделал приглашающий жест, и они уселись в углу на большой мягкий диван, повернувшись друг к другу.

– Я не женат, – ответил офицер. – Надеюсь, вы уезжаете не из-за болезни княгини Зинаиды Николаевны?

– О, матушкина хворь – это целая история! – махнул рукой князь. – Нервы, нервы, нервы... Недавно они с отцом были в Берлине и срочно вызвали меня депешей. У неё случился сильнейший нервный припадок, а успокоить её в таких случаях могу только я. Пришлось всё бросить и мчаться в Берлин. Там – жара, а матушка лежит на кровати под шубами, окна в комнате закрыты. Есть она наотрез отказывается, говорит, что боли дикие, кричит на всю гостиницу...

– Бог мой, – сказал Келл, – бедная женщина...

– Но мы-то знаем, что болезнь её чисто нервная, – повторил князь. – Не будете так любезны передать мне ещё бокал шампанского?.. Благодарю. Так вот, вызвали психиатра, светило номер один из берлинских светил. Я провёл его к матушке и оставил с глазу на глаз. Вдруг

слышу из-за дверей смех. Я сперва ушам не поверил, потом приоткрыл дверь: точно. Матушка давно не смеялась, а тут весело так заливается, только что не хохочет. И рядом на стульчике сидит доктор, от смущения красный. Матушка сквозь смех просит: *Уведи его, не могу больше, умираю!* Я доктора проводил, возвращаюсь и понять не могу, в чём дело. А она говорит: *Где ты взял этого врача? Его самого лечить надо! Он посмотрел на часы у меня над кроватью, и знаешь, что сказал? Странно, говорит, вы заметили, что стрелки остановились в тот же час, когда умер Фридрих Великий?*

Келл покачал головой:

– И в самом деле, подозрительный психиатр... Но судя по тому, что княгиня смеялась, визит его всё же принёс пользу!

Юсупов согласился:

– Да, не мытьём, так катаньем.

– Отчего же вы не обратитесь к Распутину? Газеты пишут, что он обладает какой-то чудотворной силой...

Князь с подозрением посмотрел на офицера:

– Вы это серьёзно? Матушка и вправду иной раз неважно себя чувствует, но из ума пока не выжила.

– Однако Распутин лечит её величество и наследника цесаревича уже не первый год, и ваш император к нему благосклонен.

– Не ловите меня на слове, – Феликс поджал ярко-красные губы. – Я не имел в виду, что государыня безумна, и вы меня прекрасно понимаете.

– Конечно, понимаю. Говорят, Распутин не слишком располагает к себе. Неопрятный, странный, по виду – обычный посконный крестьянин... Но притом самый известный российский целитель и провидец. Его принимают при дворе, аристократы и петербургский бомонд стоят к нему в очереди. И госпожа Головина с ним близка...

Светская красавица Мария Головина была помолвлена с Николаем Юсуповым, старшим братом Феликса. Однако Николай влюбился в другую женщину, стрелялся с её мужем на дуэли и погиб. Так совсем юный Феликс стал единственным наследником несметных богатств рода Юсуповых, а Мария – безутешной вдовой. Она постепенно сходилась с ума, но общение с Распутиным вернуло её к жизни. Распутин звал Марию – *Муней*, и это имя к ней приклеилось. А Муня называла Феликса *возлюбленным братом*, и они постоянно писали друг другу, когда Феликс уезжал в Англию.

– Вы занятный человек, Вернон, – помолчав, сказал князь. – Откуда вы так хорошо знаете Россию? И ваш блестящий русский язык... Что значит – посконный?

– Сделанный из посконины. Это ткань вроде холста, из волокон конопли. Крестьяне шьют из неё одежду.

– Смотрите-ка, впервые слышу... Да, Мария – одна из самых горячих поклонниц Распутина. Я видел его в доме Головиных. Отвратительный тип. Когда газеты стали писать о его непотребствах, я спрашивал её, в чём дело и что же там происходит. Кто такой этот святой Георгий...

– Что же она вам ответила?

– Что идущих по стопам Христа всегда преследовали и гнали. Что Распутин открывает людям другую жизнь. Что я не знаю его личности и той силы, которая им руководит. Что ему известна какая-то высшая истина, и что он несёт крест божий. В общем, традиционная оккультная болтовня: великое скрывается под неприметной оболочкой, которая закрывает путь к истине для профанов и недостойных вроде меня.

– То есть вы должны теперь вернуться к матушке, поскольку надежда её не на Распутина, а на вас?

– Распутина матушка на дух не переносит. А в России, надо полагать, мне всё же придётся получить военное образование. Ничего не поделаешь – одно из условий моей женитьбы. Подходит время связать себя...

– В самом деле?

Напомаженный молодой человек во фраке и с макияжем женщины-вамп, сидевший против Вернона Келла, мало напоминал жениха.

– Родители считают, что так. Устраивают, как они говорят, блестящую партию, – без энтузиазма сообщил Феликс, допивая уже пятый или шестой бокал.

Вернон взял со столика следующий и протянул его князю.

– И кто же ваша избранница?

– Избранница?! Говорю же, родители устраивают! У Ксении Александровны есть дочь Ирина...

– Ксения Александровна – это родная сестра императора?

– Да, сестра императора и жена великого князя Александра Михайловича. – Юсупов начал хуже ворочать языком. – Интересно всё же устроен мир! В молодости Александр Михайлович был без ума от моей матушки...

– Что и говорить, княгиня Зинаида Николаевна – женщина редкостной красоты, – подтвердил британец. – Мне доводилось видеть её в Петербурге, и потом, эти прекрасные портреты...

– Тогда вы можете себе представить, какой она была лет тридцать назад! Мне рассказывали про их танцы с великим князем на Исторических балах. Он – в золотом боярском кафтане, и она – одетая царевной Лебедь... Ах! Но тогда у них не сложилось. А теперь Александр Михайлович выдаёт за меня свою дочь.

– Наверное, Ирина Александровна – тоже красавица?

– О да! И вроде бы любит меня, как ни странно. Это всё Пушкин: *Пришла пора – она влюбилась...* Мы с детства каждое лето встречаемся: у них летний дворец в Ай-Тудоре, а у нас рядышком, в Кореизе. Теперь я с государем породнюсь. У него тоже дворец по соседству, в Ливадии... А Распутин и в Ливадию добрался... Вернон, вы бывали на Чёрном море? Вам нравится Ялта?

В этот момент, покачиваясь на высоких каблуках, к ним нетвёрдой походкой подошёл Франкетти. С полчаса тому назад он бросил играть; музыка звучала из граммофона, а итальянец пил шампанское и из противоположного угла гостиной угрюмо наблюдал за беседой Юсупова с офицером.

Подходя, он услышал знакомые слова и громко повторил:

– *Rasputin?! Ялта?! Ты уже зовёшь его с собой в Ялту? Magnifico! Non credo ai miei orecchie!*

Келл поднялся с дивана и улыбнулся Феликсу, сказав по-английски:

– Простите, я украл вас у гостей. Ваш друг переживает...

– Он ревнует! – рассмеялся князь. – Луиджи, дорогой, что за сицилийские страсти? Ты сошёл с ума! Я просто немного выпил, и мы с Верноном славно поболтали...

– Ненавижу тебя! – заявил Франкетти, оступился на подвернувшемся каблуке и неловко рухнул на диван. Из-под задравшегося платья показалась подвязка сползшего ажурного чулка.

– Глупенький, – ласково сказал Юсупов и поправил итальянцу платье, – миром правит любовь...

– Ненависть! – выкрикнул Франкетти, лёжа с закрытыми глазами.

– Любовь, – повторил князь. – Мы все любим тебя. Иисус любит тебя. И Мэри любит тебя... – Попугайха пронзительно крикнула, снова напугав Гордона. – И Панч любит. Правда, Панч? – Бульдог тут же подбежал к хозяину, хрюкнул и поставил на диван передние лапы. – И даже... Помнишь фигурку на капоте «Роллс-Ройса»?

– Нет!

– Знаешь, кто это?

– Нелли в ночнушке! – рявкнул итальянец, по-прежнему не открывая глаз. И правда, шутники прозвали так серебряную крылатую Нику...

– Это «Дух экстаза», мой маленький, – сказал Юсупов. – А позировала скульптору любовница барона Монтегю, приятеля Чарльза Роллса. Любовь – везде, и любовь правит миром. Так, джентльмены?

– А как же деньги? – спросил де Бестеги. – Не было бы денег – не было бы ни «Роллс-Ройса», ни любовницы, ни приятеля-барона... ни экстаза...

– Вернон, помогите! – позвал Феликс. – Прошу вас, скажите им, что миром правит любовь!

– Вполне вероятно, – согласился Вернон Келл. – Любовь, и ещё долг. Сейчас этот долг зовёт нас, джентльмены.

Джон Скейл и Стивен Эллей тут же отставили недопитые бокалы.

Три британских офицера откланялись и направились к выходу.

Глава XX. От любви до ненависти. Шаг первый

Земля родит, коли её вспахали да засеяли вовремя. Каждый год родит – осенью знай только успевай урожай собирать. Оттого и шли в Сибирь люди своей волей: к доброй земле шли. Бог высоко, царь далеко, а тут – леса, реки, поля бескрайние; зимой снежно и холодно, летом солнечно и жарко... Всё так, как и следует быть.

Сродственных семей по фамилии Распутины в селе Покровское набиралось, почитай, шесть или семь – всего человек с полста народу. Жили тихо, патриархально, по-сибирски. Война с японцами, волнения на заводах, стачки в больших городах и даже революция, когда девятьсот пятый год пришёл, – всё это из Покровского казалось картинками волшебного фонаря на ярмарке за тридевять земель...

...да так оно и было: новости привозили с юга, из Тюмени, – или из Тобольска, что на северо-востоке. Село-то между ними на тракте стоит. Опять же река Тура под боком – бывало, и с пароходом прибывало какое известие. Тогда собирались, конечно, сродственники с другими сельчанами и посудачить, и газетку прочесть. Грамотных-то в Покровском наперечёт, из них кто-нибудь вслух односельчанам читал. А так – пахали по-прежнему землю, сеяли хлеб и богу молились, как отцы, деды и прадеды.

Григорий, сын Ефима Распутина, денег в Петербурге решил собрать на новую церковь. Много обошёл он городов, а вот в столице ещё не бывал. Думал: уж там-то найдутся добрые люди. Добрые – и денежные. В странствиях своих встречал он петербургских господ. В монастыре Симеона Верхотурского, в Саровской пустыни, в Греции на горе Афон, в Киеве, в Печерской лавре... Одеваются дорого, говорят иначе, да всё одно – люди. Верил Григорий, что найдёт путь к их сердцу, найдёт слова – рассказать мечту свою: построить в Покровском храм, чтобы со всей округи крестьяне могли прийти и порадоваться.

В столицу Распутин приехал запросто: старая поддёвка поверх крестьянской рубахи – на дворе-то зима; холщовые штаны в смазные сапоги заправлены. Волосы, что косицами сальными свисали на плечи, расчёсывал Григорий заскорузлой крестьянской пятернёй с трауром под ногтями, а бороды вовсе не стриг. Мылся, когда придётся. Одежды не переодевал – смены не было.

Жить тоже не знал где, но благо, запасся он письмом от знакомого своего, викария Казанской епархии отца Хрисанфа. Тот попросил за Григория ректора Духовной академии, епископа Сергия. Так что, отслужив на последние копейки молебен в лавре и поставив угодникам свечку, поселился Распутин при монастыре. И с отцом Феофаном здесь же познакомился.

Как-то за чаем у Сергия заговорили об эскадре адмирала Рожественского – мол, грозная сила, и победа теперь за нами. Что такое эскадра, Григорий представлял себе смутно. Знал только, что война идёт с японцами, и что из Балтийского моря через полмира, на другой край земли отправились русские боевые корабли. Обмолвился: плохо будет, утонут.

Это с ним случалось ещё с юных лет: чувствовал, что произойти должно. Вот именно – не понимал, не видел, а сердцем чуял. Пожар, кражу, болезнь или смерть чью-то...

Так и тут вышло. Григория, было, зашикали и пристыдили – только эскадру-то потом японцы и вправду потопили при Цусиме. Вместо победы пришлось у них мира просить. А про Распутина в Петербурге слава пошла. Божий человек, провидец... Сам суровый отец Иоанн Кронштадтский, любимец государев, хорошо отзывался о Григории. И появился к нему интерес у черногорских княжон, Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны.

Феликс Юсупов со смехом рассказывал британским приятелям, как отец его, прогуливаясь в Ялте, встретил однажды Милицу Николаевну с каким-то иностранцем. Князь Юсупов-старший, само собой, поклонился, но княжна ему не ответила. А потом объяснила, что спутник её – маг и чародей мсье Филипп. И когда надевает свою шляпу, то сам он и тот, кто с

ним, делаются невидимыми. Стало быть, не мог Юсупов видеть княжны Милицы, и кланялся напрасно...

...а мсье Филипп засобирался вскоре, да и уехал. Деньжат поднакопил, получил от государыни диплом врача с мундиром генеральским – и укатил обратно во Францию. Загрустили охочие до всяких чудес черногорские сёстры: не находилось больше кудесников такого размаха. Скучно стало им, пусто. Но тут Милица с Анастасией прослышали о Распутине и вскоре попросили Феофана привести его к ним, в особняк на Английской набережной.

Пахло от мужика, конечно, ужасно. Мужиком и пахло – кислым, немытым крестьянином. И эти грязные ногти, эти сальные волосы, эти дикие манеры... Но уж очень занятно говорил брат Григорий. И не всегда разобрать можно, что сказал, а задумаешься – что ни слово, то перл! О мире любви и свободы он хорошо рассуждал. О мире, где ни быта, ни денег нет; одна только благодать. Кто ж не мечтает о благодати?!

– Везде нужна подготовка, и смирение, и любовь, – говорил Распутин. – Вот и я ценю, что в любви пребывает Христос, то есть неотходно есть на тебя благодать – только бы не искоренилась любовь, а она никогда не искоренится, если ставить себя невысоко, а любить побольше. Все учёные и знатные бояре и князья слушают от любви слово правды, потому что, если в тебе любовь есть, – ложь не приблизится...

Так учил Григорий черногорских княжон, а сам приближался к Александровскому дворцу в Царском Селе. Отгородившись от мира, жила во дворце императрица Александра Фёдоровна с маленьким больным сыном. Затворником жил там император Николай Второй в печалях своих.

Дядя императора, великий князь Пётр Николаевич, был мужем княжны Милицы. И другой государев дядя, великий князь Николай Николаевич, частенько навещался к Милице с Петром, потому как встречался там с младшей черногорской княжной Анастасией, к которой питал сильные чувства, – несмотря на её замужество. Решили сёстры Николаевны и братья Николаевичи показать диковинного сибиряка государю с государыней. Имелись у них на то свои резоны, а Распутин как раз, кроме провидческого дара, явил столице ещё одно своё искусство – знахарское. Начал-то с любимой собаки Николая Николаевича: выходил пса. А оказалось, и людей исцелять может.

Духовник императорской семьи отец Феофан представил мужика в Царском:

– Григорий Ефимович – крестьянин, простой человек. Вашим величествам принесёт пользу его выслушать, потому что голос русской земли слышится из его уст!

Распутина помыли, приодели, причесали. Во дворце первые встречи с ним расценили как новую забаву, не более. Но до чего ж хорошо смотрелся он в сравнении с прочими юродивыми из народа! О священном писании умно рассуждал, о любви и благодати светло говорил, от денег отказывался наотрез. И главное, с детьми был хорош. У государя с государыней четыре дочки подрастали – Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия – и младенец Алексей. У Григория дома трое остались – Дмитрий, Матрёна и Варвара. Тоску свою по ним изливал он на царских деток.

Так понемногу привыкал ходить по наборным дворцовым паркетам мужик в смазных сапогах.

Глава XXI. Вена – Прага. Футбольная трагедия

Провал австрийской контрразведки случился из-за чешского футбола.

Игра не интересовала капитана Ронге, и всё же он обратил внимание на сокрушительный успех футбольной сборной Германии в матче с русскими. Недавняя союзница Австрии – Российская империя – становилась главным врагом в будущей войне. Максимилиан тогда злобно подумал: если германцы *раскатали* Россию всухую 16:0, можно представить себе счёт встречи между русскими и австрийцами, которые обыграли Германию 5:1.

Да, Ронге был равнодушен к игре, но по службе знал, что лучшие футболисты сборной Киева – чехи. Украина входила в состав Российской империи, а Чехия – в состав Австро-Венгерской, и Максимилиан как глава австрийского агентурного отдела *KS* регулярно получал кое-какую полезную информацию от украинских чехов: все они работали инженерами-машиностроителями, а мяч гоняли только в свободное время.

Накануне Олимпиады капитан жалел, что владельцы заводов не отпустили чешских футболистов с Украины в Петербург на товарищеский матч со сборной столицы России. Эта поездка могла пригодиться императорскому и королевскому Генеральному штабу...

...а теперь из-за футбола, которым не интересовался Ронге и который так любили чехи, были рассекречены обстоятельства смерти полковника Редля.

Сначала всё шло как по маслу. Ведущие европейские газеты перепечатали сообщение Венского телеграфного агентства: начальник штаба пражского корпуса Альфред Редль сошёл с ума и застрелился. Но вскоре Максимилиану позвонил из Праги начальник разведывательного бюро полковник Урбански.

– Вы читали «Прага Тагеблатт»? – спросил он и мог не сомневаться в ответе: заметка из ежедневной чешской газеты, выходившей на немецком языке, уже лежала на столе перед капитаном Ронге.

Эрвин Киш тоже носил звание капитана – капитана футбольной команды *Sturm-I*. Игроки-любители из Праги звёзд с неба не хватало, но в городской турнирной таблице чувствовали себя уверенно. Тем обиднее для Киша было проиграть откровенно слабой команде, а после игры терпеть издёвки приятеля, известного журналиста Ярослава Гашека...

...с которым Эрвин вполне мог поспорить известностью и едкостью. Приятелей связывала не только любовь к футболу: Гашек сотрудничал с немецкими газетами, Киш служил в *Praha Tageblatt*. Столичные читатели называли его *бардом ночной Праги*. Эрвин Киш придумал жанр художественного репортажа, и никто лучше него не умел плести такое кружево из, казалось бы, разрозненных фактов и наблюдений.

В неудаче на футбольном поле Киш винил своего форварда Вагнера, который возмутительным образом не явился на игру – и это в выходной день, в воскресенье! Капитан команды вынужден был опубликовать в родной газете отчёт о постыдном проигрыше, а потом отправился домой к Вагнеру, чтобы потолковать по душам.

Вагнер претензий не принял и сослался на уважительную причину: прямо перед матчем за ним пришла полиция – форвард славился на всю Прагу как слесарь-виртуоз. Полицейские доставили его с инструментами в очень богатый дом, на квартиру какого-то важного военного, только что умершего в Вене. Станным и необычным показалось то, что в квартире распоряжались именно военные, а не полиция. Вагнеру приказали немедленно вскрыть письменный стол и несгораемые стальные шкафы-сейфы. Кишу он признался:

– Да уж, пришлось попотеть! Меня на эти дела часто таскают. Но сколько лет я всякие замки ковыряю, а таких никогда не встречал. Высший класс! Системы – новейшие, об одних я разве что читал, об остальных вообще только слышал. Вот уж не думал, что увижу здесь, у нас, просто у кого-то дома.

Слесарь поведал Кишу о множестве документов, которые обнаружили под замками; о толстых пачках денег на громадную сумму, фотографиях и картах. Похоже, от всего этого военные пришли в замешательство. Их бдительность притупилась, и Вагнеру удалось достаточно хорошо разглядеть находки. Многие бумаги были написаны по-русски, а карты и фотографии изображали сплошь военные укрепления.

Киш ещё какое-то время рассеянно слушал восторженный рассказ слесаря – про изощрённые хитрости английских замков и прочность крупновской стали, про потрясающую роскошь квартиры и подслушанную опись имущества: четыреста пар лайковых перчаток, две сотни рубашек, десяток дорожных меховых шинелей, гора обуви, а в подвале – шампанское высших марок ящиками, коллекционные вина и коньяки...

Футбол мигом вылетел из головы Эрвина Киша. Капитан проигравшей команды уступил место цепкому бульварному репортёру, в мозгу которого начинала складываться презанятная картина.

Высокопоставленный военный. Внезапная смерть в столице империи. Обыск. Секретные домашние сейфы. Много документов. Много денег. Много военных из Вены, включая командира австрийского корпуса генерала Гизля фон Гизлингена и высших офицеров. Бумаги на русском. Деньги. Документы. Смерть. Военные...

Эрвина осенило, когда на обратном пути он столкнулся с Гашеком. Тот прогуливался по бульвару, дымя трубкой, и снова начал шутить на футбольную тему. В язвительных пассажах Ярослав связывал игру и войну. Он говорил про безнадёжные попытки команды *Sturm-1* достигнуть таких же успехов, что достигли на полях футбольных сражений австрийцы и германцы в борьбе с русскими. А когда Гашек предложил вскладчину купить револьвер, чтобы Эрвин мог застрелиться и кровью смыть позор проигрыша, глаза приятеля вдруг вспыхнули. И напрасно Гашек отнёс это на счёт своего остроумия.

– Вот оно! – произнёс Киш, внезапно хлопнув Ярослава по плечу. – Вот оно в чём дело! Вот, значит, оно как!

Сказав это, Эрвин развернулся и почти бегом бросился в сторону редакции *Praha Tageblatt*, продолжая грозить кому-то пальцем. Его репортёрское неистовство хорошо знал не только Гашек, поэтому в редакции не удивились, когда Киш, бормоча себе под нос, принялся лихорадочно перебирать одну за другой свежие газеты – чешские, австрийские, русские, немецкие – и отчёркивать в них небольшие абзацы.

Все отмеченные статьи касались самоубийства полковника Редля – начальника штаба Восьмого корпуса австрийской армии, базированного в Праге, – и основывались на официальном сообщении столичного телеграфного агентства:

Высокоталантливый офицер, которому предстояла блестящая карьера, находясь в Вене при исполнении служебных обязанностей, в припадке сумасшествия...

По праву редактора Киш накричал на сотрудницу, которая до сих пор не удосужилась вызвать мастера, чтобы тот починил, наконец, каретку его пишущей машинки и поменял заедающую ленту. Потом он выпросил машинку у кого-то из коллег и долго долбил по клавишам.

Обычно *бард ночной Праги* не знал, что такое муки творчества, но тут скомканные листы с коротким текстом один за другим летели в мусорную корзину. И всё же Эрвин успел до окончания набора номера написать именно то, что хотелось – и что могло быть опубликовано в ближайшем выпуске *Praha Tageblatt*...

...а теперь капитан Ронге задумчиво глядел на заметку в пражском ежедневнике. Легкомысленное с виду сообщение за подписью Киша обрушило кропотливую работу австрийской контрразведки. А ещё – грозило последствиями настолько серьёзными, что и представить сложно.

Одно высокопоставленное лицо просит нас опровергнуть слухи, распространяемые преимущественно в военных кругах, относительно начальника штаба пражского корпуса полковника Редля, который, как уже сообщалось, покончил самоубийством в Вене в воскресенье утром. Согласно этим слухам, полковник будто бы обвиняется в том, что передавал одному государству, а именно России, военные секреты. На самом же деле комиссия высших офицеров, приехавшая в Прагу для того, чтобы произвести обыск в доме покойного полковника, преследовала совсем другую цель.

Этот пройдоха Эрвин Киш ухитрился не только разнюхать про обыск на квартире Редля. Он как-то догадался связать самоубийство полковника со шпионажем в пользу русских... Но как?!

Как могла просочиться в газету информация, доступная лишь нескольким высокопоставленным офицерам Генерального штаба? Ведь даже императору Францу-Иосифу доложили обстоятельства дела не сразу, и в докладе частично скрыли размах шпионской деятельности полковника!

Как о важнейшем государственном секрете узнал какой-то чешский молодчик, за которым – Ронге, естественно, мигом навёл справки, – числятся только трескучие статейки об увеселениях и светской жизни?

Этот репортёр ведь и форму выбрал такую, что не придерёшься! Напиши он самую достоверную статью о шпионаже Редля – цензура тут же арестовала бы весь тираж. Газете угрожал бы не только серьёзный штраф, но и судебное преследование... Киш сделал хитрый трюк: он сообщил читателям сенсационную новость под видом её опровержения.

Статья потому и проскочила мимо цензуры – никто не знал, что нельзя допустить ни малейшего сомнения в кристальной честности Редля, что ни в коем случае нельзя позволить даже тени сомнения в случайности его смерти! Цензоры, конечно, решили: заметка упоминает о дурацком слухе, который тут же сама и опровергает, ссылаясь на официальные источники. Версия этих источников уже распространена и всюду напечатана; так что пусть газета, если ей не жалко места, напечатает чушь, на которую и внимания-то никто не обратит.

Ещё как обратили!

Август Урбански, похоже, слетит с места начальника бюро, прикинул Ронге. Самому Максимилиану вряд ли что-то угрожает: по счастью, полковник не взял его с собой в Прагу, решив самостоятельно закончить дело Редля. Вот и закончил...

Но хуже всего то, что русские тоже умеют внимательно читать газеты и теперь знают наверняка: Редль застрелился не из-за нервного срыва, а потому, что его разоблачили. Теперь в Петербурге понимают, что Вене известно, какие документы достались русской разведке. И австрийский Генеральный штаб срочно начнёт разрабатывать новые документы взамен утраченных.

Что продал Редль за те двести тысяч крон, что обнаружили на его счетах, и за ещё полмиллиона, в которые оценивалось его имущество – роскошное имение, шикарные автомобили, первоклассные рысаки? Или, может, часть шпионских гонораров полковник предпочитал хранить в рублях? Ведь рубль – валюта твёрдая, конвертируемая; он в два с половиной раза дороже австрийской кроны и обеспечен несметными золотыми запасами Российской империи...

Планы боевого развёртывания армий в начале войны – представлявшие, конечно, невероятную ценность, – оказались далеко не единственной жертвой. Редль выдал русским секретные служебные инструкции об охране железнодорожных сооружений, о минных заграждениях и об организации воинских перевозок. В Петербург ушёл целый ворох документов и схем, связанных с разведывательной деятельностью. Вражеским военным экспертам достались австрийские мобилизационные предписания, секретный справочник для высших командиров, обзор меро-

приятый имперской контрразведки за рубежом, списки агентов и шпионов, перечень адресов прикрытия, переписка австрийской разведки и контрразведки с разведками союзников, фотографии крепостей и последних войсковых манёвров...

В ужас пришёл не один только Ронге. Ущерб, который предательство полковника Редля нанесло императорским и королевским вооружённым силам, не поддавался оценке в цифрах. Огромный объём сверхсекретной документации предстояло разрабатывать заново, а конкретные военные приготовления – подвергать дорогостоящим изменениям.

В Петербурге смогут подсчитать, сколько времени займёт эта работа, и достаточно точно определят срок, на который Австрии придётся сдвинуть возможное начало военных действий. К тому же полностью переделать хорошо и тщательно разработанные планы всё равно невозможно – разве что принять менее удачные решения, чем были. А значит, противник проанализирует шпионскую информацию и вычислит составляющие стратегических планов, которые меняться не будут...

Длинными канцелярскими ножницами Ронге вырезал статью Киша из *Praha Tageblatt*, аккуратно наклеил гуммиарабиком на лист плотной бумаги и поместил в новую папку. Неизвестно ещё, как долго и чем предстоит пополняться этому делу, начатому после появления на почтамте первого пакета на имя Никона Ницетаса.

Погоня чешского репортёра за сенсацией закончилась трагедией для бюро разведки и контрразведки Генерального штаба Австрийской империи и Венгерского королевства.

Футбольный матч, проигранный любительской командой во главе со смышлёным капитаном Эрвином Кишем, сорвал торжественные похороны полковника Редля, раскрыл государственную тайну и заставил трёх императоров спешно менять свои военные планы.

Глава XXII. От любви до ненависти. Шаг второй

В девятьсот пятом году увидал он государя. Первого ноября. Точно, первого.

Помнил Григорий Распутин этот день. В родном Покровском первого ноября по православному канону чтили священномученика Садока, а по старинному языческому обычаю – кормили домовых. Задабривали духов, чтобы, значит, не вредили: ставили на сеновале кашу с мёдом...

Оказался он тогда в Петергофе, пригороде столичном. В Сергиевке – усадьбе принца Георгия Лейхтенбергского и черногорской княжны Анастасии. Сюда и приехали вечером государь с государыней – богом данные папа и мама земли русской. От Царского Села до Сергиевки рукой подать.

Государь какой-то потерянный был. Но говорили долго. Трепетал сперва Григорий от страха: чай, с императором самим беседует! А после – от восторга трепетал. Вот ведь как, никого между ними, ни слуг, ни бояр, только он – и царь-батюшка! Прямо как в сказках, которых знал без числа.

От государыни пахло вкусно – вроде леденцами, как от сладких петушков на палочке, что Ефим Распутин детям с ярмарки привозил. Видно было: вслушивается царица, силится понять. Конечно, не русская ведь, да и мужика-то сибирского говор не вдруг разберёшь, грамоте Григорий не шибко обучен. Что хотел сказать – сам знал вроде. Только вот беда, увлеклся! И мысль далеко вперёд слов убегала. А он запинался, прыгал, пытался догнать... Ну, да ничего. Кто хочет – тот поймёт, потому как в душевном разговоре не слова надобно слушать, а сердце своё.

Увидел Григорий, почуял – вот те люди, которые понимают любовь. Ведь разобрать её трудно. Жалость – прямое естество, она у всех есть. Пожалел кого – и вот она, жалость. А любовь в изгнании живёт. Любовь – такая златница, что ей никто не может цены описать. Она дороже всего созданного самим господом, чего бы ни было на свете. Но только мало кто её понимает!

Беседовать о любви разные люди берутся, но по большей части только слыхали о ней, далеко отстояли. Даже и батюшки церковные, они ведь тоже двояко есть: есть – наёмники паствы, а есть такие, что сама жизнь натолкнула их быть истинным пастырем. У избранников есть совершенная любовь, к ним можно сходить послушать: не из книги будут сказывать, а из опыта. Ведь кто понимает сию златницу любви, то этот человек такой премудрый, что самого Соломона научит! И не стоит бояться духа зла, а только продолжать во господе, петь ему славу, любить друг друга, храм любить и причащаться почаще...

Такие слова говорил Григорий государю с государыней, а они слушали его со всем возможным вниманием. Черногорские княжны Милица с Анастасией были довольны: всё больше, всё чаще интересовалась Распутиным императорская семья. Божьего человека стали приглашать в Царское Село. Конечно, не самого по себе, а с княжнами. Те сразу дали понять мужику, что не крестьянское это дело – с царём напрямую дружбу водить. Каждую встречу готовили. Дожидались случая, чтобы вроде как любезность оказать родственникам венценосным. Ждали, чтобы соскучились те, чтобы попросили, и уж тогда только везли брата Григория в Александровский дворец.

Привыкали государь с государыней к баюкающим мужицким речам и в свою очередь радовались. Как хорошо: ни слуг, ни бояр между ними – только они и простой мужик! Словно в сказке: царь-батюшка запросто с народом говорит. А народ ничего не просит, ни на кого не жалуется, и знай себе о любви твердит, о благодати земной да о царстве небесном. Про странствия свои богомольные рассказывает Распутин, про святые места, про бескрайние российские

просторы. Он-то их исходил вдоль и поперёк, а вот императорской семье даже на Валаам никак не выбраться – даром, что совсем рядом остров монастырский, на Ладожском озере.

Так за редкими разговорами один год прошёл, и другой... Но встречи с Распутиным случаться стали всё чаще. Всё глубже в императорские души проникал голос народа, который обещал их величествам духовник Феофан. Не нравоучительствовал брат Григорий, как Иоанн Кронштадтский. Не гугнил себе под нос, как Митя Козельский. Не просил чинов и денег, как мсье Филипп. Не бился в припадках, как Дарья Осипова. Покой от него исходил. Хорошо с ним было...

И смекнули сёстры-черногорки, что Распутин – большая для них удача. Подарок судьбы. Потому как мужик этот не просто забавой стал для императора, который в душевных терзаниях пребывал. Не просто развлечением для императрицы, истериками страдавшей и настроенной мистически. Всерьёз прислушиваться стали в царском дворце к тому, что им голос народный говорит. А голосу-то этому нужное слово и подсказать не грех!

На Балканах тем временем дело к войне шло. Болгары, черногорцы, сербы, боснийцы и греки на Россию дружно поглядывали. Ждали, когда царь Николай с армиями придёт и турок с австрийцами погонит. А тот, знай, слова Александра Третьего повторял, батюшки своего: *За все Балканы не отдам жизни даже одного русского солдата!* Не хотел войны император – мира хотел. Точь-в-точь как отец...

...но каково приходилось дочерям князя черногорского, Милице и Анастасии?! Русский царь воевать не хотел, а отец терзал их: вы, мол, царю родня, встречаетесь часто, можете запросто говорить о делах государственных! Напомните, мол, что он один сейчас – надежда всего православного мира, потому как без русских штыков не одолеть нам врага. У Черногории-то всей армии – тридцать пять тысяч солдат. Пускай, мол, Россия войну начинает!

Дядя императора, великий князь Николай Николаевич, тоже о войне грезил. Командовал он полком синих кирасир. Кони в том полку *медведями* назывались, потому как были громадными. Воины все – богатыри, один к одному. И сам Николай Николаевич – седой красавец роста высоченного – рвался в бой. Сколько можно на охоте душу отводить, сотнями зайцев истреблять с косулями? Кровушки хотелось ему человеческой. Городов и стран захваченных. Армий огромных, через всю Европу марширующих.

Внутреннему взору рисовалась великолепная картина: идут подчинённые Николаю Николаевичу войска через какую-нибудь столицу, на штык взятую; впереди – полк синих кирасир верхами в парадном строю, а впереди полка он сам гарцует на храпящем рыжем *медведе*, и женщины кругом от восторга визжат и цветы в него бросают...

Ещё с императором Александром Третьим, которого Миротворцем прозвали, бесполезно спорил Николай Николаевич, к войне толкал. Да где там! Александр тоже статью богатырской вышел – гигант, косая сажень в плечах. А уж если гаркнет или кулаком пудовым по столу грохнет – у любого поджилки задрожат, даже у воинственного синего кирасира.

Вот сын Александра и племянник Николая Николаевича, император Николай Второй, не в их породу пошёл здоровьем. Маленький какой-то, тихий. Голос повышает разве что перед строем, когда с производством в офицеры поздравляет. Но упрямый – в отца. И так же воевать не хочет. Согласился один раз, когда с японцами Дальний Восток делили, так до сих пор переживает. И на Балканы ни в какую. Ни к чему, говорит, народ зря губить...

...так пусть народ и объявит ему, что желает воевать! Желает братьям-славянам помочь, руку помощи подать всем православным! Пусть русский мужик скажет, что готов хоть сейчас бросить соху – и под ружьё! Пусть Распутин этот, уж коли слушает его речи государь, голосом народным замолвит словечко за благодетелей своих – за княжон черногорских и за великого князя. Чай, не забыл ещё, кто его мыться приучил и одеваться, как подобает... кто в палаты царские ввёл...

И ещё в одном деле крепко надеялся на Распутина Николай Николаевич. Княжна Анастасия в браке с герцогом Лейхтенбергским состояла и детей имела от него. Только за спиной у герцога её отношения с великим князем всё ближе становились – уже и не утаить. Блудили напраую. Вот кабы император помог с разводом дело уладить, да разрешил Николаю Николаевичу на Анастасии жениться!

Опасался великий князь гнева тихони-императора. Уж если государь любимого дядю своего Павла Александровича не пощадил, за женитьбу против царской воли лишил чинов и въезд ему закрыл в Россию, – с Николаем Николаевичем точно церемониться не станет!

Тем более, даже не в герцоге-рогоносце дело, а в том, что сестра Анастасии – княжна Милица – замужем за братом Николая Николаевича, великим князем Петром Николаевичем. А церковь запрещает родным братьям жениться на родных сёстрах. Знамо дело: как первая пара обвенчалась, так вторая уже – кровные родственники. Какая между ними женитьба? Грех! Вот и надеялся великий князь, что уговорит государя сибирский мужик.

Только понемногу выясняться стало, что Распутин-то себе на уме. И болтает всё, что хочет и что думает, а не то, что наказано. И во дворец уже иной раз его везут без сопровождения – и ещё, и ещё раз. А уж о чём меж собой император с братом Григорием беседуют – одному богу ведомо.

Вот с этим ни черногорские княжны, ни кирасир Николай Николаевич примириться никак не могли.

Глава XXIII. Санкт-Петербург. Садик в Коломне

– Я себе так представляю, – басил Маяковский, подкрепляя слова энергичными взмахами кулака, – все эти облачка, цветочки и сюсюканья нам ни к чему. Как вы давеча справедливо заметили – за борт! Смотреть на жизнь из окна и слёзки точить – от горя, от умиления, всё равно, – это не искусство. Искусство должно быть внутри жизни. Вмешиваться в жизнь должно. Управлять, переиначивать! Это как... как обряд, понимаете? Как ритуал. Вот представьте. Собралось племя. Все косматые, в шкурах, с топорами каменными. Горит огромный костёр. А перед костром – шаман. Жрец. И все ловят каждое его слово. Каждое! Потому что у него каждое слово... нет, не на вес золота, золота они же ещё не знают... в общем, от каждого его слова зависит их жизнь. Как он скажет, так и будет. Не вождя слушают, не старейшину – его! Вот таким должно быть искусство. Поэзия такой должна быть, чтобы каждое слово ждали и ловили!

Бурлюк шёл рядом с Маяковским, не перебивая. Из дома на Пушкинской они отправились по Невскому в сторону Адмиралтейства и свернули влево на Морскую. Жара плыла по-прежнему.

Дойдя до Исаакиевской площади, сделали привал, посидели на скамеечке в палисаднике. Покурили, любуясь на слепящую золотом куполов махину собора. Осмотрели только-только достроенную рядом с «Англетером» гостиницу «Астория», которую собирались открыть к празднику трёхсотлетия императорского дома. Поглазели на скульптуры, венчавшие германское посольство напротив.

Двинулись дальше, обогнули конный монумент Николая Первого перед Мариинским дворцом, перешли широченный, в сто саженей, Синий мост и скоро с Вознесенского проспекта повернули направо, в Офицерскую улицу.

– Поэт титанической личностью должен быть! – продолжал Маяковский. – Поэт – это пророк. Тринадцатый апостол, если угодно. В конце концов, поэт – это с большой буквы Творец! Он создаёт новый мир. Ведь владеть словом – это и значит владеть миром. Не может пророк, владеющий миром, вот об этом стишки кропать!

Он ткнул пальцем в сторону витрины цветочного магазина. Под вывеской знаменитой фирмы Эйлерса пестрело великолепие бесчисленных роз, орхидей и лилий; две симпатичных цветочницы в форменных фартуках опрыскивали цветы и зелень из пульверизаторов и неслышно смеялись за стеклом...

– Сурово, Владим Владимыч, – сказал Бурлюк. – Творец, говорите; Создатель мира... Претендуете на роль господ бога?

– Бога нет, – отрезал Маяковский.

– Сказали бы уже, как Заратустра: бог умер... Ницше читали? Нет? Вернёмся в Москву, дам вам книжечку... Смотрите-ка, что получается. Вы собираетесь сотворить новый мир. Надо полагать, более справедливый и прекрасный, чем наш, иначе зачем тратить силы... Но для кого?

– Что – для кого?

– Для кого вы создадите этот мир? Для себя одного? Или ещё для кого-то?

– Для всех!

– Для всех? Для народа? Так народ придёт в этот ваш новенький, с иголочки, чистенький мир и начнёт в нём плевать, гадить по углам, сапожищами грязь развозить, окурки и от семечек шелуху разбрасывать... Приятно вам будет? А ещё народ говорить станет, что мир-то ваш – так себе! Одному то не понравится, другому это... На всех не угодишь. Попрекать начнут: мол, сулил золотые горы... Много вы памятников пророкам видели? Отвечайте, отвечайте!

– Ни одного, – неохотно признался Маяковский.

– Вот! Зато камнями их сколько побито и распято – не сосчитаешь! И вы тоже окажетесь никаким не Спасителем, а просто очередным козлом отпущения.

Несостоявшийся Спаситель мрачно выслушал тираду.

– А вы что предлагаете? – наконец, процедил он.

– Предлагаю не спешить с мессианством, – с готовностью ответил Бурлюк. – Занять место на кресте всегда успеете, Голгофа работает круглосуточно. Конечно, кто бы отказался осчастливить собой человечество?! Но прежде чем создавать мир для всех, попробуйте создать его для себя. Тоже интересно, между прочим: представляете – целый мир для одного Владимира Маяковского! Создайте, поживите в нём, пообвыкните... Мне понравилось про жреца и тех, кто ловят каждое его слово. Хорошо! Собирайте вокруг себя толпу, и пусть слушают. Кто-то уйдёт сразу, кто-то потом... многие и не придут даже. Но будут и такие, которые не слушают, а – внемлют! Вот их и берите, и ведите за собой, в новый свой мир...

– Мы что же, в оперу собрались? – спросил Маяковский, уловивший возможность переменить тему.

Они прошли уже половину Офицерской и оказались на звенящем трамваями многолюдном перекрёстке возле Мариинского театра. Афишные тумбы приглашали на «Жизнь за царя» Глинки. Бурлюк хмыкнул:

– Почему же обязательно в оперу? В Мариинке, между прочим, Павлова танцевала. «Умиравшего лебедя» я вам очень рекомендую, если повезёт. Напротив бывший Каменный театр, ныне Консерватория – там Чайковский учился. Дальше – Литовский рынок и синагога. Видите купол? Не волнуйтесь, ни на рынок, ни в синагогу я вас не приглашаю. Так, что ещё... Сыскная полиция, где Тургенев сидел – ну, это вам не очень интересно, вы тоже сидели... Шахматный клуб – самого Чигорина клуб! Кадетский корпус мы прошли, а вон там – Крюков канал, Новая Голландия, эллинги и казармы Гвардейского экипажа. Знаете, сколько великих здесь жили? Грибоедов, Толстой, Салтыков-Щедрин... «Домик в Коломне» пушкинский помните?

*По воскресеньям, летом и зимою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою
У крылоса налево. Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову – и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье...*

– Покров – это церковь на площади, в здешнем центре, – пояснил Бурлюк. – Александрейч тоже поблизости квартировал, у Калинкина моста, «Руслана и Людмилу» дописывал.

– Вы же сказали, в Коломне?

– Э-э, Владим Владимыч! Края здешние так называются – Коломна. Представьте, было тут раньше Козье болото... Сколько мы с вами шли от Невского, минут двадцать? Хорошо, тихим шагом, нога за ногу – полчаса, не больше. А сто лет назад господа сюда ездили уток стрелять. Да не сто – семьдесят, пятьдесят! Гоголь как-то высказался в том смысле, что Коломна – не столица и не провинция, а очень странное место. И стоит перейти сюда из города, как пропадают всякие молодые желания и порывы. Что, не боитесь без молодых желаний остаться?

– Диву даюсь, – вскинул брови Маяковский, глядя на рассмеявшегося приятеля, – откуда у вас в голове берётся такая пропасть всего?

– Книжки читаю, в библиотеках ночью, – солидно заявил Бурлюк и снова прыснул со смеху. – Ладно, про Коломну мне Мандельштам рассказывал – он здесь жил в детстве и каж-

дый камень знает. Я же говорю, одни сплошь великие! И, кстати, днями куда-то сюда Блок переехал. Только мне адреса пока не дали... Всё, мы на месте!

На Офицерской в городском увеселительном саду – бывшем Демидовском, который по-свойски именовали «Демидрон», – открылся «Луна-парк». К этой новой столичной забаве и привёл Бурлюк своего приятеля.

– Мне повезло, – говорил он, покупая билеты, – я здесь ещё саму Комиссаржевскую застал, Веру Фёдоровну...

– В «Луна-парке»?! – не поверил Маяковский. – И кем же она?..

– Фи, Владим Владимыч, такие шутки вам не к лицу. У Комиссаржевской в «Демидроне» раньше был театр. А у меня есть приятель, Сева Мейерхольд – надо бы вас познакомить. Фее-рическая личность, и вот уж у кого энциклопедия в голове! Сева работал в Москве со Станиславским и Немировичем, а потом перебрался сюда. Служил у Веры Фёдоровны режиссёром, Блока ставил. А я хаживал к нему по знакомству...

Приятель отправился блуждать по саду, разглядывая новомодное петербургское развлечение. На обширной территории уместилось множество аттракционов.

Среди высоких скалистых гор, устроенных бутафорами, вилась, поднимаясь и спускаясь по склонам, самая настоящая железная дорога. И по ней в лязгающих вагончиках с визгом проносились вцепившиеся в поручни люди с перекошенными лицами.

Желающих приглашали покататься на *чёртовом колесе* в аккуратно выкрашенном деревянном павильоне с башенкой. Смелчаки рассаживались по кабинкам вдоль края большого горизонтального круга, и мощный двигатель начинал раскручивать этот круг – всё быстрее, быстрее, быстрее...

Полученное впечатление – а Маяковский уговорил Бурлюка прокатиться, – запили пивом в открытом буфете и двинулись дальше.

Тир с духовыми ружьями, силомер, качели...

Едва ли не больше народу, чем все остальные павильоны, собрала *деревня Сомали*. В окружении обычных петербургских лип и каштанов здесь и в самом деле выстроили настоящую африканскую деревню. На толстых деревянных столбах покоились покатые навесы, крытые вязанками сухого рыжего тростника. Под ними, как в обычных деревенских домах, сидели чёрные женщины со своим рукоделем. Склонив головы с необычно убранными густыми выющимися волосами, они напевали что-то заунывно-бессловесное – простое, как мычание, – вязали циновки, толкли что-то в больших деревянных ступах и мастерили яркие тряпичные пояса.

Вдруг раздался глухой рокот барабанов – и на выстеленную досками центральную деревянную площадь, эдакий африканский майдан, ухая в такт, выскочили два десятка воинов. Вооружены они были мечами, копьями и маленькими круглыми щитами. Под жёсткий завоораживающий ритм чёрные воины в развевающихся белых накидках исполнили боевой танец. Местный служитель пояснял собравшимся вокруг посетителям «Луна-парка» ритуальный смысл танца, призванного обеспечить воинам силу и бесстрашие – и даровать победу над врагом.

– Вот вам обряды! – удовлетворённо сказал Бурлюк. – Смотрите, сколько народу! Все стоят, смотрят, и не уходит никто. А ритм какой! Надо взять на заметку.

В павильон кинематографа Маяковский идти не пожелал.

– Там же один сплошной Макс Линдер! – возмутился он. – И вы хотите это смотреть?! «Макс – законодатель мод», «Макс – преподаватель танго», «Макс – виртуоз»... Сколько можно?

– Ещё есть «Идиллия на ферме», – флегматично заметил Бурлюк. – Я уже видел в Москве. История такая: Макс приезжает в деревню, а там родители хотят выдать замуж старшую дочь. Младшую для маскировки переодевают служанкой, но всё равно Макс начинает за ней ухлёстывать. И пошла комедия...

– Чушь какая! – фыркнул Маяковский.

– Правда ваша, с мыслью там беда и смешно не очень. Зато натурные съёмки – фантастика! Я бы на вашем месте посмотрел, пригодится. Вы ведь мечтаете о кинематографе! И кем хотите быть – актёром, режиссёром, сценаристом?.. Нет, конечно же, всеми сразу!

Маяковский удивлённо уставился на Бурлюка.

– С чего вы взяли?

– Бросьте, Владим Владимыч! Если вы сейчас скажете, что безразличны к кинематографу, я перестану вас уважать. Может, и на сцену вам не хочется?

Крыть Маяковскому было нечем, а Бурлюк продолжал:

– Здесь, кстати, кроме театра имеется оперетка. Отменный зальчик, небольшой, но очень удобный. Вот где надо выступать! И обратите внимание – кругом наша публика. Вот в Мариинском – не наша. Опера, балет, фраки... Там ловить нечего. А здесь – вы посмотрите, посмотрите на них! Эти мужчины с капустой в усах могут часами разглядывать папуасов. Эти женщины с набеленными лицами знают всего Макса Линдера наизусть. И все они скоро будут носить вас на руках. Слышите, как на горной дороге визжат? Их туда что, кто-то гонит? Нет! Сами ломятся в эти вагончики, деньги платят – и ещё дерутся с теми, кто пытается пролезть без очереди. А почему?

– Хотят сильных ощущений. Наверное, в жизни не хватает.

– Само собой! Жизнь – штука пресная и скучная. То ли дело в кинематографе или в театре – там страсти бушуют! Страсть – первое дело! О главных страстях только и надо писать.

– Я пишу.

– О чём же?

– О любви. О смерти...

– Любовь – да, смерть – конечно, да! Но как же вам писать о любви, когда вы её ещё не знали? Как писать о смерти, когда вы толком не понимаете, что она такое?.. Ненависть! Вот что клокочет внутри вас. Ненависть! Вы ненавидите буржуев и капиталистов, сами говорили. Я, правда, не вижу разницы... Вы ненавидите тех, у кого есть деньги, потому что у вас их нет. Из ненависти вы даже оружие брали в руки, все эти ваши бомбы и револьверы. Из ненависти вы готовы были убивать! Вы ненавидите женщин, которые не отдаются вам только за то, что вы – Владимир Маяковский. Вы ненавидите тех, кому они всё же отдаются – потому что это не вы. Вы ненавидите тех, кто обыгрывает вас в карты или на бильярде – не спорьте, я видел, как вы играете. Вы ненавидите чужое искусство, потому что другие пишут о цветочках. Или, как вы изволили выразиться, смотрят на жизнь из окна и точат слёзки. А вы этой жизнью желаете управлять! Ломать желаете то, что не по вас. Крушить беспощадно. Вы ненавидите людей, потому что им нравятся слезливо-цветочные стихи. Ненавидите, потому что люди недостойны того мира, который вы для них создаёте, и никогда не смогут по достоинству оценить ваш дар...

Бурлюк отстранился и оглядел Маяковского, словно впервые увидел.

– Да вы же... вы же страшный человек, Владим Владимыч!

Глава XXIV. Ялта, Ливадия. Не мир, но меч...та о мире

Богатый запах щекотал ноздри. Орех, горький миндаль, ржаная корочка...

Николай Александрович, не открывая глаз, сделал глоток. Чуть солоноватое вино приятно обволакивало язык и радовало долгим послевкусием. Правы были насчёт хереса и Диккенс, и Шекспир. Да что там, сам Гиппократ отдавал ему должное!

Шампанского император не любил, коньяку не пил. В Ливадийском дворце в почёте были вина из соседней Массандры. С тех пор как Удельное ведомство Министерства двора купило здешние земли у наследников графа Воронцова, необъятные винные подвалы не просто стали императорской недвижимой собственностью, но и приносили солидный доход членам царствующего дома.

Ценил Николай Александрович красные портвейны, особенно – «Ливадию» № 80 и «Массандру» № 81, которые впервые создали не в Массандре даже, а прямо в дворцовых подвалах. В аптеках бутылки *царского* портвейна, отмеченные государственным гербом, продавались за немалые деньги, по восьми рублей. И стараниями главного императорского винодела, князя Льва Сергеевича Голицына, эти вина славились во многих странах.

Но вот херес – «Южнобережное крымское вино № 37» – делали только конкуренты из товарищества Христофорова. Так что лучший российский херес для императора заказывали в Симферополе. И там же брали крымскую мадеру «NV», которую смаковала сейчас императрица: вечером августейшие супруги позволяли себе рюмочку-другую.

– Ты не зябнешь? – спросил жену Николай Александрович.

Александра Фёдоровна поправила на плечах вязаную шаль. С моря тянуло свежестью. Дневная жара отступила, и вечерний сумрак окутал Ливадийский дворец. Император почитал детям перед сном, потом все вместе помолились, а когда царевны и цесаревич уснули – Николай Александрович с Александрой Фёдоровной сели на свежем воздухе, в любимом своём дворике, где жёлтый электрический свет выхватил из темноты плетёное кресло для него, кресло-качалку для неё и между ними – круглый столик, покрытый кружевом длинной белой скатерти.

Сюда не долетали звуки ни из казарм, где квартировали солдаты и казаки дворцовой охраны, ни из Свитского корпуса. Прохладный ветерок доносил лишь обрывки пения граммофона, должно быть, откуда-то из покоев министра двора Фредерикса. Едва слышно шумело вечерним прибоем недалёкое море. Во тьме надрывались сверчки, вскрикивала порой невидимая ночная птица – и похрустывал гравий под тяжестью огромного лейб-казака Тимофея, что расхаживал за кустами.

Николай Александрович сделал ещё глоток хереса, императрица пригубила мадеру.

– Господи, до чего же хорошо, – негромко сказал император. – Впору стихи читать в голос. Ей-богу, просто Фаустом себя чувствую. *Zum Augenblicke dürfte ich sagen: «Verweile doch, du bist so schön!»* Мгновение, остановись! Ты так прекрасно...

– Ты романтик, Ники, – с улыбкой откликнулась Александра Фёдоровна. Она сунула карандаш между страниц книжки, которую читала, и положила её на стол. – Мне наконец-то стало покойно здесь...

Когда Алиса Гессенская приехала в Россию, чтобы креститься в православную веру, получить благословение и стать женой цесаревича Николая, император Александр Третий умирал в ливадийском дворце.

Смотреть на человека, который знает о близкой смерти и доживает последние дни, невыносимо. Тем более когда человеку этому нет и пятидесяти, когда ещё совсем недавно он кипел энергией и бравировал здоровьем. Теперь оплывший, сломленный недугом богатырь целыми днями почти недвижно сидел в кресле и в ожидании конца слушал вальсы с мазурками в испол-

нении духового оркестра. Ники ходил, убитый горем, у Аликс разрывалось сердце, и тогда случились у неё первые истерики.

А шестью годами позже, на рубеже столетий, в тысяча девятисотом Ники слёг с тифом. Он умирал на том же месте, где почил его отец. В Ялту слетелись министры, и Аликс ненавидела этих падальщиков, ждавших конца её любимого. Она была в ужасе: оказалось, по смерти императора трон достанется не старшей его дочери – Ольге, а брату Михаилу, таков российский закон о престолонаследии. Что же будет с нею, с детьми?

По счастью, Николай Александрович поправился, и семья продолжала выезжать в Ливадию на лето. В прошлом году вместо ветхого дворца, овеянного мрачными воспоминаниями, наконец-то закончили строить новый – такой прекрасный и уютный, где ничто больше не напоминает о пережитых страданиях...

– Интересно? – император потянул со столика книжку, которую отложила Александра Фёдоровна.

Он взглянул на обложку с рисунком, где один гладиатор пронзал копьём грудь другого, и прочёл:

– Учитель и ученик. Велимир – о! – Хлебников... Велимир – это его настоящее имя?

– Не знаю, – ответила императрица, – какая разница? Очень занимательно пишет. Начала там, правда, про русский язык, про падежи внутри слова... я не очень поняла. Потом про географию, про славянские страны – вроде того, что ты рассказывал. А дальше о будущем...

– Вот как? И что же?

– Мне понравилось, как он подаёт мысль. Посмотри, где я подчеркнула.

Николай Александрович пролистал несколько страниц и прочёл отмеченные карандашом строки.

Я не смотрел на жизнь отдельных людей; но я хотел издали, как грядущим облакам, как дальний хребет, увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность...

Он поднял глаза от книги.

– Что ж, наверное, молодой ещё. И стихи, небось, пишет.

– Я про это Анечку Танееву попросила узнать. А здесь он говорит, что открыл правила, которым подчиняются народные судьбы. Эти волны жизни. Царства появляются и пропадают, и великие войны начинаются через равные промежутки времени, через какие-то определённые периоды. Я сразу вспомнила Дашу...

Дарья Осипова – богаделка из тех, что приводили к Александре Фёдоровне черногорские принцессы, – страдала эпилепсией. Её предсказания рождались в корчах, когда Даша билась в припадке с пеной у рта и хрипло вещала, выкрикивая обрывки слов и фраз.

– Я её тоже часто вспоминаю. – Николай Александрович закурил новую ароматную папиросу. – Её и двенадцатилетние перевороты.

В очередном припадке напроорочила Даша, что при трёх последних русских царях ход истории будет меняться раз в двенадцать лет. Конечно, звучали выкрики не так складно, и объяснить свои слова вещунья толком не могла, но смысл от этого не менялся.

Сказав про Дашу, Александра Фёдоровна осеклась, но поздно: сказанного не воротишь. Такой славный, тихий вечер... И кто потянул её за язык?! Знала ведь, что Ники не любит говорить о прорицателях: мало хорошего доводилось ему от них слышать...

– Похоже, Даша права оказалась, – продолжал между тем Николай Александрович, машинально листая книжку. – Революция случилась в девятьсот пятом, как раз в мой двенадцатый год на троне. Обещал я охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель, да не вышло. Революция, конституция... Теперь

следующие двенадцать лет на исходе – и семнадцатый год впереди. Вот, пожалуйста, здесь ты тоже это отметила...

Одну фразу в книжке подчёркивали несколько резких карандашных линий.

Не следует ли ждать в 1917 году падения государства?

Императрица зябко поёжилась и плотнее запахнула шаль на груди.

– Ники, дорогой, не принимай близко к сердцу. Мало ли, что в книжках пишут. Там ведь не о России речь идёт... о государстве вообще... мало ли?

– Да мы-то ведь с тобой говорим и думаем о России, – невесело улыбнулся ей император. – Чем же Россия хуже других? Тяжкие, тяжкие дни сулят нам – что Даша, что Велимир твой... Дорого бы я дал за книгу не про то, когда и как начинаются войны, а про то, как их не начинать! Ты представь: сколько живут на земле люди, а ведь так, чтобы никто нигде не воевал – наверное, никогда и не было. Одна война ещё заканчивается, а две других уже на подходе. Как же тут быть, милая моя, что с этим делать?

– Так ведь ещё в Писании сказано: *Не мир пришёл Я принести, но меч...*

– А мне всегда нравилось... ты знаешь, – сказал Николай Александрович, глядя на Александру Фёдоровну, и глаза его заволокло туманом. – *Сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему...*

Два идеала были у Николая Второго – два царя: Алексей Михайлович Тишайший и Александр Третий Миротворец.

В честь своего предка назвал он Алексеем единственного сына. Не побоялся. Хотя имени этого в династии избегали после того, как внук Алексея Михайловича царевич Алексей проклял отца своего, Петра Великого, и весь царский род.

Не за тихий нрав прозвали Тишайшим Алексея Михайловича европейцы. Титул этот – на латыни *Clementissimus* – давали за покой в стране во время правления государя. А ведь чего только не случилось на веку Алексея Михайловича! И бунты – Соляной и Медный, и восстание Разина, и войны с Польшей и Швецией... Но всё равно – тихо, спокойно было в России по сравнению с Европой. Умел Тишайший обходиться без ненужного кровопролития.

Желавшие сделать императору Николаю приятное – упоминали о сходстве с Алексеем Михайловичем. Оно и внешним было, и внутренним. Тишайший о себе говорил: *Я человек порядка по преимуществу*. Знаменитая мудрость – *делу время и потехе час* – тоже им записана. Вот и Николай Александрович долг свой прежде всего остального ставил, даже прежде семьи, хотя и тяжело ему это давалось.

В книжке хлебниковской про единение Великой и Малой Руси сказано, Александра Фёдоровна дату отчеркнула. А кто беглого сотника Богдана Хмельницкого поддержал? Кто ему гетманом Украины стать помог и в нужный момент руку помощи протянул? Кто два братских народа объединил? Алексей Михайлович Тишайший...

И родителя своего боготворил император Николай. Любил повторять Александр Третий:

– У России есть только два союзника – армия и флот...

И добавлял с раскатистым смехом:

– Потому что России назначено быть пугалом для всего мира!

Золотые слова.

Александр Первый разгромил Наполеона – и во Франции на трон вернулись Бурбоны, а Британия смогла создать колониальную империю. Но с кем вскоре пришлось России вести Восточную войну? С Францией и Британией.

Николай Первый сохранил от распада Австрию. Благодаря нейтралитету Александра Второго – Пруссия смогла объединить Германию и превратить её в империю. Но не прошло и

десяти лет, как Берлин, Лондон, Париж и Вена вынудили Россию к унижительному договору с Турцией. Тогда-то Балканы и достались немцам с австрийцами.

Чёрной неблагодарностью платили союзники. Потому и объявил Александр Третий, что такие друзья ему боле не нужны – довольно двух: армии и флота.

Можно ли для огромного и могучего государства придумать политику мудрее? Не на соседей бросаться, не в политические и военные игры с ними играть, а своими внутренними делами заниматься! Чтобы в стране порядок был, чтобы процветала она – войной ведь процветания не добудешь. Чтобы дети и старики в ней сытыми были. Что же касается других государств... Если они – настоящие друзья, пускай радуются российскому спокойствию и мощи. Если же враги – пусть остерегутся: в драке армия и флот России ох как себя покажут!

Старался мирно править Александр Третий. Держался подальше от Австрии, чтобы иметь возможность манёвра в случае войны между Германией и Францией. Развивал банковское дело и промышленность. Заселял Сибирь. Уновлял законы. Торговал с половиной мира себе в прибыль.

За тринадцать лет его правления вооружённое столкновение случилось единственный раз – при Кушке, с афганцами, что захватили принадлежавший России оазис.

– Я не допущу посягательства на нашу территорию, – заявил тогда император и отдал приказ: врага уничтожить.

Афганцами командовали британские офицеры. Советники Александра опасались, что их гибель спровоцирует войну с Англией.

– Хотя бы и так, – спокойно ответил государь.

Лондон поспешил решить дело миром.

И сыну своему, ставшему российским императором Николаем Вторым, Александр Третий завещал – мечту свою о мире и умение любить жену.

Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть.

Глава XXV. Лондон. Бомба для «Титаника»

В служебной переписке его настоящее имя никогда не упоминали. Само появление британской контрразведки до сих пор оставалось строжайшей тайной, поэтому создателя и главу новой службы в документах обозначали литерой «К». Надо сказать, он откликнулся, когда очень немногочисленные друзья и хорошие знакомые шутливо называли его, как и букву – Кей.

– Представьте себе, – говорил он сейчас, – этот мой парнишка, который на таможне без году неделя, обратил внимание на то, что у неё слишком сильно накрахмалена юбка! Экое диво: оперная певица отправляется на гастроли в юбке не по моде!

Его собеседник, дымя крепкой гаванской сигарой, рассудительно заметил:

– Интересно, что было бы, если бы вместо певицы ехал певец?

– Поверьте, Винни, немодную юбку он заметил бы и на певце!

Широколицый джентльмен, которого Кей дружески назвал Винни, издал довольный смешок.

– И всё же, – сказал он, – стоило бы в число ваших людей включить тех, которые обращают внимание на певцов. Вы меня понимаете.

Кей кивнул. Конечно, они понимали друг друга.

– Не желаете виски? – спросил Винни. – Только не говорите, что вы на службе!

– Мы оба на службе, – сказал Кей. – Виски, пожалуй, нет... Я бы не отказался от хереса.

Винни поднялся из огромного резного кресла. Подойдя к спрятанному в стене бару, он распахнул дубовые дверцы.

– Вам повезло. Мне привезли в подарок несколько бутылок из России. Дивный букет! Вы же читаете по-русски. Что здесь написано?

– Южнобережное крымское вино номер тридцать семь...

– Спасибо, номер я разобрал.

Теперь пришла очередь Кея усмехнуться. Пока Винни наливал херес ему и виски себе, он закончил рассказ:

– А с юбкой всё оказалось просто. Шифровка симпатическими чернилами, закреплённая крахмалом. Мы её проявили и отдали *головастикам* Холла...

Уильям Реджинальд Холл руководил королевской военно-морской разведкой. В старом адмиралтействе помещалась секретная комната, где трудились его дешифровщики, прозванные *мудрыми головастиками*. Даже уборщиц в комнату допускали редко и с невероятными мерами предосторожности.

– Любите вы подбрасывать им загадки! – сказал Винни, передавая гостю бокал. – А не получится снова, как с тем аббатом?

Кей поморщился при упоминании о курьёзе. Действительно, как-то контрразведка перехватила письмо священника, адресованное одной актрисе. Белокурая чаровница слыла дамой полусвета и славилась не столько сценическими талантами, сколько бесстыдными оргиями, которые устраивала на своей вилле «Алкивиад». Подозрительным показалось обращение *Ваше преосвященство*, которым начиналось письмо на имя известной кокотки. И последующий текст уж больно походил на шифровку. Люди Холла потратили уйму времени, но оказалось, что пастырь, таясь от церковных властей, просто очень витиевато благодарил за доставленные удовольствия и выражал желание участвовать в очередном развратном безумстве.

– Бывает и такое. – Кей пригубил рюмку с хересом. – В конце концов, каждый может ошибиться. Всё же мы просматриваем письма почти на тридцати языках. И вероятно, во время войны число это возрастёт раза в два.

Широколицый уселся обратно в своё грандиозное кресло.

– Да, – сказал он, – думаю, ждть осталось недолго. И – чёрт побери, нам надо готовиться к будущей войне! А эти умницы в правительстве готовятся к предыдущей.

– Ну почему же, – возразил Кей, – я слышал, что генерал Вильсон совершает частные вояжи в Бельгию и там, как турист, объезжает на велосипеде германскую границу, осматривает укрепления. Сам ездит, и офицеров своих поощряет... Вы правы, херес чудесный. Запасами не поделитесь?

– Так и быть, уступлю бутылочку... К сожалению, Вильсона недостаточно внимательно слушают. И ездой на велосипеде проблемы армии не решаются... А про трюк Холла с яхтой вы слышали? Он отправился в Германию, чтобы разведать, как там идёт строительство дредноутов и береговых укреплений. Ни в доки, ни тем более на форты, конечно, не попасть – кругом полиция. А в Киле гостил герцог Вестминстерский. Холл на несколько дней выпросил у него моторную яхту, взял ещё пару офицеров, они переоделись механиками и стали кататься. Естественно, когда яхта оказывалась около верфей, двигатель обязательно глохнул. И пока его ремонтировали, Холл делал нужные фотографии. Я видел снимки – там немало интересного, поверьте мне!

– Увы, у немцев слишком много интересного, и не только в гавани Киля. Основные приготовления к войне они закончили. Слава богу, Британия лежит на островах. Будем надеяться, война двинется на восток, и дело с немцами иметь будут в основном союзники.

– Ни русские, ни тем более французы не станут таскать для нас каштаны из огня. Так что нам всё же придётся создавать массовую армию, отправлять её на континент и воевать вместе.

– Тогда не лучше ли заранее проявить о союзниках немного заботы и активнее обмениваться информацией? Русские не против такого сотрудничества. Они тут поделились со мной кое-чем...

Из портфеля, стоявшего около его кресла, Кей вынул увесистый бумажный пакет и выложил оттуда на стол продолговатый серый цилиндр.

– Что это? – спросил Винни.

– Я думал, вы мне скажете. Вы же знаете толк в сигарах!... Шучу. Это изобретение одного немецкого химика, доктора Шелле.

Кей начал манипулировать с цилиндром под пристальным взглядом Винни.

– Смотрите, вот здесь, посередине, медная пластина. С обеих сторон на неё навинчены свинцовые трубки. В эту наливается пикриновая кислота, в эту – серная. При соединении они воспламеняются. Скорость, с которой кислоты разъедают медь, известна. Значит, можно рассчитать толщину пластины так, чтобы кислоты разъели её и соединились в строго определённое время.

– Бомба с часовым механизмом!

– Именно. Причём во время пожара свинец плавится, и причину возгорания установить невозможно. Вполне вероятно, русские коллеги правы, когда полагают, что немцы опробовали эти сигары на «Титанике»...

В версиях о причинах гибели океанского суперлайнера недостатка не было. Официальная и самая простая гласила, что «Титаник» напоролся на айсберг по вине капитана, который пренебрёг нормами безопасности. Однако вскоре после трагедии в прессе появились заявления, что компания-судовладелец намеренно затопила его, намереваясь получить огромную страховку.

По другому слуху – ещё до выхода корабля в море в его трюмах загорелся уголь. Очаг возгорания показался небольшим, а задержка для тушения могла сорвать первый рейс и обойтись в кругленькую сумму. Владельцы «Титаника» решили оставить уголь тлеть, надеясь, что в пути без доступа воздуха он погаснет сам собой. Но либо расчёты не оправдались, либо воздух всё же поступал, только пожар кончился взрывом угольной пыли. А может, кто-то бездумно пытался залить тонны раскалённого угля заборной водой, и обшивку разворотило паром...

Версия об атаке немецкой подводной лодки вызывала у военных улыбку. Хотя – как знать, если немцы и не торпедировали «Титаник», то вполне могли с ним просто столкнуться...

Винни повертел тяжёлую свинцовую сигару в руках, гулко стукнул ею о дубовый стол и катнул обратно к собеседнику.

– В общем, несложно подкинуть эту штуку в угольный трюм, – согласился он. – И даже следов не останется. Военный флот мы сейчас переводим с угля на мазут, но топливо – на то и топливо, чтобы гореть... Молодцы, хитро придумано! Уж если самый большой пароход в мире удалось пустить ко дну, что говорить о простых грузовых транспортах... Так вы говорите, эту штуку вам подарили русские?

– Не подарили, конечно. – Кей аккуратно завернул бомбу в пакет и убрал обратно в портфель. – Но мы иногда оказываем друг другу необременительные услуги. Например, они сдали мне барона Росток.

Кей говорил про, быть может, самую успешную операцию британской контрразведки.

Два года назад умер король Эдуард Седьмой, и делегации со всей Европы съехались в Лондон на его похороны. Барон Росток состоял в свите германского кайзера Вильгельма Второго и уже попадался на шпионаже. Русские указали на него британцам, те проследили за бароном – и подтвердили подозрения коллег из Петербурга.

Росток очень живо интересовался арсеналом в Вулидже и лондонскими казармами. А однажды в полночь он вдруг вышел из своего фешенебельного отеля, взял такси и отправился в парикмахерскую на окраине. Странный каприз – побриться ночью, да ещё в таком месте – тоже не ускользнул от внимания филёров, и барон провалил явку.

Владелец парикмахерской торговал оборудованием. Каждый день он получал несколько пакетов от иностранных поставщиков. Контрразведка проверила содержимое пакетов. Оказалось, в них вложены письма, адресованные в разные города Британии, где расквартированы войска и базируются военные корабли. Ночной парикмахер клеил на эти письма английские марки и рассылал как обычную корреспонденцию, снабжая инструкциями немецких шпионов по всей стране.

Ни его, ни барона Росток трогать не стали: вместо уничтоженной разведывательной сети Германия тут же начала бы строить новую. Кей решил, что правильнее будет следить за вражескими агентами и дожидаться войны, чтобы нанести подготовленный удар и разом лишить немцев источников информации – именно в тот момент, когда они нуждаются в ней больше всего...

– Вы сообщали русским о том, что немцы, похоже, точно так же раскрыли и наблюдают их европейскую сеть? – спросил Винни.

Кей допил херес.

– Не думаю, что с этим надо спешить, – ответил он. – Мы, конечно, сделали Петербургу некоторые намёки, но не более того. Война всё ближе, и чем больше Германия увлечётся действиями на востоке, тем спокойнее будет у нас на западе.

Винни отсалютовал гостю остатками виски.

– Согласен с вами. Обескровленный союзник особенно хорош при дележе военной добычи. Русского орла хорошенько поклюют немецкий орёл и австрийский орёл, а британскому льву тем временем достанется львиная доля!

Они действительно прекрасно понимали друг друга – эти двое, широколицый Винни и подтянутый офицер с фамилией на букву «К»: первый лорд Адмиралтейства Уинстон Леонард Спенсер Черчилль и глава Имперской службы разведки и безопасности Вернон Джордж Вальдгрейв Келл.

Глава XXVI. От любви до ненависти. Шаг третий

Повезло Распутину с Кирочной улицей. Жить здесь – лучше не придумаешь. Кругом только доходные дома приличные, казармы гвардейских полков да божьи храмы. Во все края города добираться одинаково, самый что ни на есть центр.

Вышел на Литейный проспект, повернул направо, мимо арсеналов и Окружного суда – вот тебе Нева. А если налево повернул – Невский и дальше Владимирский проспект, Загородный...

На углу с Литейным – Офицерское собрание, где цвет столичного воинства частенько собирается. Сколько раз любовался Григорий, как подъезжают они, сияя погонами, лощёные, в аксельбантах...

Прямо напротив двенадцатого дома, где издатель Сазонов его приютил, из окон видать – Спасо-Преображенский собор-красавец, обсаженный густыми деревьями и обнесённый оградой из стволов завоёванных орудий турецких. Храм вроде Исаакиевского, только поменьше, конечно. А колокола как важно звонят!

Справа от дома – кирха Анны Лютеранской. Церковь немецкая, значит. Сазонов рассказывал, что её сам Пётр Первый повелел поставить для тех германцев, что в Литейной части работали, пушки отливали. И рядом «Анненшуле» – школа при церкви. Порядок там, чистота, аккуратно всё – залюбуешься.

Немного если влево пройти – будет пятнадцатый номер, глухая стена казармы, где петербургский корпус жандармов квартирует, а дальше по другой стороне, сразу за Воскресенским проспектом, – площадь большая, вся в густых деревьях. Среди площади стоит церковь Космы и Дамиана, похожая на храмы византийские, что Григорию на богомольях в южных краях видать доводилось. Перед церковью – клумба с толстой цепью по кругу, а на клумбе – памятник павшим в боях за Отечество лейб-гвардейским сапёрам: высокий камень, обломок скалы, на котором императорский двуглавый орёл в коронах сидит. Здесь в Кирочную упирается длинная и прямая Знаменская улица, так что церковь и орла перед нею от самого Невского видать.

Ещё чуть дальше, при дворце князя Потёмкина-Таврического, – просторный сад с прудами, островами, мостами и видовыми горками. В пруды, сказывали, стерлядь запущена ещё при Екатерине Великой, а вдоль аллеи дубы растут, лиственницы, ясени, клёны... Красиво в Таврическом саду, и дышится легко! А во дворце Таврическом Государственная дума заседает, когда государь ей собраться повелит.

И ещё дальше по улице – против сада, за клиником великой княгини Елены Павловны – музей Суворова. Специально в честь побед легендарного воителя построен, вроде белого русского кремля с золотым орлом на башне. Внутри – вражеские знамёна, оружие и доспехи посмотреть можно, а снаружи по стенам – мозаичные картины огромные с подвигами суворовскими.

Хорошо на Кирочной! И просто гулять, и идти куда по ней – одно удовольствие. Будь на то его воля – Григорий здесь и квартиру бы себе спроворил. Не всё же по углам у добрых людей ютиться! Самому-то ему и чулана довольно, да только дети подрастают. Дмитрий, на беду, совсем дурачок, умом скорбный, зато Матрёна – умница, и Варька ей под стать. Пора везти в столицу и определять к учёбе. А мамка их Прасковья, жена Григория, тоже ведь в Покровском одна не останется. Значит, всем сюда перебираться надобно...

Два филёра, Свистунов и Терехов, шли следом по обеим сторонам улицы. К этой манере Распутин – говорить на ходу и по временам размахивать руками – они уже привыкли. А у него повелось так с давних пор – с тех ещё, когда в конюшне выкопал себе пещерку. Грамоте учился – Писание вслух разбирал. Молился – тоже в голос. Когда по святым местам шёл, с попутчиками беседовал. Нешто можно, не давши обета, рта не раскрывать на тысячевёрстном

пути?! Ежели кто по доброте брался подвезти паломников – тоже не молча ехали, рассуждали о спасении души да о местах, где бывать довелось. А как в мыслях Григория бесы одолеть пытались, или соблазн перед глазами появлялся, или вспомнить случалось врага рода человеческого – одной рукой осенял себя Распутин крестным знамением, а другой – отмахивался кулаком.

Ходил он не быстро: тоже привык за годы паломничества. Когда пути впереди на месяцы – куда спешить? Зато таким неспешным ходом случалось и тридцать вёрст в день одолеть, случалось – и пятьдесят. Шаг за шагом, с утра до ночи...

Никуда не ждали нынче Григория Распутина; немногие знали, что приехал он из Покровского, съездил в Крым к императору с императрицей и вернулся теперь в Петербург. Можно было просто брести по петербургским улицам, обдумывая своё житьё.

Квартиру отдельную нанять в столице и семью, наконец, перевезти – дело хорошее. Только сильно не дешёвое. Где же такую уйму денег взять? Конечно, перепало ему иной раз немного, когда приглашали к господам. Не оскудеет рука дающего! Только мало давали. Не оставляет человека бес искушением своим и делает всякие наваждения. Говорит: сам по миру пойдешь, не подавай, оскудеешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.